

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 3 2021 (МАРТ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

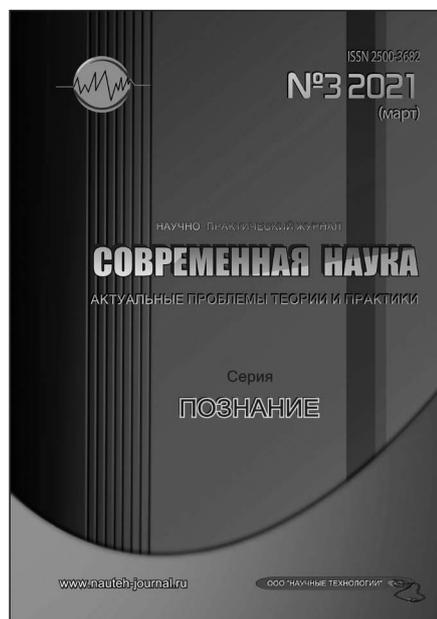
Подписано в печать 25.03.2021 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №3 (март) 2021 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусств.н., профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филос.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусств.н., профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

- Асфандиярова А.Р.** – Основные теоретические подходы к изучению книжной культуры
Asfandiyarova A. – Basic theoretical approaches to studying book culture. 5
- Каменец А.В., Ковалёва И.А.** – Культурно-исторические предпосылки формирования менталитета советского народа
Kamianets A., Kovaleva I. – Cultural and historical background of the formation of the Soviet people mentality 12
- Ковалёва И.А.** – Понятие «менталитет» как культурологическая категория
Kovaleva I. – The concept of «mentality» as a cultural category. 17
- Лебедева П.В.** – Формирование грузинской национальной идеи
Lebedeva P. – Formation of the Georgian national idea 22
- Мацкевич Д.И.** – Дихотомия российской ментальности
Matskevich D. – The dichotomy of the Russian mentality 26
- Тимофеева И.Ю.** – В поисках «счастья»: преломление традиционного концепта русской культуры в творчестве современных писателей
Timofeeva I. – In search of «happiness»: refracting the traditional concept of Russian culture in creativity modern writers 30
- Фидарова Ф.К.** – Стефан Георге и Генрих Бёлль: творчество как сценарий идентичности и политического пророчества для Германии
Fidarova F. – Stefan George and Heinrich Böll the art as the scenario for German identity and political prediction 35

- Чжан Вэй, Нин Вэньцин** – Проблемы организации спортивно-массовых мероприятий в рамках русско-китайского сотрудничества с точки зрения «Один пояс, один путь»
Zhang Wei, lecturer, Ning Wenjing – Problems of organizing sports events within the framework of Russian-Chinese cooperation from the point of view of "One belt, one road" 39

Психология

- Васильева О.А.** – Адаптационные механизмы поколения Z в условиях стресса, вызванного самоизоляцией из-за пандемии COVID-19
Vasilyeva O. – Adaptive mechanisms of generation Z under stress caused by self-isolation due to the COVID-19 pandemic 43
- Евсюк А.В.** – Методологические основы выявления гуманитарных информационно-психологических угроз студентам вузов Российской Федерации
Evsyuk A. – Methodological foundations for identifying humanitarian information and psychological threats to students of universities of the Russian Federation. 49
- Костригин А.А., Козлова Л.В.** – Особенности переживания стресса, психологических защит и копинг-стратегий у молодежи, вызванных угрозой заболевания COVID-19
Kostrigin A., Kozlova L. – Features of stress, psychological defense mechanisms and coping strategies in youth caused by the threat of COVID-19 disease 56
- Мельников В.М.** – Профессиональная деформация личности в юридической деятельности
Melnikov V. – Professional deformity and its features in legal activity 60

Мельников В.М. – Социально-психологические аспекты деструктивного воздействия на личность <i>Melnikov V.</i> – Socio-psychological aspects of the destructive impact on the individual. 63	Насиров М.Н. – Соотношения философских и научных видов знания в контексте парадигмальности социального познания <i>Nasirov M.</i> – The ratio of philosophical and scientific knowledge in the context of paradossalmente social cognition 106
Мясникова З.В. – Специфика экзистенциальных выборов лиц асоциальной направленности <i>Myasnikova Z.</i> – Particularity of existential choices of asocial orientated persons 67	Равочкин Н.Н. – Интеллектуальная динамика в мировой периферии <i>Ravochkin N.</i> – Intelligent dynamics in the world semi-periphery. 110
Рагулина М.В. – Ценностно-мотивационная сфера личности с ориентацией на «здоровый образ жизни» <i>Ragulina M.</i> – The value-motivational sphere of the individual with a focus on "healthy lifestyle" 71	Скопа В.А. – Кризис сциентизма: причины возникновения и последствия <i>Skopa V.</i> – Scientism crisis: causes and consequences 115
Шукшина Л.В., Мизонова О.В. – Представление об успехе у людей разных поколений <i>Shukshina L., Mizonova O.</i> – Perception of success in people of different generations. 77	Сорокина Е.Н. – Амбивалентность материнства и представления о любви как осевая доминанта субъективного материнского мифа <i>Sorokina E.</i> – Ambivalence of motherhood and the concept of love as a pivotal feature of the subjective maternal myth 118
Щербакова Н.Е., Умный Д.Д. – Развитие личностных и коммуникативных особенностей школьников посредством настольных игр <i>Shcherbakova N., Umnyy D.</i> – Development of personal and communicative characteristics of schoolchildren through board games. 82	Тагиров Р.Г. – «Фикх мусульманских меньшинств» и степень применимости концепта «мусульманские меньшинства» в отношении мусульман Российской Федерации <i>Tagirov R.</i> – «Fiqh of Muslim minorities» and the degree of applicability of the concept of «Muslim minorities» in relation to Muslims of the Russian Federation 126
Философия	
Кардашов В.А. – Китайская военная философия: три принципа Сунь Цзы <i>Kardashov V.</i> – Chinese military philosophy: three principles by Sun Tzu. 88	Информация
Крюков В.Г. – Современный взгляд на модель психики человека в творчестве И. Канта <i>Kryukov V.</i> – A modern view on the model of human psyche in the works of I. Kant. 92	Наши авторы. Our Authors. 131
Майснер Т.Н. – Углубление экологического противоречия в системе «человек-природа» в период индустриализации и урбанизации Европы <i>Maisner T.</i> – Deepening ecological contradictions in the "man-nature" system during the industrialization and urbanization of Europe 100	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 132

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ

Асфандиярова Альфия Рашитовна

Аспирант, Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы
cbs-direktor@mail.ru

BASIC THEORETICAL APPROACHES TO STUDYING BOOK CULTURE

A. Asfandiyarova

Summary: Interest in the study of trends in the development of book culture in the scientific community has been growing in recent years. The digitalization of reading is changing the vector of development of modern book culture. Understanding the perspectives of this movement is important, but it is impossible without attention to the history of the study of the issue.

The purpose of the article was to determine the main conceptual approaches to the study of book culture, which became the forerunners of those modern studies that are actively conducted in science today.

The author used methods of analysis and critical assessment of sources, identified and systematized the main approaches to the study of book culture, knowledge about which is already available in science. Understanding them can become the foundation for the formation of a new methodological toolkit and a theoretical approach that will allow us to study the current state of book culture and identify trends for possible future transformations.

Keywords: book culture, book, book business, culture, scientific approach.

Аннотация: Интерес к изучению тенденций развития книжной культуры в научной среде в последние годы растет. Цифровизация чтения изменяет вектор развития современной книжной культуры. Понимание перспектив этого движения важно, но оно невозможно без внимания к истории изучения вопроса.

Целью статьи стало определение основных концептуальных подходов к изучению книжной культуры, ставших предтечей тех современных исследований, которые активно ведутся в науке сегодня.

Автором использованы методы анализа и критической оценки источников, определены и систематизированы основные подходы к изучению книжной культуры, знание о которых уже имеется в науке. Понимание их может стать фундаментом для формирования нового методологического инструментария и теоретического подхода, который позволит исследовать современное состояние книжной культуры и выявить тенденции возможных будущих трансформаций.

Ключевые слова: книжная культура, книга, книжное дело, культура, научный подход.

Введение

Активное включение цифровых технологий в повседневную жизнь, в том числе при решении информационных и коммуникативных задач, связанных с чтением, изменяет вектор развития современной книжной культуры. Интерес к изучению тенденций ее развития в последние годы растет, но прогнозировать будущие тактики и стратегии развития книжной культуры без изучения фундаментальных подходов нам видится невозможным. Потому нашей основной задачей был поиск истоков появления термина «книжная культура» и формирования этого понятия в науке, а также определение основных концептуальных подходов к ее изучению, ставших предтечей тех современных исследований, которые ведутся в науке сегодня.

Основная часть

Универсальной дефиниции исследуемому нами понятию, как утверждают многие ученые, пока не найдено, и вряд ли есть возможность ее ожидать. Все изыскания в этом направлении прежде всего определяют концептуальные позиции авторов, их подходы и методологию исследования книжной культуры.

Сам термин «книжная культура» долгое время не использовался как научный, чаще применялся для характеристики книжного дела на определенном этапе развития общества в историческом ключе, а также для объединения в один ряд большого числа явлений, имеющих отношение к книге или литературе. Фактически как научное понятие начал получать свое определение только в 21 веке. Даже в энциклопедии под названием «Книга» [13], вышедшей в 1999 году в научном издательстве «Большая российская энциклопедия» под редакцией видных ученых-книгovedов не отведено отдельной статьи по теме «Книжная культура». То же можно сказать и об энциклопедическом словаре «Книговедение» [14].

Однако употребление термина в научных статьях 20 века мы находим довольно часто. При этом фундаментальные концепции по изучению самого явления, на наш взгляд, уже сложились задолго до определения понятия, иногда даже без фактического упоминания термина, ввиду того, что вопросы распространения и функционирования книги в обществе интересуют ученых с давних пор и по сути раскрывают сущность книжной культуры. Следует сделать оговорку, что наша систематизация не претендует на «всеохватность» и выявление всех имеющихся подходов, а ставит целью аккумулировать нако-

пленные знания о теоретических подходах к изучению книжной культуры и условно выделить общие тенденции в этом направлении.

Одним из ведущих научных подходов к изучению книжной культуры можно назвать культурно-историческое (или культурно-мемориальное [12; 34]) направление, развивающееся в рамках аксиологического подхода в культурологических и филологических традициях. Оно связано с изучением книжных памятников старины, редких и рукописных книг, частных книжных собраний, книгопечатания и книгоиздания того или иного периода русской истории. Ученые этого направления подчеркивают уникальную роль книги в системе культуры, исследуют феномен преимущественно в ретроспективном ключе в традициях классической русской филологии и часто ограничиваются изучением конкретного книжного памятника. Сторонники направления определяют книжность в этическое поле, а книжную культуру характеризуют как проявление высокой культуры, как неоспоримую ценность и выражение нравственного духа личности, народа, эпохи, основным способом интеллектуального развития считая чтение [20; 95-99].

У истоков этого направления стояли такие видные ученые-филологи, философы и культурологи, как Ф.И. Буслаев [6], А.Ф. Лосев [18], Д.С. Лихачев [17], С.С. Аверинцев [1]. В книгах, сотворенных много веков назад, они видели первоисточник современной культуры и говорили о необходимости изучения книжной культуры и истории книги в контексте эпохи, истории языка, истории общественной мысли и истории культуры. Каждый памятник литературы и культуры рассматривался под пристальным вниманием как уникальное творение и зеркало отраженной в нем философии эпохи и самой эпохи. Внимательно вглядываясь в литературное произведение, в его язык и поэтику, композиционную структуру и смысловое содержание ученые понимали общие законы поэтики текстов древних книжных памятников, таким образом формировали представление о книжной культуре эпохи и об уровне развития культуры эпохи в целом. Академик Д.С. Лихачев писал: «История книги, если ее рассматривать широко, контекстно, а не только как историю книжного оформления, чрезвычайно важная часть истории культуры человечества» [16; 10]

О взаимосвязи книги и культуры определенно высказывался и М.Н. Куфаев, видный ученый, книговед, который сам был библиофилом-коллекционером и считал сохранение редких памятников книжности и культуры одной из существенных сторон своей деятельности. Находясь под влиянием идей Г. Риккерта и позитивизма, ученый, безусловно, подходил к анализу книги и книжного дела также с позиций аксиологического подхода.

М.Н. Куфаев определял книгу как «источник культурной жизни в настоящем и через настоящее в прошедшем

и будущем» и в форме вопроса: «Разве нельзя мысленным взором не только видеть, но и ощущать всеединство книги как «субъекта» культуры и жизни или как живого фактора ее?» – он подчеркивал неразрывную связь книги и культуры [15; 22]. Доказывая необходимость ее изучения «философски», т.е. со стороны «идеальной», утверждал, что «философия книги» должна выяснить принципы, «определяющие с одной стороны ее бытие и развитие, с другой ее познание» [15; 23], понять в чем природа и сущность этого феномена. Книга его интересовала и как исторический культурный артефакт, и «как социальный факт культуры», и как «индивидуальный продукт человеческой психики» [15; 37], т.е. выделяя двойственную природу книги, при этом он обосновал идею необходимости философского осмысления и теоретического исследования книги и «книжного процесса». Этот подход к изучению книги и книжной культуры мы можем назвать, вслед за В.Л. Бениным, Р.А. Гильмияновой и Р.А. Жуковой, философско-культурологическим [5; 37].

Особенная задача М.Н. Куфаева – обращение к изучению читателя и чтения. Для ученого книга существует лишь потому, что она создана для читателя и содержит мысли, предназначенные именно для него. Познание природы и сущности книги может происходить только «в динамике читательского процесса», «на пути ее проникновения к читательскому окружению» [15; 56]. Изучение читателя, читательского восприятия книги, читательской среды ученый считал одной из важнейших задач науки, а интерес к теме «книга – читатель», стремление осмыслить конечную фазу этого процесса – читательскую – подводило его по сути к пониманию сущности книжной культуры.

Убеждение, что книга «живет» в тесной взаимосвязи с обществом, являясь сама «фактором жизненного процесса» и человеческой культуры, несомненно, фактически приводило М.Н. Куфаева к определению длинной цепи «жизни книги». Он выделил те факторы, которые сопутствуют развитию книжной культуры, отнеся к ним состояние культуры, степень умственного и нравственного развития и образования общества и личности, исторический момент, личность автора, издателя, торговца, политическое состояние государства и общества, степень насыщенности книжного рынка, состояние торговли и промышленности, емкость рынка (количество типографий, издательств), состояние книгопечатания и техники, историческую традицию, состояние и развитие устного и печатного слова. Этот подробный перечень факторов и говорит о том, что М.Н. Куфаев, анализируя сущность книги, несомненно, говорил о ее органичном существовании в обществе, выявляя как внутренние ее жизненные процессы, так и обусловленные общественным влиянием [15; 25].

Внимание к личности читателя характеризует и концепцию известного книговеда, создателя теории книги

и библиопсихологии Н.А. Рубакина. Этот подход к изучению книжной культуры мы назовем «читателеориентированным». Ученый понимает термин «книга» очень широко, включая в него не только множество различных документов, но даже и устную речь. Его логика состоит в том, что «книга нередко начинается в виде разговора, который затем систематизируется, записывается и таким образом кристаллизуется то в рукописную, то в печатную речь». Он приближает понятия «книга», «литературное произведение» и «документ» и утверждает, что отношение специалиста, работающего с книгой должно исходить с точки зрения «читательства».

Рубакин много говорит об изучении процесса распространения и «циркуляции книг», в своем интереснейшем исследовании «Этюды о русской читающей публике» [25; 35-104] сравнивает ситуацию в России и в других странах и, приходя к неутешительным оценкам, делает вывод о необходимости достижения основной цели – довести книги до читателя так, чтобы они были восприняты, поняты и приняты. Он выделяет очень важный, на наш взгляд, тезис, непосредственно касающийся развития книжной культуры в обществе: «Быстрое обращение книг – одно из самых необходимых условий быстрого обращения идей» [25; 101]. Также он особо говорит о влиянии произведения на личность читателя, для которого книга не просто передатчик авторских переживаний, а прежде всего возбудитель собственных. Читатель читает то, что откликается на его душевное состояние, на его переживания, но необходимо найти эффективные способы общения с читателем, а значит, основная задача библиопсихологии – исследование читателя, его взаимоотношений с автором и книгой, поиск этих способов «доставки» книг до читателя. Он изучает интересы и желания читателей, занимается проблемами организации библиотек, которые хочет видеть лабораториями изучения общественного мнения в отношении книги. До Н.А. Рубакина мало кто из ученых так серьезно подходил к вопросу изучения читательских интересов, восприятия читателем книги и ее влияния на человека. Этот подход сегодня формирует один из приоритетных аспектов в исследованиях книжной культуры и имеет перспективы для своего развития.

В начале 20 века в изучении книжной культуры появилось направление, сформировавшееся в рамках семиотической концепции, выдвинутой Ф. де Соссюром, и рассматривающее книгу как знаковую систему. Этот подход можем назвать также «текстовым». Согласно этой теории, книга – это система знаков, включающих слово, предложение, язык и идентифицируется с текстом. Эта концепция стала определяющей для тартуско-московской школы, связанной прежде всего с именами Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского и идеей вторичных моделирующих систем. Семиотический подход расширяет рамки книжной культуры, выявляя новые качественные связи между книгой и ее потребителем, который дол-

жен уметь «прочитать» ее культурный текст и разгадать культурный код, зашифрованный в смысловой канве, что позволяет этому «потребителю» оказаться в поле культурных смыслов. Книжная культура дает возможность трансформировать «память», создает такое соотношение «литературы» и «жизни», благодаря которому в сопоставлении с реальностью раскрываются потаенные смыслы текстов, дающие возможность переделать прошлое, потом пережить это скорректированное прошлое как истинную реальность [19]. Вопросы взаимовлияния и диалога в пространстве текста культуры неразрывно связаны с книжной культурой, а книга – и инструмент, и главный действующий герой этого процесса.

Близка к этому и концепция, разработанная М.М. Бахтиным, и представляющая в основе человеческого общества – диалог (процесс коммуникации). Тогда книжная культура предстает как знаковое общение, как процесс обмена текстуально оформленной смысловой информацией, в котором роли авторов и читателей становятся не просто условными, но и взаимопроникающими, многоголосие культурных текстов предполагается наличием самораскрывающихся смыслов. Полифоничность культурных текстов расширяет роли субъектов культурного поля, предлагая в процессе коммуникации услышать разные позиции. И этот диалог обеспечивает взаимопонимание. «Только диалогическая установка помогает принимать чужое слово всерьез», а внутренний диалог реализуется в процессе культурной коммуникации в поле книжной культуры, основным универсальным термином которой, по мысли Бахтина, также, как и у ученых тартуско-московской школы, является текст [3]. Эта идея будет отправной точкой для многих исследователей книжной культуры и позднее.

Информационно-коммуникативный (документологический) подход к изучению книжной культуры был очень распространен в нашей стране и базировался на исследованиях видного бельгийского ученого, основателя Международного библиографического института в Брюсселе Б.П. Отле, который определил такие понятия как «книга», «документ» и «документация» в одном ряду синонимов в качестве терминов, обозначающих носитель социальной информации и знаний «по любому предмету в любой области знаний». П. Отле также напрямую не использовал термин «книжная культура», но его взгляды на книгу, которая являет собой не только сосредоточение мысли, но и «сбор идей и их распространение» дают нам право говорить о своеобразном подходе к изучению книжной культуры: «Книги сделались органами хранения, сосредоточения и распространения мысли, и надо смотреть на них, как на орудия исследования, культуры, обучения, осведомления и отдыха. Они являются одновременно средством сбора идей и средством их распространения» [22; 49].

П. Отле уже в начале 20 века искал новые форматы

книг, был убежден, что они будут появляться, старался доказать, что формат книги не влияет на ее возможность передавать информацию, более того, считал, что изображения будут доминировать над письменным текстом, и это будет иметь огромное влияние на модернизацию книги. И здесь главным для него было сохранение культурной памяти. «Книги, разумея под этим общим названием всякого рода рукописные и печатные произведения, написанные или изданные в форме отдельных книг, периодических журналов, художественных изданий – в числе многих миллионов – представляют в своей совокупности материализованную память человечества, в которой день за днём регистрируются поразившие ум человека факты, идеи, деяния, чувства, мечты, каковы бы они ни были» [22; 49].

Обобщающее понятие «книги-документа» П. Отле предлагал употреблять для обозначения всего массива документов – рукописных и печатных, сюда же включая и журналы, газеты, графические репродукции, чертежи, карты, схемы, диаграммы, даже фотографии и гравюры, записи голоса с помощью фонографии, диапозитивы, кинематографические фильмы и т.д. Такая «книга», отмечает Воскресенский А.К. [8; 279], анализируя вклад П. Отле в науку о книге и документоведение, обозначалась как орудие для общения индивидов и носитель научной информации, причем особое внимание уделялось документации как источнику создания «единого мира знаний открытого доступа».

Эта идея позднее найдет свое отражение в науке о книге, будет развиваться и поддерживаться отечественными книговедами второй половины 20 века и даже позднее и получит выражение в системно-типологическом подходе, характеризующимся многочисленными изысканиями книговедов относительно типологии книги. В исследованиях А.А. Беловицкой, А.А. Гречихина, С.П. Омилянчука, Г.Н. Швецово-Водки, А.В. Соколова, Ю.Н. Столярова и др. книга начинает осознаваться как научная категория. Предметом изучения становится книга как разновидность документа, носитель социально-значимой информации и форма функционирования знания. Книга – документ, создаваемый в результате деятельности коммуникационного посредника (книгоиздательской или редакционно-издательской организации) и попадающий к получателю информации в виде знаковой системы в результате деятельности коммуникационного посредника (учреждений системы книгораспространения и книгоиспользования) [30; 259]. В рамках этого подхода сегодня идет научное определение и понятия «электронная книга».

Определение книжной культуры как научного термина становится предметом изучения подхода, который мы условно назовем социально-коммуникативным. Базовую основу данного подхода заложили труды известных книговедов Н.М. Лисовского, А.М. Ловягина, а также

уже упомянутых выше Н.А. Рубакина, М.Н. Куфаева.

Н.М. Лисовский, разрабатывая методики систематизации книговедческих объектов и создавая типологические модели для всего многообразия реально существующих в обществе книг, которые возможно было бы применить ко всем типам и видам книг, предложил широко распространенную впоследствии формулу: «книгопроизводство – книгораспространение – книгоописание» [4]. Эту формулу «дополнил» Рубакин, предложив свою триаду: «автор – книга – читатель», в которой прослеживается линия интереса к читателю, т.е. «книгопотреблению», таким образом в этих формулировках фактически выстроилась теоретическая модель системы книжной культуры в обществе. А.М. Ловягин [4], одним из первых в отечественном книговедении осознавший необходимость учета социальной и коммуникативной природы книги и книжного дела, которую поддержал и М.Н. Куфаев и добавил к общей теоретической картине книжной культуры, определив длинную цепь «жизни книги»: «сформирование ее», проявление перед публикой, «книжное обращение и распространение книги» и «вхождение в сообщество», добавил анализ факторов, которые сопутствуют развитию книжной культуры, относя к ним состояние культуры, степень умственного и нравственного развития и образования общества и личности, исторический момент, личность автора, издателя, торговца, политическое состояние государства и общества, степень насыщенности книжного рынка, состояние торговли и промышленности, емкость рынка (количество типографий, издательств), состояние книгопечатания и техники, историческая традиция, состояние и развитие устного и печатного слова.

Именно в рамках данного подхода уже в дальнейшем идут основные изыскания понятийного состава книжной культуры, которая долго терминологически отождествляется и с книжным делом, и с «книжным искусством», «культурой книги», «искусством книги», «типографским делом», соединяется с литературным процессом и другими понятиями, сопряженными с книжной культурой. В самом начале формирования этого направления (XIX — первая треть XX в.) книжная культура понимается как «искусства книгопечатания» или «типографское искусство», на что указывает видный исследователь книжной культуры, руководитель Научного центра исследований книжной культуры, профессор, член-корреспондент РАН В.И. Васильев [6].

В дальнейшем (первая треть — конец XX в.) формируются понятия «искусство книги» («книжное искусство», «искусство оформления книги»), «издательская культура», «культура книги» («культура издания книги», «культура производства книги») и собственно «книжная культура» («народная книжная культура», «славянская книжная культура», «эпиграфика и книжная культура», «региональная книжная культура», «старообрядческая

книжная культура» и др.), что в 20–70-х годах XX века связано с именами А.А. Сидорова, М.И. Слуховского, В.А. Фаворского, Д.А. Шмаринова, В.Н. Ляхова, Е.Л. Немировского, а в последней трети XX века – с именами И.Е. Баренбаума, А.М. Панченко, С.А. Пайчадзе, В.И. Гульчинского и др.

Обзор трудов этих ученых показал, что к единой дефиниции ученые не приходят, но все же в их трудах формируется представление о книжной культуре как отдельном культурном феномене, которое требует изучения как часть культуры общества в традициях системного и культурологического подходов.

Отметим, что одним из первых в России, исследуя историю книжной культуры, понятие определил М.И. Слуховский. Он употребил это понятие как «понимание русскими людьми общественно-политической роли книги и библиотеки, создание и распространение книг и библиотек, пользование книгой и библиотекой» [26; 7].

Советский книговед А.А. Сидоров в исследовании, посвященном истории русской книги, связывает культуру книги, имея ввиду книжную культуру в целом, с культурой определенного периода, говорит о неотделимости истории книжного дела от истории культуры, истории развития общества в целом, и вместе с тем говоря о необходимости «уметь и увидеть в книге ее неповторимо индивидуальные черты» [27; 10]. Профессор А.А. Сидоров, характеризуя состав и структуру книжной культуры, говорит о том, что она является частью «общественной культуры определенного периода», также утверждая, что «изучение книги должно сочетаться с изучением людей, читающих книгу, и условий, при которых книга читалась».

Известный советский библиограф В.И. Гульчинский тоже говорит о книжной культуре как сегменте культуры общества, фактически раскрывает границы понятия, рассматривая ее как «исторически обусловленную общественную деятельность по созданию, распространению, потреблению и хранению книги и других носителей информации». [10; 12]. Книжную культуру он связывает с культурой общества и говорит о необходимости учитывать ту «творческую деятельность, направленную на «познание книги», книжного дела и самого книговедения».

Последнюю мысль поддерживает в своих исследованиях, опубликованных ранее доклада Гульчинского, и И.Е. Баренбаум, который определяет книжную культуру как область знания и основной задачей видит изучение читательских интересов, круг чтения отдельных лиц и целых социальных слоев» [2; 6] определение тех книжных источников, которые имеют популярность в тот или иной исторический период. Важно для ученого и формирование читательских интересов, факторы, влияющие

на отношение читателя к книге, влияние чтения на формирование мировоззрения, что видится вполне в духе традиций, заложенных М.Н. Куфаевым и Н.А. Рубакиным.

По мнению уважаемого отечественного книговеда С.А. Пайчадзе, книжная культура представляет собой «уровень, достигнутый книжным делом, в сочетании с исторически сложившимися традициями отношения народа к книге в данной конкретной стране или регионе на определенной ступени развития общества» [23; 4], при изучении книжной культуры он обращал внимание на региональный аспект. Ярким примером такого регионального подхода является многотомный коллективный труд книговедов Сибири «Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока» [23]. В этом ключе проводились исследования Г.М. Агеевой, Л.С. Лукьяновой, В.В. Пугачевым, Ю.В. Жуковой и др. Важность регионального аспекта в исследовании отмечает и В.В. Добровольский, характеризуя книжную культуру как научную категорию он говорит о ней как одном из компонентов национальной культуры, выделяя, что «национальная книжная культура складывается на основе национального самосознания, национальной самоидентификации» [11; 48].

В.И. Васильев, которого преимущественно интересуют вопросы истории книжной культуры, не давая своей дефиниции понятию, все же подробно рассматривает многоуровневую систему книжной культуры, включая в ее составные компоненты культуру книги, культуру ее распространения в обществе и культуру чтения, отмечая, что «сегодня можно говорить о книжной культуре как синтезе духовной культуры и искусства, продукте духовной культуры и духовного производства, материальной культуры и материального производства» [7].

Интерес к дефиниции понятия книжная культура, определению места книги в современном обществе, ее возможностей социокультурного воспроизводства возрождается и в последние десятилетия. В условиях бурного развития информационно-коммуникационных технологий и одновременно активного их проникновения в книжное дело немало споров ведется об электронной книге, о ее месте в современном книговедении, о книге в Интернете, о будущем книги и чтения в целом. Еще в 1960-е годы появляется направление, начало которому было положено канадским социологом и литературоведом Хербертом Маршаллом Маклюэном, опубликовавшим книгу с метафорическим названием «Галактика Гутенберга», сопроводив его подзаголовком «Сотворение человека печатной культуры». Книга утверждает тезис исчерпанности бумажной книжной культуры, неизбежность «заката» эры печатной книги и наступления электронной эры, которая приведет к созданию новой цивилизации в форме «глобальной деревни». Основной тезис культурфилософской концепции массовой коммуникации Маршалла Маклюэна состоит в том, что

письменность и печать ответственны за появление и развитие западного типа культуры – книжной культуры, которая характеризуется линейным способом передачи и освоения информации, основанном на односторонне-визуализированном восприятии. А человек всегда создавая себе «орудия труда», которые по сути является продолжением его самого, стремится заменить ими те функции, которые он некогда выполнял с помощью своего тела. И книга – это тоже орудие, инструмент увеличения памяти человека и передачи его опыта. Но со временем происходят радикальные изменения в способах повседневной человеческой деятельности, и книга тоже, в свою очередь, влияет на культуру и формирует новый тип человека, создавая предпосылки для появления более эффективного и технологически ещё более сложного устройства усиления человеческой памяти и интеллекта – компьютера, который и вытеснит в конечном счете книгу, как считает Маклюэн, вернув человеку первобытное мифологически-образное ощущение жизни, которое, как он считает не характеризуется односторонностью, и таким образом сформируется новый тип культуры – медиа-культуры [21].

Известный итальянский писатель, семиолог и исследователь культуры У. Эко в своих «Шести прогулках в литературных лесах» не согласен с этой позицией, он считает важным, что именно «в литературном тексте читателю постоянно приходится выбирать», а «иногда повествователь оставляет за нами право домыслить» [32; 14]. Это и есть процесс культурной коммуникации, которая так важна человеку. В своей популярной лекции «От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст» У. Эко говорит, что электронные варианты носителей книг реально могут вытеснить книгу бумажную, однако в поисках живых путей книга найдет возможности «использования» средств массовой информации, потому «не надо противопоставлять визуальную и вербальную коммуникации, а надо совершенствовать и ту, и эту» [31]. Однако упадок книжной культуры как отказ от серьезного чтения грозит культуре последствиями и возвращает нас, по мнению У. Эко, в состояние варварства, редуцируя наши речевые и письменные навыки и сводя письмо к sms, а живой диалог к записям в социальных сетях. Он утверждает, что современное общество расщепляется на два класса: тех, кто смотрит телевидение, то есть получает готовые образы и суждения о мире, без возможности критического отбора предлагаемой информации, и тех, кто смотрит на экран компьютера, то есть обладает умением отбирать и обрабатывать информацию. Современные поколения уже мало смотрят телевидение, но сильно подвержены клиповому мышлению и готовы получать фейковую информацию, не отличая ее от достоверной, ведь это уме-

ние предполагает «читательскую грамотность» и «книжную культуру».

Заключение

Сегодня в отечественной науке уже имеются исследования, делающие попытки нового взгляда на книжную культуру. Переосмысление процессов, происходящих в книжной культуре, «переворот в мире чтения» [29; 11], связанный с развитием информационного общества, появление экранного формата книги требуют дополнения ранее сложившихся подходов к его научному изучению. Безусловно, электронный текст сегодня занимает особое место в системе книжной культуры и осмысление понятия цифровая (или электронная) книга и цифровая (или электронная) книжная культура уже находят свое место в числе современных научных подходов к изучению книжной культуры, но это предмет отдельного исследования.

Очевидно, что наука встала перед необходимостью создания своеобразного методологического инструментария и подхода к изучению книжной культуры. Увидеть сложное явление культуры более структурировано и полно, на наш взгляд, позволяет библиокультурология, выступающая комплексной научной отраслью и являющаяся методологическим фундаментом и предметом изучения книжной культуры» [5]. Если мы исходим из того, что культура – это освоенный и овеществленный опыт человеческой деятельности, а он, в свою очередь, представляет собой знания и умения, которые передаются от поколения поколению и представляют собой ту программу действий, которые мы закрепляем для взаимодействия и сосуществования в обществе и решения всевозможных жизненных ситуаций, мы можем говорить, что книжная культура представляет собой «интегративную характеристику культурного процесса, включающую единство как непосредственной деятельности людей по передаче–освоению в знаковой форме накопленного социального опыта, так и результаты этой деятельности, закрепленные в виде знаний, умений, навыков, компетенций и специфических институтов такой передачи в пространстве и во времени от одного поколения к другому» [5; 170]. Такое определение, данное в ключе изучения книжной культуры с позиции библиокультурологии, в должной мере, как нам видится, отражает, с одной стороны, современную ситуацию с трансформацией носителя накопленного культурного опыта, накопленного в знаковой форме, и не ограничивает книжную культуру рамками собственно бумажной книги (или другим конкретным носителем информации), с другой стороны, делает важный акцент на диалогической природе процесса культуротворчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Попытки объясниться: беседы о культуре [Электронный ресурс]. URL: <https://predanie.ru/book/72351-popytki-obyasnitsya-besedy-o-kulture/> (дата обращения 20.01.2021).
2. Баренбаум И.Е. История читателя как социологическая и книговедческая проблема // История русского читателя / науч. ред. И.Е. Баренаум. Л.: ЛГИК, 1973. Вып. 1. С. 5-19.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества // сост. С.Г. Бочаров, примеч. С.С. Аверинцева, С.Г. Бочарова. М.: Искусство, 1986. 445 с.
4. Беловицкая А.А. Книговедение. Общее книговедение [Электронный ресурс]. URL: <http://hi-edu.ru/e-books/xbook991/01/part-004.htm> (дата обращения 10.01.2021)
5. Бенин В.Л., Гильмиянова Р.А., Жукова Е.Д. Библиокультурология: теория и практика: монография - Уфа: Башкирский государственный педагогический университет, 2015. С. 170.
6. Буслаев Ф.И. О литературе: Исследования; Статьи / сост., вступ. статья, примеч. Э. Афанасьева. М.: Худож. лит., 1990. 512 с.
7. Васильев В.И. Книжная культура в отечественной истории: теоретические и историко-книговедческие аспекты (XVII - начало XXI в.): специальности 05.25.03 «Библиоковедение, библиографоведение и книговедение» и 07.00.02 «Отечественная история» [Электронный ресурс] // Автореферат диссертации на соискание доктора исторических наук. Научный совет РАН «История мировой культуры». М., 2005. 101 с. URL: <http://tekhnosfera.com/view/462258/a#?page=20> (дата обращения 20.01.2021).
8. Вокресенский А.К. Информация и книга: Культурологические и гносеологические аспекты [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsiya-i-kniga-kulturologicheskie-i-gnoseologicheskie-aspektu> (дата обращения 20.01.2021).
9. Гречихин А.А. Современные проблемы типологии книги. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. 246 с.
10. Гульчинский В.И. Книжная культура и ее источники // Шестая Всесоюзная научная конференция по проблемам книговедения. М., 1988. С. 11-13.
11. Добровольский В.В. «Книжная культура» как научная категория // Книга и мировая цивилизация. М.: Наука, 2004. Т. 1. С. 47-49.
12. Иванова Л.Г. Книжная культура студента-гуманитария: специальность 24.00.01 Теория и история культуры : диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии. Шуя, 2011. С. 34.
13. Книга: Энциклопедия / редкол.: И.Е. Баренбаум, А.А. Беловицкая, А.А., Говоров [и др.]. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. 800 с.
14. Книговедение: энциклопедический словарь / ред. коллегия: Н.М. Сикорский (гл. ред.) [и др.]. М.: Сов. Энциклопедия, 1982. 664 с.
15. Куфаев М.Н. Избранное. М.: Книга, 1981. 176 с.
16. Лихачев Д.С. Задачи изучения связи рукописной книги и печатной // Рукописная и печатная книга: Сборник / Редколлегия: А.А. Сидоров (пред.) [и др.]. М.: Наука, 1975. С. 10.
17. Лихачев, Д.С. Избранные труды: в 3-х томах [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lihachev.ru/lihachev/bibliografiya/4728/> (дата обращения: 20.01.2021).
18. Лосев А.Ф. История античной эстетики. М., 1988.
19. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры / Предисл. С.М. Даниэля, сост. Р. Г. Григорьева. СПб.: Академический проект, 2002. 543 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://teatr-lib.ru/Library/Lotman/statyj/> (дата обращения: 29.01.2021)
20. Любите читать!: Письмо 22-е // Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. М., 1988. С. 95-99.
21. Маклюэн Г.М. Понимание медиа. Внешние расширения человека. Кучково поле, 2018. 464 с. / перевод с английского В.Г. Николаева. М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. 464 с.
22. Отле П. Библиотека, библиография, документация: Избранные труды пионера информатики. М.: ФАИР-Пресс, Пашков дом, 2004. 348 с.
23. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т. 1. Конец XVIII - середина 90-х годов XIX века / отв. ред. В.Н. Волкова. Новосибирск, 2000. 316 с.
24. Пайчадзе С.А. Новосибирск – центр региональных исследований в области книговедения / С.А. Пайчадзе // Вопросы краеведения Новосибирска и Новосибирской обл. / под ред. Л.М. Горюшкина, В.А. Зверева. Новосибирск: Изд-во СО РАН: ОИГГМ, 1997. С. 27-33.
25. Рубакин Н.А. Избранное. В 2-х т. Т. 1. М.: Книга, 1975. 224 с.
26. Слуховский М.И. Из истории книжной культуры России. Старорусская книга в международных культурных связях. М.: Просвещение, 1964. 244 с.
27. Сидоров А.А. Об исследовательской работе по истории русской книги // Книга в России до середины XIX века. Л.: Наука. 1978. С.10.
28. Столяров Ю.Н. Документология: учеб. пособие / Ю.Н. Столяров; Моск. гос. ун-т культуры и искусств, Орл. гос. ин-т искусств и культуры. – Орёл: Горизонт, 2013. 370 с.
29. Сметанникова Н.Н. Ведущие зарубежные теории чтения XX века и их воплощение в методологии и методиках обучения // Чтение. XXI век: коллективная монография / научн. ред.-сост. В.Я. Аскарова. Челябин. гос. акад. культуры и искусств. Челябинск, 2014. С. 11.
30. Швецова-Водка Г.Н. Общая теория документа и книги: учеб. пособие / Г.Н. Швецова-Водка. М.: Рыбари; К.: Знания, 2009. 487 с.
31. Эко У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст [Электронный ресурс]. – URL: <http://umbertoeco.ru/ot-interneta-k-gutenbergu-tekst-i-gipertekst/> (дата обращения 24.01.201).
32. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах / пер. с англ. А. Глебовской. СПб.: «Симпозиум», 2007. 285 с.

© Асфандиярова Альфия Рашитовна (cbs-direktor@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕНТАЛИТЕТА СОВЕТСКОГО НАРОДА

CULTURAL AND HISTORICAL BACKGROUND OF THE FORMATION OF THE SOVIET PEOPLE MENTALITY

A. Kamianets
I. Kovaleva

Summary: The paper is devoted to the basic mental characteristics of the Soviet people as the development of cultural and historical traditions of the Russian super-ethnos. The connection of traditional religious-communal way of life of the Russian people with the way of life of the Soviet people is considered. Among the revealed features of the Soviet people mentality, special attention is paid to its most stable characteristics, which have not lost their significance for a better understanding of the problems of contemporary Russian society. A comparison is also made of the traditional Russian mentality, which developed in the Soviet period and the peculiarities of the European peoples' mentality. Of particular interest to researchers of the Soviet civilization is the analysis of the influence of the Russian people mentality on the character of the October revolution and the choice of the historical path of development by the peoples of Russia in the Soviet period. Important for studying the problems and contradictions of modern Russian society is also the selection of those characteristics of the Soviet mentality that have not lost their significance in the conditions of our time.

Keywords: mentality, nation, culture, community, tradition, society, communism.

Каменец Александр Владленович

Д.культурологии, профессор, Российский
государственный социальный университет (Москва)
katenez.a@rambler.ru

Ковалёва Инна Алексеевна

Аспирант, Российский государственный социальный
университет (Москва)
in_kov19@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена основным ментальным характеристикам советского народа как развитию культурных и исторических традиций российского суперэтноса. Рассматривается связь традиционного религиозно-общинного уклада русского народа с образом жизни советских людей. Среди выявляемых особенностей менталитета советского народа особое внимание уделяется его наиболее устойчивым признакам, которые не потеряли своего значения для лучшего понимания проблем современного российского общества. Проводится также сопоставление традиционной российской ментальности, получившей развитие в советский период и особенностей менталитета народов европейских стран. Особый интерес для исследователей советской цивилизации представляет анализ влияния менталитета русского народа на характер Октябрьской революции и выбор народами России исторического пути своего развития в советский период. Значимым для изучения проблем и противоречий современного российского общества является также выделение тех характеристик советского менталитета, которые не потеряли своего значения в условиях нашего времени.

Ключевые слова: менталитет, народ, культура, общинность, традиция, общество, коммунизм.

Введение

Менталитет советского народа является одним из наиболее сложных объектов современного культурологического исследования, поскольку до настоящего времени в оценке этого феномена присутствует множество стереотипов и предубеждений, затрудняющих его объективное изучение. Так, одним из распространенных является отношение к советскому периоду как к засилью манипуляции и пропаганды «власть предержажих», формировавших ложную картину нравственных ценностей, неадекватных социальной реальности у членов советского общества. В более сдержанных оценках присутствует допущение о том, что, несмотря на агитационно-пропагандистские ухищрения государственных органов, большинство советских граждан в этот период придерживалось норм морали, противостоящих злоупотреблениям чиновничества и многих советских руководителей.

При этом упускается из виду тот факт, что сама Советская власть выражала волю и чаяния большинства членов общества, демонстрируя известное правило: «каждый народ заслуживает той власти, которая им руководит». Конечно, у этого правила бывают и свои исключения. Но, если иметь в виду, что советский период развития нашего общества был достаточно продолжительным и отличался преобладающим единодушием народа в отношении к существующему политическому режиму, то вряд ли можно считать случайностью поддержку последнего большинством советских граждан.

При этом остается достаточно дискуссионным для современных исследователей советского общества вопрос: «Явился ли менталитет советского народа естественным продолжением его досоветской истории или он стал результатом только специальной идеологической обработки массового сознания жителей России?» Сама постановка такого вопроса не случайна. Она означает распространенность исследовательской позиции,

не усматривающей в советском периоде нашей истории реализации каких-либо серьезных исторических предпосылок для создания социалистического государства, рассматривая последнее преимущественно как результат «большевистского переворота». Очевидно, что в этой ситуации стремление изучать советский менталитет как результат влияния определенных объективных и субъективных факторов становится одной из актуальных исследовательских задач.

Методика

Исследование менталитета советского народа, определившего внутреннюю логику и приоритеты развития построения социализма в нашей стране, необходимо осуществлять в соотнесении с предыдущим периодом отечественной истории (историко-генетический подход), а также как проявление объективных социальных закономерностей, проявляемых наиболее ярко при тех или иных отклонениях в общественном развитии от некоторой общепринятой «социальной нормы» [3,14,16,19].

Представляется перспективным для изучения этих закономерностей использовать достижения одного из ведущих исследователей советской цивилизации, всемирно известного логика и писателя А.А. Зиновьева, предложившего методы «логической социологии» [9,18].

В качестве основного объекта изучения этот исследователь предложил выделять те или иные объединения людей, названные им «социальными объектами». При этом важно, чтобы эти объединения оставались устойчивыми. Их устойчивость обеспечивается единой идеологией, которая не обязательно должна соответствовать реальности или познанию таковой. Она выполняет сугубо интегративную функцию.

В советском обществе такой идеологией стал марксизм, который в качестве исторического наследия европейской марксистской мысли стал своеобразной мифологией, формирующей менталитет советского человека. Аналогичную интегративную функцию выполняет господствующая идеология в капиталистических странах, что позволяет делать вывод о наличии этой функции как объективной социальной закономерности для любого идеологического воздействия.

С позиций «логической социологии» А.А. Зиновьев предлагает изучать и культурно-исторические предпосылки того или иного явления. Чтобы лучше понять изучаемые процессы, имеющие свою историю, их лучше всего изучать в развитом состоянии и уже исходя из него, рассматривать их исторический генезис. Поскольку традиция такого изучения отсутствует, можно согласиться с тезисом А.А. Зиновьева о том, что первым шагом

в изучении динамики социальных объектов становится здравый смысл, представленный в народной мудрости в виде пословиц, поговорок. Применительно к советской ментальности это могут быть пословицы и поговорки, в которых отражается устойчивое отношение представителей «народных низов» к тем или иным явлениям окружающего мира, к обществу, к самим себе. Для изучения менталитета советского общества особый интерес может представлять этот исторически сложившийся вид фольклорного творчества, в котором отражена тема социальной справедливости и любви к ближнему, ставшие основным «сюжетом» и «слоганами» идеологической пропаганды в обществе советского периода. Как пример – коммунистический лозунг «человек человеку – друг, товарищ и брат» можно оценивать как вариацию старой пословицы «Не имей сто рублей, а имей сто друзей».

Многое же в содержании социального знания, по мнению А.А. Зиновьева, может содержаться в языке той или иной исторической эпохи и в способах получения знания о ней. Конкретизируя это положение при изучении менталитета советского человека, можно обратить внимание на то, как на его формирование оказал влияние советский «новояз» с соответствующей пропагандистской терминологией и специфические способы получения знаний о реальности через формируемую коммунистической идеологией картину мира.

В соответствии с рекомендацией А.А. Зиновьева об однозначности определений изучаемых объектов, фиксирующих их устойчивые характеристики, в дальнейшем будут рассмотрены наиболее неизменные признаки советской ментальности независимо от произвольных ее трактовок тем или иным исследователем. Кроме того важно фиксировать и переменные в изучаемом социальном объекте в зависимости от тех и или иных реализуемых функций в рамках некоторого целого.

Причем, следуя открытому А.А. Зиновьевым методу восхождения от абстрактного к конкретному на примере изучения «Капитала» К. Маркса, необходимо выделить сначала наиболее общие («абстрактные») характеристики советского менталитета, а затем их все более конкретизировать, рассматривая проявления этого менталитета в разных социальных и исторических ситуациях. Именно эти методические подходы были использованы при изучении культурно-исторических предпосылок формирования менталитета советского народа.

Результаты

В соответствии с предложенной выше методикой этот менталитет выявлялся исходя из того, что он не появился как результат только влияния отдельных политических лидеров или даже узкой группы лиц (например,

большевиков), но явился еще и результатом социального творчества масс. Главным признаком этого менталитета являлось стремление к коллективизму как образу жизни и норме социальных взаимодействий во всех сферах жизнедеятельности общества. Причем, это стремление имело большую историческую традицию [7,17].

Как отмечает известный исследователь советского общества С.Г. Кара-Мурза, стремление к коллективности в русском народе наблюдалось на протяжении всей его истории [11,12]. Оно стало устойчивой характеристикой менталитета русских людей после принятия христианства, сформировавшего религиозно-общинный уклад жизни в качестве господствующего. В качестве главной духовно-нравственной установки в этом укладе стала заповедь любви к ближнему как к самому себе.

На первый взгляд может сложиться впечатление, что в советском обществе не свойственно было проявлять особую душевность в отношениях с ближними, поскольку на первом месте стояло служение коллективу и государству. И ради этого стоило жертвовать многими межличностными отношениями. Но здесь следует иметь в виду, что коллектив в советском обществе был основной его ячейкой и определял все стороны жизни его членов, включая личную жизнь. Большинство советских людей добровольно приняли эту роль коллектива, потому что последний одновременно проявлял заботу о его членах, гарантировал определенный уровень жизни, социальные блага и гарантии. Заповедь любви к ближнему здесь реализовывалась через реальную взаимопомощь и солидарность в процессе служения общему делу.

Идея коллективности получила в советский период невиданный размах и на уровне общества, что выразилось в принятии большинством членов этого общества тезиса – «сложилась новая историческая общность – советский народ». Тем самым была принята большинством членов общества личностная самоидентификация в качестве советского человека, оказавшаяся даже более значимой, чем отнесение себя к тому или иному этносу, национальности.

Традиционная особенность менталитета русского народа в виде готовности служения ближнему проявилась через отказ от частной собственности как главной причины эксплуатации трудящихся. Коллективизм как образ жизни воспринимался в качестве альтернативы, устраняющей причины этой эксплуатации. Совмещение в советском обществе этой религиозной заповеди в виде стремления оказывать помощь не только ближним, но и «дальним» выразилось в т.н. пролетарском интернационализме, борьбе с колониальными режимами, что также имело свою историю – готовности России на протяжении своей истории помогать тем или иным жертвам несправедливой экспансии, угнетения и т.д. Об этой осо-

бенности менталитета русского народа писал еще Ф.М. Достоевский, добавляя при этом, что желание оказывать помощь другим народам не всегда было оправданным [5].

Еще одной исторической традицией, определившей на века ментальность русского народа, стала сакрализация им государственной власти и своих правителей. Верноподданический инстинкт оказался достаточно привычным для психологии основной массы населения с первых лет Советской власти, что выразилось в обожествлении руководителей государства до периода «хрущевской оттепели», прервавшей эту традицию. Не случайно в этой связи отнесение Н. Бердяевым создателя страны Советов В.И. Ленина к галерее самодержцев, существовавших в истории России [1]. Характерно, что эта традиция была позже возобновлена и в постсоветской России. Государственная власть в российском обществе чаще всего была персонифицирована в лице конкретного главы государства, с которым народ связывал свои основные чаяния и надежды, даже если власть, так или иначе, себя дискредитировала. В последнем случае существовал устойчивый стереотип – «царь хороший – бояре злые».

Характерно, что, когда в «брежневский» период была разрушена традиция преклонения перед первым лицом государства, которое становится персонажем «нового фольклора» в виде соответствующих народных анекдотов, началось и постепенное разложение власти как таковой с последующей «десоветизацией» и «декоммунизацией» российского общества.

Пиетет каждого члена советского общества перед государством явился сохранением такого проявления религиозно-общинного начала как служение «своему» господину (в досоветский период – в первую очередь своему «барину») т.к. большинство жителей дореволюционной России были крестьянами, приписанными к тому или иному помещику).

При этом на протяжении веков основная масса жителей России мечтала о лучшем будущем, что выразилось в соответствующих произведениях фольклора, в периодически возникающих бунтах и крестьянских восстаниях. В советском обществе эта традиция борьбы за лучшую долю своеобразно переплелась с религиозной верой построения «рая на земле», получившего название коммунизма. Сложился особый тип религиозного сознания советского человека, предпочитающего строить самому будущее общество справедливости и взаимопомощи, без надежды на помощь «свыше» от небесных сил. Соответственно насаждаемый воинствующий атеизм являлся оборотной стороной этой религиозной установки. Сам же коммунизм воспринимался как создание традиционной общинности высшего уровня с его принципом «от

каждого по способностям – каждому по потребностям».

Обсуждение

В изучении культурно-исторических предпосылок формирования менталитета советского народа важная роль принадлежит одному из ведущих исследователей советской цивилизации С.Г. Кара-Мурзе [11,12]. Полученные им результаты позволяют осмыслить некоторые существенные особенности этого формирования.

Так, этот ученый отмечает, что советское государство впервые продемонстрировало всему миру возможность существования общества без «избранных» и «отверженных». И в этом состояла одна из причин законной гордости советских людей за свою страну, ставшей привычной для их самосознания. Советский проект, как справедливо отмечает С.Г. Кара-Мурза, был евразийским проектом. Это выразилось в том, что европейская версия марксизма не была принята большевиками и советским народом потому, что для этого отсутствовали объективные предпосылки в виде длительного противостояния пролетариата и буржуазии, а также культура индивидуализма [4,15,20], которые имели давнюю историю в Европе, как и устоявшиеся легитимные формы этого противостояния. Азиатская же психология, проявившаяся в русском народе и перешедшая по наследству в советское общество, состояла в ориентации на сильную власть, подчиненности государству как высшей социальной ценности. В результате советский человек сохранил в себе многие черты традиционного русского характера, описанного еще Н. Бердяевым: «русский народ с одинаковым основанием можно характеризовать, как народ государственно-деспотический и анархически-свободолюбивый...» [1].

Основной же движущей силой социалистической революции являлось крестьянство с его религиозно-общинной психологией и тягой к соборности. Это наложило свой отпечаток и на формирование советского менталитета, где роль отдельной личности, тех или иных меркантильных интересов в борьбе за свои права уступила, в конечном счете, стремлению к общественному и государственному служению, которое определяло психологию русского народа до революции [2,19].

Еще одной ментальной особенностью советского народа, унаследованной от дореволюционного прошлого, являлось отношение к созидательному труду как главной жизненной ценности. Жизнь русского крестьянства, составлявшего 90% населения России, носила трудовой характер, необходимый для его физического выживания. В результате сформировалась психология трудового человека, которая органично вошла в менталитет советского народа. В советском обществе трудовой образ жизни считался почетным, а людей, уклоняющихся от

труда считали тунеядцами. Такая позиция имела и свои издержки, главной из которых было подозрительное отношение к представителям творческих профессий, связанное с высокой престижностью физического труда как наиболее значимого в обществе с недостаточно развитой технологической базой производственной деятельности [6].

При этом моральные стимулы к труду воспринимались как более значимые в сравнении с материальными, что можно также считать развитием религиозно-общинной традиции «бессеребренничества» и «нестяжательства», которые всегда являлись одним из показателей праведности еще в Древней Руси.

Относительное полное представление о менталитете советского народа может быть получено на основе сопоставления характеристик советского человека (в терминологии А.А. Зиновьева – «коммуноида») [8,13] и среднего европейца (в его же терминологии, названного «западоидом»). Отталкиваясь от зиновьевских характеристик «западоида», можно предложить следующее его сопоставление с советским человеком («коммуноидом»):

Западоид	Коммуноид
Повышенная склонность к индивидуализму	Повышенная склонность к коллективизму
Изобретательность	Склонность к подражанию
Практицизм	Идеализм
Деловитость	Беспечность
Расчетливость	Нерасчетливость
Авантюристичность	Сдержанное отношение к авантюрам
Любознательность	Созерцательность
Эмоциональная черствость	Душевность
Холодность	Пылкость
Тщеславие	Честолюбие
Повышенное чувство собственного достоинства	Смирение
Высокая степень самодисциплины и самоорганизации	Высокая степень импульсивности и произвольности
Стремление управлять другими и способность к этому	Отсутствие такого стремления
Способность скрывать свои чувства	Готовность к эмоциональному самораскрытию
Склонность к театральности	Стыдливость демонстрации себя.
Опыт колонизатора и завоевателя	Опыт «собирателя земель», покровителя других народов.

Таким образом, речь идет о во многом несовместимых культурно-антропологических различиях [10], которые нельзя не учитывать при изучении особенностей

менталитета советского народа.

Заключение

Рассмотрение менталитета советского народа позволяет сделать вывод о наличии объективных культурно-исторических предпосылок формирования психологии советских людей, которая не являлась только результатом целенаправленной коммунистической пропаганды. Именно потому, что пропагандистское воздействие попадало на благодатную почву религиозно-общинной традиции в повседневном образе жизни русского народа, оно имело значительный социально-политический и культурно-воспитательный эффект.

В менталитете советского народа, кроме того, поми-

мо особенностей, значимых для конкретного исторического периода, присутствовали характеристики, не потерявшие своего значения в наши дни. Среди них можно выделить: готовность связывать основные жизненные цели и смыслы со служением своему народу и своей стране; ценности коллективизма (при условии уважения к индивидуальности каждого члена общества); трудолюбие, патриотизм вплоть до реального самопожертвования, если это связано с благом и существованием своей Родины; вера в возможность построения справедливого общества и основанный на ней социальный оптимизм; активная жизненная позиция, выражающаяся в неравнодушии к проблемам общества и других людей как альтернатива мещанской и обывательской психологии с ее ценностями консюмеризма и животного благополучия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. 223 с.
2. Бердяев Н.А. Русская идея. – СПб.: Азбука, Азбука, Атикаус, 2012. 320 с.
3. Воеводина Л.Н. Мифология и культура. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. 384 с.
4. Гоббс Т. Левиафан. – М.: Мысль, 2001. 478 с.
5. Достоевский Ф.М. Избранное. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2002. 400 с.
6. Зиновьев А.А. Зияющие высоты. – М.: Эксмо, 2008. 756 с.
7. Зиновьев А. Коммунизм как реальность. – М.: Центрполиграф, 1994. 495 с.
8. Зиновьев А. Мой дом – моя чужбина. Гомо советикус. – М.: приложение к журналу «Лепта», 1991. 320 с.
9. Зиновьев А. На пути к сверхобществу. – СПб.: изд. дом «Нева», 2004. 608 с.
10. Когатько Д.Г., Тхакахов В.Х. Российская идентичность. – СПб. Алетейя, 2010. 250 с.
11. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация (книга первая). – М.: Алгоритм, 2001. 528 с.
12. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация (вторая). – М.: Алгоритм, 2001. 688 с.
13. Кьеза Дж. Прощай, Россия. – М.: Изд-во «Гея», 1998. 272 с.
14. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М.: Академический проект, 2008. 303 с.
15. Макиавелли Н. Государь. – М.: Мысль, 1996. 639 с.
16. Розин В.М. Теория культуры. – М.:NOTA VENE Медиа Трейд Компания, 2005. 416 с.
17. Селезнева Е.Н., Каменец А.В. Культурология Русского мира: духовные основы национального менталитета. – М.: «РИТМ», 2013. 432 с.
18. Феномен Зиновьева. Сост. Гусейнов А.А., Зиновьева О.М., Кантор К.М. – М.: изд-во «Современные тетради», 2002. 400 с.
19. Хомяков А. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации; Благословение, 2011. – 784 с.
20. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т.1. – М.: Мысль, 1993. – 663 с.

© Каменец Александр Владленович (kamenez.a@rambler.ru), Ковалёва Инна Алексеевна (in_kov19@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОНЯТИЕ «МЕНТАЛИТЕТ» КАК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Ковалёва Инна Алексеевна

Аспирант, Российский государственный социальный
университет (Москва)
in_kov19@mail.ru

THE CONCEPT OF "MENTALITY" AS A CULTURAL CATEGORY

I. Kovaleva

Summary: The article is devoted to the history of the origin and formation of the term "mentality". The article considers the process of searching for the necessary definitions in science to develop common approaches to understanding the mentality; provides an idea of the contribution of Western European and Russian, as well as Soviet scientists to the development of the concept of "mentality"; determines the dependence of the definition of the concept of "mentality" on the nature of research tasks and the social position of the researcher.

Keywords: mentality, periods of scientific formation of the term, cultural and social diversity of peoples, search for definitions, scientific category.

Аннотация: Статья посвящена истории происхождения и становления термина «менталитет». В статье рассматривается процесс поиска необходимых дефиниций в науке для выработки общих подходов в понимании менталитета; дается представление о вкладе в развитие понятия «менталитет» научных исследований западноевропейских и русских, а также советских ученых; определяется зависимость определения понятия «менталитет» от характера исследовательских задач и социальной позиции исследователя.

Ключевые слова: менталитет, периоды научного становления термина, культурное и социальное многообразие народов, поиск дефиниций, научная категория.

Введение

Одним из самых неоднозначных в современной культурологической науке является понятие «менталитет», который в то же время все более активно используется исследователями культуры. Это понятие имеет свою историю происхождения, которую условно можно разделить на два этапа. Первый этап заключается в постепенном расширении знаний о культурных феноменах, которые позже были названы «менталитетом», но вызвали повышенный интерес ученых, изучающих культуры различных народов и этносов. Так, выяснилось, что за внешними описаниями той или иной культурной общности, остается нечто, что недоступно внешнему наблюдателю, но существенно определяет внутреннее содержание изучаемой культуры. Второй этап изучения менталитета связан с попытками его осмысления в научно-понятийном аспекте в начале XX века. В отечественной культурологии понятие «менталитет» начинает использоваться в 90-х годах XX века.

Само понятие «менталитет» в его буквальном значении ведет свое происхождение от латинского слова «mens», что означает «разум», «мышление». Если ограничиться таким зауженным пониманием менталитета, то тогда останутся в стороне те его характеристики, которые не сводятся к рациональному познанию мира, но представляют собой сложный комплекс эмоционально-чувственных восприятий, образных представлений, верований и т.д., которые «не схватываются» в рамках привычного понятийно-категориального подхода. В результате сложилась в исследованиях менталитета до-

вольно двусмысленная ситуация – явление менталитета, ментальности признается многими учеными как объективно существующее, но одновременно оно не представлено в системе онтологических представлений о той или иной культуре как научный факт.

Несмотря на это, уже в 17 веке термин «менталитет» начинает использоваться, обретая в то же время самое широкое толкование. В конце 19 века интерес к явлениям, в изучении которых используется этот термин пока в нестрогом его значении, связан преимущественно с исследованием примитивных обществ и культур. Параллельно шел процесс поиска необходимых дефиниций в науке для выработки общих подходов в понимании менталитета, который вначале интенсивно изучается социологами и антропологами, затем – психологами, историками и лингвистами.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что до настоящего времени в научном сообществе культурологов так и не сложилось единого представления об этом культурном феномене, как и соответствующей системы его теоретического описания в системе научных понятий.

Методика

Научно-описательный период

Для рассмотрения содержания понятия «менталитет» в культурологической науке уместен историко-генетический подход в его становлении и интерпретации. Так, уже в исторических изысканиях Геродота представ-

лен разнообразный материал о традициях, обычаях, верованиях таких народов как персы, скифы, египтяне, ассирийцы [2]. Этот материал носил преимущественно описательный характер и имел эту особенность и в исследованиях средневековых ученых.

Собственно научное изучение менталитета начинается в Новое время. Это выразилось в том, что явления и факты, позже получившие название «менталитет» подверглись систематизации, обобщениям и основывались на целенаправленных наблюдениях за жизнью различных народов и этносов, не связанных непосредственно с материально-бытовой культурой, но представленные в духовной сфере: в обычаях, ритуалах, традициях, морали, верованиях и т.д.

Первым таким ученым, исследующим в первую очередь, политическую культуру различных стран и народов, стал Ш. Монтескье, обративший внимание современников на существование «духа народа», составляющего его культурное и социальное своеобразие. Причем эта особенность народов и этносов определяется, по его мнению, целой совокупностью факторов: климатом, традициями, религией, законами, особенностями правления, нравами [11]. Появление же этих факторов связано с физическими, социальными и моральными предпосылками.

Дэвид Юм уже обращал внимание исследователей на такую сторону менталитета как коллективность, которая, по его мнению, является проявлением нужд экономики, обороны, управления и соответственно в значительной мере носит принудительный характер.

Представление о «духе народов» развивал выдающийся просветитель-гуманист Иоганн Гердер, называя его «генетическим духом» или «характером народа». В качестве факторов их становления он выделял климатические особенности, природные условия, семейные отношения, при этом делая оговорку, что наглядно представить «народный дух» достаточно сложно.

Важным этапом в изучении менталитета стали исследования Мориса Лацаруса и Хеймана Штейнтала, создавшими научное направление – этническую психологию. В научный оборот вошло понятие «народный дух», которое уже использовал в своих трудах Гегель. Свой вклад в изучение менталитета как особого культурного феномена внесли Ральф Эмерсон и Эмиль Дюркгейм.

Понятие «менталитет» в качестве научной категории ввел в научный оборот Л. Леви-Брюль, изучая примитивные культуры и древние общества. В своих исследованиях ученый пришел к выводу о том, что все народы, этносы, так или иначе имеют собственные верования, которые и определяют в значительной мере их менталитет.

В вышедшей в 1925 году монографии Г. Бутуля «Менталитет» впервые было дано его развернутое определение. Менталитет им определялся как «совокупность идей и интеллектуальных установок, присущих индивиду и соединенных друг с другом логическими связями или же отношениями веры... Наш менталитет находится между нами и миром, как призма. Она, пользуясь выражением Канта, является априорной формой нашего познания»[4].

Период школы «Анналов»

Французская историографическая школа «Анналов» (основоположники – Л. Февр и М. Блок) по праву занимает лидирующее положение в истории изучения менталитета как феномена культуры.

М. Блок и Л. Февр при изучении менталитета обращали внимание на его продолжительность и связь с психологией носителей тех или иных ментальных состояний. Л. Февром, кроме того, было предложено понятие «ментальный инструментарий», который определялся им как «совокупность категорий восприятия, концептуализации, выражения и действия, которые структурируют опыт – как индивидуальный, так и коллективный».

Следующий представитель «Школы анналов» Ж. Ле Гофф расширил представления о ментальности, которые ранее сводили последнюю к определенным стереотипам мыслительной деятельности, иррациональным образам той или иной социальной и культурной группы, присущие исторической эпохе. С менталитетом этот исследователь связывал в первую очередь саму способность ориентироваться в окружающей действительности, причем реализуемой на уровне автоматизма.

Еще один исследователь, представлявший школу «Анналов», Ф. Бродель рассматривал феномен менталитета с учетом экономических и географических факторов. По его мнению, при изучении менталитета необходимо выделять два уровня жизнедеятельности любого общества: материальную и нематериальную. Последняя включает в себя психологию и культуру повседневности, которая и формирует мир ценностей и религиозную символику, составляющие основное содержание менталитета той или иной социальной группы и общности. Эти составляющие менталитета определяют в свою очередь семиотические структуры, картины мира в различных ее проявлениях, что и необходимо исследовать в первую очередь при изучении чьего-либо менталитета.

Известный исследователь массовой психологии Г. Лебон в изучении менталитета разных народов предлагал учитывать в первую очередь такие его составляющие как мир общих чувств, интересов и верований.

Если суммировать основные результаты изучения

французскими исследователями понятия «менталитет», то можно сделать вывод, что это понятие они связывали в основном со сферой бессознательного и обобщенными картинами мира, сложившимися в сознании того или иного народа.

Важный вклад в изучение менталитета внес Э.Кассирер, который рассматривал это понятие в контексте символических форм культуры, особенности которых и определяют соответствующую ментальность того или иного народа.

Особо следует выделить исследования ментальных структур человечества, осуществленные К.Г. Юнгом, создавшим теорию «коллективного бессознательного» с его достаточно универсальными для различных культур и народов «архетипами». Архетипические структуры различных культур изучал и О. Шпенглер. Другой известный ученый Й. Хейзинга, разрабатывая теоретические аспекты ментальностей, расширил их значение как ключа к пониманию всей человеческой истории. Наконец, Э. Фромм предложил отождествлять понятие «менталитет» с «социальным характером».

Таким образом, в истории изучения понятия «менталитет», осуществляемого европейскими учеными выделяются такие его сущностные характеристики как психологические особенности того или иного народа, а также отображение реальности в соответствующих «картинах мира», формирующих соответствующие реакции на окружающую социальную действительность.

Результаты

Рассмотренные выше подходы к изучению понятия «менталитет» позволили исследовать становление и содержание этого понятия в отечественной науке. Выяснилось, что трактовка уже ставшего категорией культурологи менталитета в европейской науке не может быть интерпретирована однозначно в русском языке, где отсутствует близкое к нему понятие и его определение. Среди наиболее часто встречаемых частичных аналогов понятия «менталитет» можно выделить концепт «национальный характер», с которым многие российские ученые связывают наиболее существенные характеристики духовного облика народов России.

Тема «национального характера» являлась одной из излюбленных в трудах русских ученых, так или иначе, изучающих культурное и цивилизационное своеобразие русского народа: Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, И.А. Ильина, В.С. Соловьёва, П.А. Сорокина, П.А. Флоренского, А.С. Хомякова и других.

Н.А. Бердяев не употреблял понятие «менталитет», но зато ввел ряд других близких к нему понятий, позволяющих выявить, прежде всего духовный облик русского на-

рода. Это понятия «русский характер», «национальный тип», «слой русской души».

При этом философ выделяет два фактора, которые определили эти особенности русских людей, близкие к понятию «менталитет»: географический фактор и особенности религиозности. Первый фактор заключается в наличии огромного пространства, занимаемого российским суперэтносом, которое во многом определило широту и противоречивость русского национального характера, не связанного какими-либо территориальными ограничениями. На этот же фактор становления русского характера указывали А.С. Хомяков и В.С. Соловьев.

В исследованиях, так или иначе, связанных с изучением менталитета особое место принадлежит русскому философу И.А. Ильину, который занял критическую позицию по отношению к самой возможности изучения менталитета народа, который он оценивал как «коллективное бессознательное», которого в реальности, по его мнению, нет. В качестве аргумента в пользу этой точки зрения философ утверждал, что реальные духовные процессы, в конечном счете, принадлежат преимущественно отдельной личности и предполагают необходимость продолжительного уединения, способствующего духовному созреванию. Неверие И.А. Ильина в возможность реального существования менталитета народа как выражения его коллективных бессознательных состояний в то же время позволило наметить перспективы духовного развития личности, которая в своем индивидуальном существовании может отражать национально-культурные особенности целого народа. Это происходит чаще всего в существовании выдающихся личностей, выражающих наиболее характерные особенности своего народа или этноса.

Свой вклад в изучение менталитета внесла тартуская школа семиотики в лице Ю.М. Лотмана, Вяч. Иванова, Б.А. Успенского, В.Н. Топорова. Предлагалось формировать понятие «менталитет» как порождение семиотической деятельности, представленной в соответствующих «культурных текстах». Тем самым это понятие рассматривалось как сугубо знаковое, искусственное образование, которое фиксирует те или иные процессы коммуникации и знаковые обозначения, формирующие психологическую реальность, оказывающие воздействие на массовую психологию народов.

Новый аспект в изучение менталитета внес выдающийся исследователь М.М. Бахтин, изучавший феномен народной «смеховой культуры», позволил существенно расширить границы этого понятия, включая в него представления о «телесности» как составной части проявляемого народного самосознания, особенно в процессе карнавального празднования.

В постсоветский период российские ученые стали

уделять повышенное внимание менталитету советского народа, вызванное общественной потребностью осознания необходимости преемственности отечественной культуры и творческого переосмысления духовных традиций народов России. Среди ученых, изучающих эту тему, можно выделить Р. Бистрицкаса, Р. Кочюнаса, Л.Я. Гозмана, А.М. Эткинда, В.Е. Кагана, Б.И. Кочубея, А.А. Зиновьева. Уникальность советской цивилизации состояла в том, что ментальность народа искусственно формировалась соответствующей государственной политикой. Таким образом, появилась возможность изучения формирования новой ментальности сугубо политическими средствами, которыми располагало государство. Советский эксперимент показал наличие в том или ином менталитете как стихийных, так и конструируемых элементов, что позволяет оценивать этот феномен как «естественно-искусственное» образование. Искусственный элемент в формируемой ментальности советского общества был особенно значим, но не означает его отсутствия в условиях, когда эта искусственность носит завуалированный характер в обществах, демонстрируемых свою демократичность и плюрализм в политической жизни.

Особое место в изучении понятия «менталитет» принадлежит известному философу и литературоведу Г.Д. Гачеву, предложившему новое его видение, основанное на глубоком «погружении» в соответствующую культуру во всем ее разнообразии, определяя свой подход следующим образом: «Всякая национальная целостность есть Космо-Психо-Логос, то есть единство национальной природы, склада психики и мышления». [1]

Обсуждение

Понятие «менталитет» при всей его многозначности широко используется при изучении культур различных народов, этносов, стран. При всей широте трактовок этого понятия можно выделить некоторые, наиболее существенные аспекты его содержания. Необходимо признать, что определение понятия «менталитет» зависит от характера соответствующих исследовательских задач и социальной позиции исследователя. Так, например, с позиций «евроцентризма» это будет одно содержание понятия, с позиций глобализма – другое и т.д.

В последнее время все большее внимания уделяется так называемому «ментальному фону» той или иной эпохи и отдельных стран, а также складыванию национальных характеров и национальных культур, изучаемых этнологами и этнопсихологами. Понятие «менталитет» также осваивается в различных гендерных исследованиях.

Обращение современных исследователей к различным «историям ментальностей» позволило объединить

в изучении культур самые различные гуманитарные дисциплины – историю, этнологию, лингвистику, культурологию, социологию, философию, семиотику, литературоведение, географию, экологию и пр.

Заключение

Имеет смысл привести основные подходы к определению менталитета, представленные в научных дисциплинах, которые одновременно имеют всеобщее значение для исследований ментальных структур того или иного народа, этноса, общности. Так, в социальной психологии ментальность связывается со специфическими особенностями психики иногда целых народов, фиксируемая как «национальный характер», «народный дух», единство осознаваемых и неосознаваемых ценностных установок и норм, которые присутствуют у той или иной социальной группы, общности.

Этнологи рассматривают менталитет как совокупность представлений о приоритетах и нормативных аспектах социального поведения, которое обусловлено соответствующими социокультурными факторами, бессознательными установками как продукта соответствующей системы воспитания, социальной средой и т.д.

Культурологи, как правило, акцентируют свое внимание на духовных аспектах менталитета, включая особенности языка, мировоззрения, мировосприятия, самосознания. При этом отмечается, что «Менталитет функционирует в тесном сопряжении с культурой. Вместе с тем он не может рассматриваться как элемент культуры, поскольку не объективируется в привычных культурологических рамках. Менталитет может рассматриваться как функциональная глубинно-духовная основа ценностей культуры данного конкретного общества, как операциональная компонента культуры». [15, с.338].

Философы рассматривают менталитет как проявление преимущественно наивных представлений о мире, позволяющих воспринимать окружающую действительность целостно, как правило, оформленную в эстетических категориях. Причем место логики здесь заменяется определенными культурными архетипами.

Суммируя различные подходы в определении менталитета можно сделать вывод о том, что он представляет собой наличие целостной картины мира с соответствующими ценностными основаниями, которая существует продолжительное время и прямо не зависит от тех или иных экономических и политических факторов. Зато важными являются этнические предрасположенности, культурные традиции, проявляемые в особенностях мироощущения, типа рациональности, языке, системах воспитания в качестве органичного элемента народной культуры в условиях определенного пространства, «обжитого» тем или народом, этносом, общностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гачев Г.Г. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. - М., 1995.
2. Геродот История – М., изд-во «Азбука», 2019, 768 с.
3. Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов», М.: Индрик, 1993. 328с.
4. Ежова Е.А. К проблеме формулирования дефиниции «менталитет» и «ментальность» в этнопсихологической литературе», 2013
file:///D:/Downloads/5604-Article%20Text-11204-1-10-20160707.pdf
5. Кассирер Э. Опыт о человек. Введение в философию человеческой культуры.
6. Лацарус, Мориц // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907.
7. Леви-Брюль, Люсьен Сверхъестественное и природа в первобытном мышлении. – М., М.: Педагогика-Пресс, 1994. — 608 с. — (Серия: «Психология: Классические труды»)
8. Леви-Брюль, Люсьен Первобытное мышление. Коллективные представления в сознании первобытных людей и их мистический характер. – Изд-во «Красанд», 2014, 342с.
9. Ле Гофф Ж. Ментальности: двусмысленная история // История ментальностей и историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996
10. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство.— 2-е изд., испр.— М.: Искусство, 1995.— 320 с. ISBN 5-210-02247-1
11. Монтестье Ш. «О духе законов» Электронная библиотека «Гражданское общество». URL: <http://www.civisbook.ru/>
12. Николай Бердяев Душа России (сборник) ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016 Оригинал доступен на сайте КнигоГид
<https://knigogid.ru/books/760025-dusha-rossii/toread>
13. Лосев А.Ф. Символ и художественное творчество. - Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. - Т. XXX. Вып. 1. - М., 1971. - С. 3-13
14. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры. Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. - Таллинн, 1992. - С. 191-199
15. Полежаев Д.В. Идея менталитета в русской философии «золотого века» - Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. — 360с.

© Ковалёва Инна Алексеевна (in_kov19@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ ГРУЗИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

FORMATION OF THE GEORGIAN NATIONAL IDEA

P. Lebedeva

Summary: Based on the modernist concept of the theory of nationalism, the emergence of the modern Georgian national idea dates back to the middle of the 19th century. The article examines the historical context of that period, and also analyzes the main ideas that influenced the formation of the Georgian national identity.

Keywords: national identity, national culture, Georgia, Georgian culture, Ilya Chavchavadze, theories of nationalism, constructivism, modernism.

Лебедева Параскева Викторовна

*Аспирант, Санкт-Петербургский
государственный университет
paraskevaledeva@mail.ru*

Аннотация: Исходя из модернистской концепции теории национализма, возникновение современной грузинской национальной идеи датируется серединой XIX в. В статье рассматривается исторический контекст того периода, а также анализируются основные идеи, повлиявшие на формирование грузинской национальной идентичности.

Ключевые слова: национальная идентичность, национальная культура, Грузия, грузинская культура, Илья Чавчавадзе, теории национализма, конструктивизм, модернизм.

Исходя из утверждения теории конструктивизма, что нация – это проект Нового времени, истоки современной грузинской национальной идеи проявляются в середине XIX в. В данной статье история возникновения грузинской национальной идентичности рассматривается, главным образом, в рамках одной из значительных теорий национализма возникшей в XX-м в. – теории конструктивизма. Главное отличие конструктивизма от примордиализма заключается в том, что конструктивизм рассматривает нацию, как сознательно сформированную реальность, а не как изначальную данность. Широкое распространение конструктивизм получил к 70-80-м гг. XX в. и наибольшую популярность приобрел в США, Канаде и Австралии.

Для представителей конструктивистского подхода характерно рассмотрение нации, как результата целенаправленной осознанной деятельности. Политическая деятельность признается главным фактором формирования нации как общности. Конструирующая роль государства совмещается с наличием доброй воли граждан, а также с необходимыми предпосылками (уровень культурной гомогенности и образованности общества).

Теория конструктивизма наглядно показывает, что национализм, который является сложным массовым явлением, распадается на отдельные составляющие элементы, которые можно выявить и рассмотреть.

Ф. Барт выводит на первый план аспект осознания принадлежности к этнической группе. Он определяет этнические группы, как формы социальной организации, которые приписывают идентичность себе и другим. Этнические границы создаются с помощью социальных процессов включения и исключения, которые члены групп сами определяют как значимые или нет (допуска-

ется исключение радикального сходства или различия), т.е. этнические границы формируются вследствие межэтнических контактов и взаимосвязей [9, с. 20].

Один из основателей конструктивизма, Эрнест Геллнер, подчеркивает необходимость всеобщего образования в процессе создания нации. Сама идея национализма конструируется именно в процессе образования, где формируется национальная культура: «национализм использует существовавшие до этого культуры и культурные богатства, хотя использует их избирательно и, чаще всего, радикально их трансформирует. Мертвые языки могут быть оживлены, традиции – изобретены, вполне фиктивная первоначальная чистота нравов - восстановлена» [2, с.127].

Б. Андерсон в своей знаменитой книге «Воображаемые сообщества» (англ. «Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism») предлагает рассматривать нацию, как «воображенное сообщество». Для конструирования такого общества элиты обычно используют такие средства как единый национальный литературный язык, национальную литературу, прессу, географические карты, перепись населения, музеи и пр.

Андерсон рассматривает нацию как явление одного рода с такими культурными явлениями как «родство» или «религия». У нации есть своя история и будущее. Роль нации возрастает по мере того, как приходит в упадок религия, и в обществе происходят изменения способов восприятия окружающей действительности. Особенно Андерсон выделяет развитие печатного капитализма, которое способствовало формированию необходимого для «воображаемого сообщества» коммуникационного поля.

Один из главных критиков теории конструктивизма, ученик Э. Геллнера, этносимволист Э. Смит, отмечает, что важную роль в очерчивании культурной идентичности играют интеллектуалы и люди умственного труда, так как именно они ставят на первое место категорию нации: «С помощью своих образов и символов они описывают и репрезентируют для других значение и особый характер нации» [6, с. 177].

Одним из факторов обострения национального грузинского самосознания послужил процесс включения грузинских княжеств в состав Российской Империи. Началом этого поэтапного процесса стало подписание Георгиевского трактата в 1783 г. [4, с. 41], согласно которому царь Картли-Кахетии (территории восточной Грузии), Ираклий II, признавал над собой верховную власть России во внешней политике, при этом правительство Российской Империи гарантировало свое невмешательство во внутреннюю политику грузинского царства. Согласно договору, должны были соблюдаться обычные правила престолонаследия от отца к сыну, но в 1800 г. после смерти сына Ираклия II, Георгия XII, российский император Павел I не стал утверждать на царство его сына Давида, а вместо этого опубликовал манифест об упразднении Картлийско-Кахетинского царства. Окончательно это решение было закреплено новым манифестом уже при Александре I в 1801-1802 гг., территория грузинского царства получили статус губернии («Грузинская губерния» до 1840 г.), управление которой осуществлял чиновник с должностью «управляющий Грузией».

Параллельно с присоединением восточной Грузии аналогичный процесс в 1803-1810 гг. происходил и на территории западной Грузии, которая на тот момент представляла из себя разрозненную территорию без единого политического управления. Поэтапно к территории Российской Империи были присоединены Имеретинское царство (1810), Мегрельское (1803) и Гурийское (1804) княжества.

В культурном поле первыми национальную тему подняли грузинские поэты-романтики. На их поэзии выросло поколение грузинской аристократии, оформившее идею современного грузинского самосознания. [11, с. 69]. Так и писатель Дмитрий Кипиани и поэт Александр Чавчавадзе принимали участие в заговоре грузинского дворянства в 1832 г. целью которого было освобождение Грузии от власти Российской Империи, за что и были сосланы в Вологду и Тамбов соответственно.

Первые лидеры грузинской национальной идеи получили образование в столичном Петербурге, так среди них И. Чавчавадзе, А. Церетели, Г. Церетели, Н. Николадзе А. Церетели и др., которые в 60—70-х гг. XIX в. создали в Грузии общество Тергдалеулеби (тергдалеулни груз. თერგდალეული – испившие воду Терека). Этот термин

применялся к молодёжи 2-ой половины XIX века, которая отправлялась по ту сторону реки Терек – в Россию для получения образования), целью которого было национальное и социальное освобождение грузинского народа. Деятельность общества была направлена на распространение грамотности среди населения Грузии, финансирование школ и театров, издания учебной литературы и пр.

Видными участниками «тергдалеулеби» были — Дм. Кипиани, Нико Николадзе, Георгий Церетели, Акакий Церетели, Якоб Гогебашвили и др. (позже к ним примкнули Сергей Месхи, Важа Пшавела и др.). Лидером «шести-десятников» ещё при жизни стал — Илья Чавчавадзе.

В современной Грузии фигура И. Чавчавадзе обладает колоссальным авторитетом, особенное внимание стоит уделить его определению грузинской нации, которое считается классическим постулатом.

Илья Чавчавадзе (1837 - 1907) как и многие другие грузинские аристократы того времени учился в России, в 1857 г. он поступил на Юридический факультет Императорского университета в Петербурге, но в 1861 г. был исключен из-за участия в антиправительственных забастовках. Вернувшись в Грузию, он занялся широкой просветительской деятельностью. Он является одним из основателей Общества распространения грамотности среди грузинского населения (1879 г.), которое боролось, в том числе, и с тотальной русификацией в Грузии. В правление Александра III грузинский язык был исключен из школьной программы, за исключением некоторых приходских школ [6, с. 273]. При этом чиновники Российской Империи умело играли на процессах консолидации грузинского этноса, поощряя развитие сванского и мегрельских языков в Западной Грузии. Члены общества активно занимались распространением грузинского языка среди населения, описанием памятников древнегрузинской литературы, собиранием фольклора, учреждением первых грузинских гимназий. Один из видных основателей общества. Якоб Гогебашвили, составил первые обучающие пособия – «Алфавит грузинского языка и первая книга для чтения для учеников»; груз. ქართული ენის ანბანი და პირველი საკითხავი წიგნი მოსწავლეობათვის, (1865 год) первый грузинский букварь «Дэда эна» («Родной язык») груз. დედა ენა, (1876 год).

В своих литературных трудах Чавчавадзе и его сторонники способствовали формированию современного литературного грузинского языка, также они осуществили реформирование алфавита (убрав пять архаичных букв).

Главным полем деятельности И. Чавчавадзе стало издание грузиноязычной газеты «Иверия» (1877-1906),

основателем и главным редактором которой долгое время являлся он сам. Именно на страницах «Иверии» Чавчавадзе и его сторонники высказывали свои взгляды о судьбе Грузии, а также вели полемику с оппонентами.

Исследователи внимательно рассматривают лирику и публицистику Чавчавадзе в поисках «первых ласточек» его понимания грузинской национальной идеи [8, с. 61]. Характерной иллюстрацией служит рассказ «Записки проезжего от Владикавказа до Тифлиса» 1861 г., повествующий о возвращении главного героя из столицы в родную Грузию. Автор размышляет о своей предстоящей встрече с родиной, как она его примет? Отвергнет ли она его, как человека оставившего её или признает за своё дитя? Герой приходит к заключению, что он всё же будет принят и признан за своего, но теряет при мысли, что его страна потребует от него конкретных действий. Именно в «Записках» проявляются характерные аспекты грузинской национальной идеи того времени такие как желание независимости и государственного суверенитета, конфликт между традицией и современностью, убежденность в необходимости модернизации и пр.

В 1860 Илья Чавчавадзе предложил свою знаменитую триаду: «Три божественных сокровища осталось у нас от отцов и дедов: Родина, Язык, Религия. Если всем этим не овладеем, какой ответ отдадим потомкам» [2, с.24]. Эта триада стала лозунгом грузинской национальной идеи и остаётся им до сих пор. Каждый из элементов триады является нациообразующим компонентом, маркером грузинской идентичности. [10, с.89].

В своих трудах Илья Чавчавадзе обозначал проблему разобщенности грузинской нации, он ратовал за общее национальное самосознание всего народа, которое, по его мнению, достигается общей историей: «По нашему мнению, ни единство языка, ни единство религии и даже ни родство людей друг с другом не могут объединить так, как объединяет единство истории» [5, с. 17].

Выводы

Проанализируем основные моменты формирования грузинской национальной идеи.

1. Решающая роль в формировании национального самосознания принадлежит элите.

Современное грузинское самосознание возникло и развилось в кругах писателей молодого поколения 60-х-80 гг. Группой молодых грузинских дворян, получивших образование в Российской Империи, называющих себя «тергдалеулеби», велась активная просветительская и общественная деятельность.

2. Особенная роль национального языка.

И. Чавчавадзе и его сторонниками было развернуто движение, направленное на развитие грузинского языка. Было проведено реформирование письма, закрепление новых литературных норм, приближенных к разговорному языку, что способствовало более широкому распространению грузинского языка, как светского. Также участники «тергдалеулеби» способствовали распространению грамотности среди населения.

3. Маркеры грузинской идентичности. И. Чавчавадзе сформулировал основную триаду грузинской национальной идеи — Родина, Язык, Религия. Именно вокруг этих маркеров в дальнейшем развивалась идея национального грузинского самосознания.

Интеллектуальные основы грузинской национальной идеи были заложены поколением «тергдалеулеби», они послужил фундаментом для дальнейшего развития идей национально-грузинского самосознания. Этот процесс формирования идеологии грузинской национальной идеи обозначил культурные границы грузинского единства, выявил основные маркеры национальной идентичности и стал важнейшим этапом формирования базовых ценностей, символов и смыслов грузинской нации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. - М.: Кучково поле, 2016. - 416 с.
2. Буадзе Т., Христианские ценности и общественно-политическое устройство // Гули гониери. 2017. № 18. с. 24-42.
3. Геллнер Э. Нации и национализм. - М.: Прогресс, 1991. - 794 с.
4. Грузины / отв. ред. Л.К. Бериашвили, Л.Ш. Меликишвили, Л.Т. Соловьева; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Национальная академия наук Грузии; Комиссия по истории, археологии и этнологии НАН Грузии. - М.: Наука, 2015. - 813 с.
5. История Грузии. Т. 2. С 60-х годов XIX века до 1921 г.: Учеб. пособие под ред. Н. А. Бердзенишвили. - 1973. - 331 с.
6. Рейфилд Д., Грузия. Перекресток империй. История длиной в три тысячи лет. - М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2017. - 608 с.
7. Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. - М.: Праксис, 2004. - 464 с.
8. Чхатишвили М., Грузинская национальная идея в рамках европейского дискурса о феномене нации // Европейские ценности и идентичность. 2014. С. 59-67. (წარტვილი, მ. ქართველი ერის იდეა ნაციის ფენომენის შესახებ ევროპული დისკურსის ფონზე)

9. Чхатишвили М., Освещение процесса национальной консолидации грузин в печатных СМИ: Иверия и Грузия, как ее читатель. - Тбилиси: Универсали, 2011 –546 с. (ჩხარტიშვილი, მ. ქართველთა ნაციონალური კონსოლიდაციის პროცესის ასახვა ბეჭდურ მედიაში: ივერია და მისი მკითხველი საქართველო)
10. Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий: Сборник статей / Под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2006. 200 с.
11. Nodia G, Components of the Georgian National Idea: An Outline. // Identity studies. 2009. № 1. pp. 84-101.
12. Sabanadze N., Globalization and Nationalism: The Cases of Georgia and the Basque Country. - Budapest: Central European University Press, 2010 -218 p.

© Лебедева Параскева Викторовна (paraskevaledeva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный университет

ДИХОТОМИЯ РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Мацкевич Доминик Иванович

Российский государственный гуманитарный
университет, г. Москва
cathpost2013@gmail.com

THE DICHOTOMY OF THE RUSSIAN
MENTALITY

D. Matskevich

Summary: The aim of the study is to show one of the many markers that characterize Russian culture, and which is one of the many characteristics of the Russian mentality, that is, a dichotomy. To reveal how the dichotomy of Russian culture affects the history of the Russian superethnos, and how it manifests itself.

The novelty of the research is that the history of culture is considered in an interdisciplinary field, including through the reflection of Russian philosophers and historians.

As a result, it is shown that the pendulum-like historical development of the Russian area is indirectly connected with one of the many markers of Russian culture – dichotomy.

Keywords: mentality, the unconscious, Russian culture, Russian philosophers and writers, reflection, history of Russian culture.

Аннотация: Цель исследования – показать один из множества маркеров, которые характеризуют русскую культуру и являются одной из множества характеристик российской ментальности. Выявить как дихотомия русской культуры влияет на историю российского суперэтноса, и в чем она проявляется.

Новизна исследования состоит в том, что историю культуры рассматривается в междисциплинарном поле, в том числе и через рефлексию русских философов и историков.

В результате определенно показано, что маятникообразное историческое развитие Российского ареала опосредовано связано с одним из множества маркеров русской культуры – дихотомии.

Ключевые слова: ментальность, бессознательное, российская культура, русские философы и писатели, рефлексия, история культуры России.

Национальное культурное наследие – это один из мощнейших «маркеров», который как нельзя правдивее описывает, раскрывает, расшифровывает, а порой даже опровергает теоретические высказывания о ментальности той или иной эпохи. В этой статье пойдет речь об одной из особенностей российской ментальности – о ее дихотомии.

Начало формирования русской культуры приходится на IX-XI века, период интеграции восточных славян, появления государственности и, конечно, приобщения к православной вере – основного ориентира для русского народа, сформировавшего систему ценностей и норм, объявивших все социальные слои, но, по мнению некоторых учёных, не всего человека. Имеется в виду, что во многом религиозность имела поверхностный, формальный характер: глубинные основы христианства не всегда прочувствованы и приняты, а покорность и безропотность проявляются на уровне сродни языческому. Н.А. Бердяев охарактеризовал это как «православие без христианства».

Если продолжить мысль Н.А. Бердяева, то стоит отметить, что в именно в великоросских землях – т.е. в Северо-Восточной Руси, двоеверие было очень сильно укоренено в народе. Это касается особенно простолюдинов и людей не высших сословий.

Вплоть до XVI в. Люди продолжали верить одновременно и в Богородицу, и в леших с русалками.

Тем не менее, среди главных свойств ментальности русского человека всегда была склонность к покаянию и смирению. Совесть и обострённое чувство вины позволяют контролировать себя и жертвовать собой, – в русской литературе всех эпох эта тема одна из наиболее востребованных (произведения А.С. Пушкина, М.Е. Салтыкова-Щедрина, В.П. Астафьева, К.Г. Паустовского, Л.С. Петрушевской и мн. др.).

Можно говорить, что чувство смирения было результатом осознания своей вины, как рода людского, при осмыслении христианской доктрины «жертвы Христа». Но это смирение не имело ничего общего с западными «страстями Христовыми», ибо было чисто духовного плана, в противовес монахам западных орденов, истязавших свои тела.

В «Истории России с древнейших времён» С.М. Соловьёва содержится большое количество текстов официальных документов, пронизанных мыслями о Божественном, о Боге. Полководцы, князья, дипломаты в своих речах и докладах ссылались на Божью волю. Углубление понимания христианства произошло в период распространения идей Просвещения, в XVII веке. В результате философия и литература были пропитаны духом религиозности. И арабские, и византийские документы подтверждают, что для русского человека вера связана прежде всего со свободой – категорией абсолютного, совершенного добра.

Безусловно, современная российская культура, как и российская ментальность – явление гетерогенное. «Диффузия» ценностей дореволюционного, советского и западного и определяет ментальность человека постсоветского пространства.

В современной России активно продолжается процесс становления новой, российской ментальности, неоднородной и неоднозначной в силу синтеза влияющих на него факторов.

Советский период длиной в 70 лет отразился на культуре страны, явившись по масштабу примерно таким же значимым, как, например, принятие христианства, заложившего крепчайший фундамент для ментальности и культуры на многие века.

В наши дни анализ советской эпохи наиболее актуален, объективен и адекватен, ведь союз – это уже часть истории почти 30-летней давности, а отголоски советской ментальности мы продолжаем ощущать на себе.

Главнейшей чертой советской ментальности исследователями принято считать стремление заглушить в народе религиозную составляющую. Отчуждение от божественного и ориентация на идеологию марксизма-ленинизма послужили неким тормозом духовного развития и свободы мысли советского человека, но не смогли полностью искоренить в нём ценностные и поведенческие установки, сформированные в течение многих веков православия.

О дуализме российского менталитета писали многие авторы. Полярность русского характера – феномен, подтверждённый множеством фактов, начиная от исторических примеров ведения военных действий и заканчивая выдержками из фольклора – «из грязи в князи», «или пан, или пропал» и др. Герои литературы русского реализма также не могут «зафиксироваться» - чего стоит лермонтовский - Печорин со своими крайностями или его же эпизод с осечкой в «Фаталисте». Русскому человеку не то, чтобы комфортно находиться в пограничном, критическом состоянии, но он готов к подобным ситуациям, способен их преодолевать и порой даже ищет, провоцирует окружающих, себя, свою судьбу. Именно поэтому рулетку называют «русской», а «брат на слабо» – излюбленное занятие нашего человека.

Бинарность нравственного и культурного полей может быть описана парадоксальными парами, характерными для русского человека: «коллективизм – индивидуальность», «активность – пассивность», «заимствование – самобытность», «деконструкция – конструкция», «уникальность – универсальность».

Итоги этнопсихологического анализа подтверждают

наличие основных поведенческих установок:

- на коллективизм («широкая душа», взаимопомощь, гостеприимство, сострадание);
- на духовные ценности (совесть, справедливость, талант, мудрость);
- на власть (сотворение кумиров, управляемость, безропотность, упование «на батюшку-царя»);
- на благополучие в будущем (безответственность, непрактичность, неустроенность быта, неуверенность в себе, надежда «на авось»). Здесь не лишним будет упомянуть об отношении к времени, как выразился А.П. Чехов, «Русский человек любит вспоминать, но не жить» - он обращён либо к прошлому, либо к неблизкому будущему.

Культура России показывает, очень отчетливо влияние географической детерминанты на генезис и природу ментальности.

Множество авторов убеждены в этом. Взять хотя бы слова М.А. Шолохова: «Сурово, нетронуто, дико — море и каменный хаос гор. Ничего лишнего, ничего искусственного, и люди под стать природе. На трудящегося человека — рыбака, крестьянина, эта природа наложила печать здоровья и целомудренной сдержанности».

«Русская душа ушиблена ширью» [1. с.63], замечает Н.А. Бердяев. Противоречивость русского характера описана в высказывании И.А. Ильина: «Россия поставила нас лицом к лицу с природой, суровой и захватывающей, с холодной зимой и раскаленным летом, с безнадежной осенью и бурную, страстную весною. Она погрузила нас в эти колебания, заставила нас жить их властью и глубиной. Именно столь противоречив русский характер». [3]

Великий русский историк В.О. Ключевский объясняет климатическую основу русского характера так: «Великороссия XIII—XV вв. со своими лесами, топкими болотами на каждом шагу представляла поселенцу тысячи мелких опасностей, затруднений и неприятностей, среди которых надо было найтись, с которыми приходилось поминутно бороться. Это приучало великоросса зорко следить за природой, смотреть в оба, по его выражению, ходить, оглядываясь и ощупывая почву, не соваться в воду, не поискав броду, развивало в нем изворотливость в мелких затруднениях и опасностях, привычку к терпеливой борьбе с невзгодами и лишениями. В Европе нет народа менее избалованного и притязательного, приученного меньше ждать от природы и судьбы и более выносливого. Своеобразие русской природы, ее капризы и непредсказуемость отразились на складе ума русских, на манере его мышления. Житейские неровности и случайности приучили его больше обсуждать пройденный путь, чем соображать дальнейший, больше оглядываться назад, чем заглядывать вперед. В борьбе с неожиданными лишениями и оттепелями, с непредвиденными

августовскими морозами и январской слякотью он стал больше осмотрителен, чем предупредителен, выучился больше замечать следствие, чем ставить цели, воспитал в себе умение подводить итоги насчет искусства составлять сметы. Это умение и есть то, что мы называем зданием умом... Природа и судьба вели великоросса так, что приучили его выходить на прямую дорогу окольными путями». [4. с.312]

Среди причин этой двойственности называют также одновременное влияние Запада (в первую очередь, это принятие христианства) и Востока (эпоха зависимости от Орды, присоединение восточных территорий). Сила народа – в его традициях, в его ценности, многочисленности и сплочённости. Эта черта скорее свойственна Востоку. Русский человек способен добиться результата, если действует в рядах себе подобных – отсюда склонность к соборности, к коллективизму, авральным работам, коллективному искусству. Русская культура повосточному же интровертна. С одной стороны, она открыта для влияния внешних сил, но привычным канонам не изменяет и трансформации поддается с большим трудом (вспомнить хотя бы петровские реформы).

Огромные территории, жёсткие климатические условия и постоянное противостояние нападением с запада и востока сформировали в русском человеке особый тип психологического устройства. Отто фон Бисмарк сформулировал это так: ««Русские долго запрягают, но быстро едут» (к ранее упомянутой полярности русского характера). А по типологии личности К. Юнга это принадлежность к интровертному типу установки.

Принципиальное отличие ментального устройства русского человека от западного прослеживается в «Судьбе России» Н.А. Бердяева: «В русском человеке нет узости европейского человека, концентрирующего свою энергию на небольшом пространстве души, нет этой расчетливости, экономии пространства и времени, интенсивности культуры. Власть шири над русской душой порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков. Русская лень, беспечность, недостаток инициативы, слабо развитое чувство ответственности с этим связаны. Ширь русской земли и ширь русской души давили русскую энергию, открывая возможность движения в сторону экстенсивности. Эта ширь не требовала интенсивной энергии и интенсивной культуры. От русской души необъятные русские пространства требовали смирения и жертвы, но они же охраняли русского человека и давали ему чувство безопасности. Со всех сторон чувствовал себя русский человек окруженным огромными пространствами, и не страшно ему было в этих недрах России. Огромная русская земля, широкая и глубокая, всегда вывозит русского человека, спасает его. Всегда слишком возлагается он на русскую землю, на матушку Россию. Почти смешивает и отождествляет он

свою мать-землю с Богородицей и полагается на ее заступничество. Над русским человеком властвует русская земля, а не он властвует над ней. Западноевропейский человек чувствует себя сдавленным малыми размерами пространств земли и столь же малыми пространствами души. Он привык возлагаться на свою интенсивную энергию и активность. И в душе его тесно, а не пространно, всё должно быть рассчитано и правильно распределено. Организованная прикреплённость всего к своему месту создаёт мещанство западноевропейского человека, столь всегда поражающее и отталкивающее человека русского» [1. с.64-65]

По мыслям А.О. Борисова и П.И. Смирнова, ментальность русского человека кроется в существовании «Для другого». Под понятием «другой» может подразумеваться разное – природа, Отечество, община, семья, Бог, другой человек. Опять же подосновой этого явления определена география – вечная потребность в защите, взаимопомощи, готовность держать оборону со всех сторон. При этом экономические процессы были заторможены, а аскетизм и религиозность приобретали значимость. Как раз это и увело Россию в сторону от типично западных качеств - эгоцентризма и рационализма. Русскому человеку, как правило, не свойственно ставить себя в центр внимания и самоутверждаться в социуме, а также ставить главной целью достижение бытового комфорта. Ему ближе понятия «служение», «самопожертвование». Собственнические, индивидуальные задачи проигрывают целям социума. Державный дух, смирение, способность жертвовать, идти на подвиг – вот на что запрограммирован русский человек. В житейском плане результат религиозности и смирения выражен в гостеприимстве, жалости к обиженным и обделённым людям, душевности, бескорыстности и простоте общения.

Считается, что отношение к материальному благу у русского человека глубоко негативное. Тому, кто достиг успеха, разбогател, приходилось искать некое «оправдание» своей состоятельности. Именно поэтому меценатство и благотворительность на Руси и в России была развита как нигде более - перечень фамилий предпринимателей всплывает в сознании моментально – Мамонтов, Третьяков, Морозов, Тенишева, Рябушинский и др.

Одна из противоречивых сторон жизни русского человека – труд. По мнению одних, исторически неустроенный быт сформировал лень и отсутствие мотивации к труду; другие же уверены в исключительном трудолюбии русских. Объяснение этому вполне логичное – снова дело в «служении». Русскому всегда была интересна цель. Во благо Родины или, например, для спасения души, он готов выполнять сложнейшие задачи и при этом не искать абсолютно никакой выгоды для себя. К тому же русский человек склонен проявлять себя в творчестве, «загорается» любимым делом.

Стоит заметить, что русский менталитет вобрал в себя разные, а порой диаметрально противоположные особенности и манеры. Н. Бердяев описывал этот парадокс так: «Два противоположных начала легли в основу формации русской души: природная, языческая дионисическая стихия и аскетически монашеское православие. Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт» [2].

Таким образом, суммируя все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что дихотомия, присущая русской культуре, есть одно из свойств, которым далеко не исчерпывается все ее богатство.

Дихотомию эту можно назвать одним из множества сигнификаторов, которыми обладает российская культура и российский суперэтнос.

Но таких сингификаторов большое количество, и можно читателю самому предложить поразмыслить над этим вопросом и найти эти свойства российской культуры. В этой же статье был дан анализ именно дихотомии, как ее видит история и философия, культуры, и то, как она влияет на социологическую канву событий в истории страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Н.А. Бердяев «Судьба России» М. 1990.
2. Н.А. Бердяев «Судьба России», М. 2005.
3. О.В. ключевский «Курс Русской истории т. I М. 1987.
4. С.М. Соловьев «Сочинения» в 18 томах, т. I М. 1989.
5. И.А. Ильин. «О России». [электронный ресурс] https://legitivist.ru/lib/philosophy/i_ilin_tri_rechi_o_rossii.pdf (дата обращения 20.01.2021)

© Мацкевич Доминик Иванович (cathpost2013@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

В ПОИСКАХ «СЧАСТЬЯ»: ПРЕЛОМЛЕНИЕ ТРАДИЦИОННОГО КОНЦЕПТА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Тимофеева Ирина Юрьевна

Культурологии, доцент, Комсомольский-на-Амуре
государственный университет
Irina_tomoffeeva@mail.ru

IN SEARCH OF "HAPPINESS": REFRACTING THE TRADITIONAL CONCEPT OF RUSSIAN CULTURE IN CREATIVITY MODERN WRITERS

I. Timofeeva

Summary: The article analyzes the concept «happiness», which is basic for Russian culture, based on the material of modern literature. The author reveals the traditional connotations of the concept and explores their semantics in the artistic work of contemporary writers. The relevance of the problem of concept representation is substantiated by the problems of finding cultural identity.

Keywords: concept, concept sphere, modern literature, mentality, happiness.

Аннотация: В статье анализируется базовый для русской культуры концепт «счастье» на материале произведений современной литературы. Автор выявляет традиционные коннотации концепта и исследует их семантику в художественном творчестве современных писателей. Актуальность проблемы репрезентации концептов обосновывается проблемами поиска культурной идентичности.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, современная литература, менталитет, счастье.

Концептосфера как способ структурирования культурного пространства является одной из центральных философско-онтологических тем в гуманитарной науке, особенно в той ее части, которая стремится выработать междисциплинарное, метапредметное знание о культуре. Пристальное внимание изучению концептосферы уделяется в современных лингвокультурологических исследованиях, анализирующих семантическое пространство культуры. В культурологии принято рассматривать термин «концепт» как философское понятие, являющееся результатом взаимодействия различных факторов: национальной традиции, фольклора, религии, идеологии, жизненного опыта, образов искусства, ощущений и системы ценностей, в конечном итоге являющееся составным элементом культурной модели мира: «Концепты, ментальные явления, обрабатываемые и фиксируемые в памяти индивида, представляют собой осознаваемый и значимый фрагмент человеческого опыта, накапливаемый в процессе концептуализации и категоризации в виде когнитивного пространства и концептосферы» [5, с. 64]. Таким образом, можно считать, что концепты образуют своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром. Ю.С. Степанов определяет концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека...И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит

в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [11, с. 43]. В рамках когнитивной психологии, а затем и в теориях когнитивной лингвистики, под концептом понимается единица психической памяти сознания человека. Таким образом, концепт является не только языковой, но и, самое важное, культурной единицей, в которой запечатлена воспринятая, переработанная и структурированная картина мира. Дискуссионным в современной гуманитаристике является вопрос о соотношении концепта и ряда близких ему терминов, в том числе таких как «понятие», «художественный образ», «архетип», «мифологема» и т.п. Принципиальными для дальнейшего исследования будут следующие представления о взаимосвязи концепта и художественного образа:

1. Концепт – это образование ментальное, порожденное этнокультурным сообществом и закрепленное в культурной памяти. Концептосфера, по определению Д. С. Лихачева, это «совокупность концептов нации, она образована всеми потенциальными концептами носителей языка. Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера народа» [8, с. 5].
2. Концепт может быть кодом для формирования «универсального художественного опыта, зафиксированного в культурной памяти и способного выступать в качестве строительного материала

при формировании новых художественных смыслов» [9, с. 42].

- Исследование концептов на материале художественной литературы («литературных концептов» [4]) позволяет анализировать текст в контекстах этнопсихологических, социокультурных, исторических, находящихся вне пространства непосредственно произведения, что отвечает современным междисциплинарным тенденциям в науке. При этом художественный концепт и концепт культурный могут отличаться разными коннотациями, художественный концепт уникален, вбирает в себя авторские интерпретации, сохраняя при всем том генетические связи с архетипическим культурным кодом, отсылающим к внесубъектной реальности – психоэтнической, ментальной, социокультурной – национальной концептосфере. Совсем не значит, что эти пласты обязательно должны совпасть в интерпретации, однако их соотношение позволит говорить о доминанте, симптоматике, переосмыслении базовых культурных концептов в историческом пространстве культуры.

В первую очередь концепты получают формально-материальное выражение в культуре при помощи слова, высказывания, текста. Концепт «счастье» является одним из центральных и значимых в русской культуре. Лексикографическое описание данной леммы уже предпринималось в лингвистических исследованиях. Остановимся на основных признаках концепта «счастье», зафиксированных в метаязыковых высказываниях, на которые ссылаются словари русского языка. Как общекультурная ценность, счастье не может не отождествляться исключительно с человеком – носителем этого состояния. Представления о счастье всегда имеют национальные инварианты, присущие субъекту этноса. Национальную специфику феномена счастья принято анализировать, прежде всего, в рамках традиционной культуры, т.к. именно она выступает в качестве хранительницы исторически сложившегося уклада жизни, религиозных воззрений, общественных отношений. Сформированное в традиционной культуре представление о счастье транслируется каждому новому поколению в форме этических установок, норм и ценностей. Представления о счастье, передаваемые в народной среде в такой форме, приобретают устойчивый характер, что позволяет определить эти представления уже как концепт культуры.

В толковом словаре В. Даля «счастье» определяется как «со-частье, доля, пай», а также наделяется дополнительным значением случайности, желанной неожиданности, таланта, удачи, успеха, спорины в деле, не по расчёту, счастья, счастки». То есть первоначально счастье

в русском языке понималось как доля, совместное участие, что указывает на ментальную черту русской культуры – её коллективистский характер. Концепт «счастье» в традиционной русской культуре наделялся аксиологическим содержанием, отражающим представление о том, что счастье – это доля, судьба, предначертанное, имеющее случайное происхождение, особый жребий, выпавший человеку. При этом «доля» понималась не только как нечто предначертанное свыше, но и часть, отдельная доля совместного участия, общего совокупного жизненного процесса.

В русской традиционной культуре феномен счастья изначально существовал в рамках концепта судьбы, что имеет тесную корреляцию с лингвокультурологическим и этимологическим значением этого понятия как «доли», «участи». Как отмечают А.Н. Афанасьев, А.Н. Веселовский, А.А. Потебня и другие исследователи традиционной культуры славян, в сознании русского народа было закреплено представление, что судьба-доля даны человеку «свыше» и не зависят от его действий. Судьба в представлениях славян всегда созидалась божественной силою, олицетворенной в образе небесных прях и ткачих. При рождении человека девы судьбы начинали ткать его судьбу (сорочку), наделяя ее долей или недолей. То есть счастье наделялось бесконтрольным характером или характеристиками «случайности», «удачливости», «предначертанности», «неизбежности». Это отражено в некоторых лексемах русского языка, сопряженных по смыслу с концептом «счастье»: «удача», «удастся», «удачлив», «талан», «таланный», «случай», а также закреплено в следующих пословицах и поговорках: «При счастье и петушок яичко снесет», «Со счастьем хорошо и по грибы ходить», «Такова доля, что божья воля», «Он в рубашке родился», «Счастье – вольная пташка: где захотела, там и села», «Кому полтина, а кому и ни алтына» и др. Противоположная лексема – «несчастье» – в сознании русского народа воспринималась неотделимой от счастья: «Не было бы счастья, да несчастье помогло», «Людское счастье, что вода в бредне», «Счастье с несчастьем – ведро с ненастьем», «Мужик на счастье сеял хлеб, а уродилась лебеда», «Счастлив бывал, да несчастье в руки поймал», «Счастье – вешнее ведро» и т.д. Таким образом, концепт «счастье» в традиционной русской культуре неразрывно был связан с концептом «несчастье», что отражено в пословицах, где концепты «счастье» – «несчастье» репрезентируются различными лексемами: лексема «счастье» соотносится с лексемами «пай», «талан», «удача», «успех» и др., лексема «несчастье» – «беда», «притча», «рок», «напасти». В соотношении концептов «счастье-несчастье» с лексемой «доля-недоля» отражается его двойственная природа. Отличительной чертой счастья является его нестабильность: «Счастье без ума – дырявая сума (что найдешь, то и потеряешь)», «Счастье не корова: не выдоишь», «Счастью не вовсе верь. На счастье не надейся!».

Тогда, как несчастье представлено в русской культуре как нечто обременительное, тяжелое, способное к увеличению (лексемы «беда», «злыдни», «напасть», «лихо», «горе»): «Беда не ходит одна», «Беда семь бед приводит», «Всякая беда по семи бед рождает», «Беды плодливый».

Русская фольклорная и сказочная традиция зафиксировала концепт в том числе в художественных образах. Сказки русского народа учили тайне обретения счастья. Народная сказка является способом хранения и передачи знаний о мире, облеченных в символическую форму. В сказках «Золотой петушок», «Снегурочка», «Горох», «Старик на небе» и др. отражены представления о рождении мира, о борьбе за счастливую, сытую жизнь. Показательна в анализируемом контексте народная сказка «Курочка Ряба», в которой счастье предстает в образе золотого яичка, соотносимого с ценностями семейной жизни с одной стороны, и с ценностями материальными с другой. В этой сказке подчеркиваются такие черты концепта «счастья» как случайный характер, «предназначенность» этого явления (курочка снесла золотое яичко, а затем и простое – новое семейное счастье) и нестабильность, изменчивость, скоротечность счастья, выраженного материальным благополучием (мышка разбила золотое яичко). Также в приведенном примере показана сложность и скорость перехода от одного состояния к другому (от счастья к несчастью), и эти два концепта противопоставлены по признаку «нестабильность – относительное постоянство». В традиционной русской культуре были зафиксированы и сказки, в которых герои сами искали свое счастье (например, сказка «Как Иван – вдовый сын за счастьем ходил»). На этих примерах можно фиксировать социокультурные изменения в концепте «счастье», формирование представления о том, что человек сам мог изменить свою судьбу («Всяк своего счастья кузнец»). В традиционной русской культуре русской культуре сложились три узловых точки, образующие семантику концепта «счастье» – это счастье-судьба, счастье-радость, счастье-деятельность.

Современная русская литература, сформированная в пространстве культуры постмодерна, часто обращается к пластам традиционной культуры, фольклору, акцентируя или переосмысливая аксиологические культурные доминанты, облекая их в новые репрезентативные формы. Особенно актуальным это становится в современном мире, доминирующая тенденция которого – постоянные поиски культурной идентичности: «Окончательно вошедший в художественную реальность тип художника-номада не только не разрушил, но, напротив, предельным образом заострил идею национальной принадлежности как первоначального архетипического истока творчества». [2, с. 2]. Обращение и актуализация национальных культурных концептов в художественном творчестве позволяет проблематизировать представ-

ления о норме и ее социальной и эстетической форме. Концепт «счастья», вбирающий в себя целый комплекс онтологических культурных смыслов, представляется нам особенно значимым в этой связи.

Для анализа мы выбрали два знаковых произведения современной русской литературы: Е. Водолазкина «Лавр» (2012 г.) и Е. Колядиной (2010 г.) «Цветочный крест». Оба текста написаны примерно в одно время и составляют своеобразный литературный диалог. Оба произведения в свое время стали лауреатами престижной литературной премии «Русский Букер». И тот и другой автор выстраивают повествование на базе традиционной русской культуры, при этом Е. Колядина акцентирует ее смеховое, народное фольклорное начало, а Е. Водолазкин в «Лавре» – православно-христианское.

Роман Елены Колядиной, при все его фантазмагоричности, которую сам автор обозначил уже в определении жанра как «роман-небылица», «роман-катавасия» или «веселая галиматья», тем не менее, имеет некоторые исторические вехи. Надо полагать, в нем описывается повседневная жизнь провинциальной России времен Алексея Михайловича, и историческая канва произведения базируется на сведениях о том, что была некая «жёнка Феодосья, её в 1674 году обвинили в порче и сожгли в срубе в городе Тотьма». Полуисторический, полу-фантазийный роман, изобилующий элементами низовой смеховой культуры, художественно осмысливает и базовые аксиологические концепты, к которым мы относим концепт «счастье». Удивительным образом автор подает переживание героиней Феодосьей повседневного опыта: обилие бытовых обрядов, сопровождаемых поговорками, прибаутками, ритуальными формулами и т.п. Встраивание девицы Феодосьи в «счастливую долю», отведенную ей по рождению, не увенчалось успехом: ни один из кодов традиционного женского счастья не срабатывает в этом произведении. Замужество, материнство, любовно-сексуальный опыт, повседневные бытовые практики не приносят счастья Феодосье, все время оборачиваются «несчастьем» и в конечном итоге приводят ее к отшельничеству и юродству. По мере развития сюжета смеховую культуру подчиняет себе житийно-сказочная. Концепт счастья усложняется и к финалу произведения разворачивается в своей амбивалентной структуре: Феодосья, пройдя через все возможные «несчастья» женской доли, обретает его в более высоком аксиологическом статусе: свободной мудрости и деятельной созидательности, при этом, в житейском смысле ее доля, конечно же, становится трагичной: «Она вновь, от бездействия и апатии, вернулась к довольно деятельной жизни: принялась умываться, истово молиться, готовиться к смерти, дабы принять ее подобающим образом, и даже составлять книгу с рассказами о звездах, о цветах, о чудях и о своем житие».

— Одна в остроге, но мне не грустно, ибо творю я книгу, — с удивлением отметила Феодосья».

Автор постоянно играет традиционными национальными смыслами концепта «счастья», выпячивая, гипертрофируя их до форм, прямо противоположных, но при этом парадоксально остающихся в границах все того же национального кода. И «женское счастье» Феодосьи тоже обретает традиционно-русское наполнение в финале произведения, когда героиня создает цветочный крест – символ одновременно смерти и жизни, «женский крест» как архетипичный образ женской доли – дарующей жизнь и страдающей, цветущей и увядающей.

Евгений Водолазкин в романе «Лавр» акцентирует внимание на иных смысловых константах концепта счастья. Временной диапазон истории Арсения-Устина-Амвросия-Лавра обозначен в романе конкретными датами: 8 мая 6948 г. от Сотворения мира (1440 г.) – 18 августа 7028 г. (1520 г.), основные события, происходящие в условном средневековье, перемежаются с картинками, изображающими новейшее время. Такая временная протяженность истории расширяет и границы семантики концепта «счастья»: отталкиваясь от традиционных, ментально-национальных представлений постепенно герой приходит к осмыслению счастья как категории онтологической, сопряженной с постижением человеком своего места в мире, во Вселенной, а в хронологическом аспекте – в Вечности. Двумерность и двумерность жизненного пути героя (в схематично обозначаемом историческом хронотопе, и в хронотопе бытия как такового) отражены в постоянно зеркалящихся ситуациях: «Помни, Амвросие, что повторения даны для преодоления времени и нашего спасения», — говорит старец Иннокентий Арсению в начале его монастырской жизни. [1, с. 377, с. 411]. Жизненный путь Лавра полон повторяющихся сюжетов, центральный из которых – это сюжет, связанный с отношением героев в схеме: мужчина-женщина-ребенок (Арсений-Устина-ребенок, Арсений-Ксения-Сильвестр, Арсений и беременная Лаура и, наконец, Лавр и родившая Анастасия). Положение персонажей, их отношения являются ключевыми в контексте анализа главной проблемы — любви, искупления греха, спасения души погубленной героиней девушки. Смыслы, сопряженные с развертыванием этой сюжетной схемы каждый раз в новых формах дополняются, переоцениваются и являются своего рода вехами становления главного героя. Отметим, что традиционная «семейная» схема каждый раз является попыткой героя обрести «счастье» и, всякий раз обращившись «несчастьем», выводит его на новый уровень становления личности как этического субъекта. Здесь мы можем говорить об актуализации традиционной се-

мантики концепта «счастья» в русской культуре, которая тесно связана с вопросом о нравственной правомерности собственного счастья, а также о нравственно очищающем, искупительном смысле, который придается «несчастью». Весь роман Евгения Водолазкина показывает, как герой постепенно учится забывать о самом себе, отказываться от себя, чтобы заменить собой «другого». Вся история Арсения отображает процесс переноса акцента с физического, телесного на духовное измерение. Интересным в этой связи является один из вариантов повторяющегося сюжета – история отношений главного героя с Ксенией и ее сыном Сильвестром. «Почти ежедневно за ним заходил Сильвестр и тянул его в материнский дом. Особенно Арсения тревожило то, что отказываться ему и не хотелось»: в этих отношениях герой предпринимает попытку обретения «земного счастья». Семья, которую обретает Арсений, спасший от болезни Ксению и ее сына (совершив тем самым то, что не смог в ситуации с Устиной и ее ребенком) является попыткой обретения такого «земного счастья». Однако герой отказывается от этого видимого, материального благополучия ради исполнения нравственного предназначения: «...дом Ксении – это, скорее, ложный дом, или «антидом», по терминологии Ю.М. Лотмана, то есть пространство, подавляющее движение духа, ограничивающее свободу, в том числе творческую. Ложный дом способствует тому, что Вечность как базовый понятийный комплекс (ориентир, смысл жизни, Бог, инобытие и т.д.) утрачивает свою значимость и подменяется вещностью» [3, с.36].

Резюмируя, отметим, что представления о счастье в культуре славянского народа, характеризующиеся сложностью и многоплановостью изучения, являются одними из ключевых в русской национальной картине мира. Они организуют жизненный мир субъекта, во многом определяют то, как он воспринимает окружающую действительность. Вместе с тем, концепт «счастье» неразрывно связан с представлениями о несчастье, и, составляя с ним органичное бинарное целое, формулирует цель существования, определяет критерии выбора образа жизни за пределами индивидуального бытия. Также следует подчеркнуть, что судьба (счастье) в русской культуре имеет двоякое выражение в формах индивидуальной доли человека и общей доли определенных социальных групп и общества в целом. Романы Е. Колядиной и Е. Водолазкина, актуализируя семантику концепта «счастья» в его традиционном понимании, тем не менее художественно переосмысливают его коннотации. Обращение современных писателей к временам Древней Руси способствует возвращению в литературу моральной, аксиологической, а также религиозной проблематики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Водолазкин, Е.Г. Лавр. Неисторический роман. - М. : Астрель, 2012. — 448 с.
2. Венкова, А.В. Визуальная культура эпохи глобализма: идентификация пустоты // Глобальное пространство культуры: материалы международного научного форума 12-16 апреля 2005. – СПб: Центр изучения культуры, 2005. – С. 276-279.
3. Гудин, Д.С., Сорокина, Н.В. Символика пространства-междумирия в романе Е.Г.Водолазкина «Лавр» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. - Том 12. Выпуск 9., С. 33-37.
4. Зусман, В.Г. Концепт в системе научного знания // Вопросы литературы. - 2003. - № 2. С. 3-17.
5. Кадачиева, Х.М., Алиева Д.С. Концептосфера как способ структурирования когнитивного пространства // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2015. - № 6. Ч. 1. С. 64-66.
6. Колядина, Е.В. Цветочный крест. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 380 с.
7. Лапухина, М.В. Аналитика сущности счастья в русской традиционной культуре: автореферат диссертации на соискание уч. степени кандидата философских наук. – Тамбов, 2006.
8. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка. М.: РАН, 1993. 287 с.
9. Миллер, Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. - 2000. - № 4., С. 39–45.
10. Русакова, И.Б. Концепты «счастье» - «несчастье» в лингвокультурном содержании русских пословиц: автореферат диссертации на соискание учен.ст. кандидата филологических наук. – Москва, 2007.
11. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2004. – С. 43.

© Тимофеева Ирина Юрьевна (Irina_tomoffeeva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Комсомольский-на-Амуре государственный университет

СТЕФАН ГЕОРГЕ И ГЕНРИХ БЁЛЛЬ: ТВОРЧЕСТВО КАК СЦЕНАРИЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОРОЧЕСТВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ

Фидарова Фатима Казантемировна

*К.культурологии, доцент, Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова
fidarova@inbox.ru*

STEFAN GEORGE AND HEINRICH BÖLL THE ART AS THE SCENARIO FOR GERMAN IDENTITY AND POLITICAL PREDICTION

F. Fidarova

Summary: The paper discusses the conceptual problems of Stefan George and Heinrich Böll's art through the prism of diachronic approach to literature. The analysis is based on the idea that the poet and the writer act as a breaking point for the social and political forces of Germany, and that they have changed cultural challenge. We still know few things about the political ideology that has affected the works of George. But it has found a response and an understanding in Böll's works.

Keywords: ideology, the New Reich, symbolist, language competition, identity.

Аннотация: Предлагаемая статья рассматривает теоретические проблемы творчества С. Георге и Г. Бёлля в диахроническом подходе к литературным произведениям. В основу настоящего анализа положено убеждение, что поэт и писатель являются точкой преломления социальных и политических сил Германии, изменивших культурный вызов времени. Политическая идеология, которая определяла творчество поэта-символиста Георге, до сих пор в нашей стране остается почти неизвестной, однако она нашла ответ и прозрение в творчестве Бёлля.

Ключевые слова: идеология, Новый рейх, символист, языковая конкуренция, идентичность.

75-летие победы во Второй мировой войне настойчиво возвращает нас к немецким терминам, текстам и их авторам, которые желали Германии возрождения после проигранной Первой мировой войны. Поэт Стефан Георге тоже поддержал идею Третьего рейха Меллера ван ден Брука через понятие Новый рейх и не мог представить, что его судьбоносный термин для возрождения немецкой нации потомки окрестят началом великой катастрофы. Этот термин окрылил национал-социалистов, они сделают его орудием мести за проигранную войну, навяжут немцам чуждую культуру и развяжут новую Великую войну. Писатель Генрих Бёлль, как участник этой войны, на себе испытал опасность политических терминов, разрушающих и политическую культуру, и культуру.

Первый немецкий поэт-символист Стефан Георге (Stefan George 1868-1933) вернул в нашей стране свой поэтический авторитет, хотя он его никогда и не терял. В коммунистической России о Георге просто забыли, поэтому его не пришлось и запрещать [Георге, 2009: 335].

В 2009 году в нашей стране вышел сборник стихов С. Георге «Седьмое кольцо» (нем. „Der siebente Ring“). Почему в нашей литературе произошло такое забвение поэта, почти не исследуется, оно не известно массовому читателю.

При обозрении обширного поэтического наследия

С. Георге и литературе о нем создается впечатление, что речь идет не об одном авторе-художнике, символисте, а об авторе-мыслителе с идеологической направленностью. Такая тенденция в творчестве Георге вполне понятна, поскольку он в 1889-1891 гг. учился в Берлине – на философском факультете. Георге «поклонник Ницше и поэт» [Георге, 2009: 338].

В 1890 году в Германии вышла в свет первая книга С. Георге – «Гимны». В. Летучий указывает, что именно с «неё и начинается немецкий символизм, и в коротком стихотворении «Морской берег» уже наличествует классический набор символистских атрибутов: ладан, алтарь, плющ, лавр, лебеди, чайки, тайна, – не так уж много слов, но за каждым определенным символом, и символ этот ещё сослужит службу не одному поколению все новых и новых символистов» [Георге, 2009: 338]. «Ибо, как писал немецкий поэт-символист Иоганн Гюнтер (1886-1978), – особенность каждого убежденного символиста – создавать из реальных предметов и понятий комплекс личных переживаний» [Георге, 2009: 339].

Свои стихи Георге называет «зеркальным отражением души» [Георге, 2009: 339]. Вокруг Георге сплываются поэты, художники, историки, архитекторы, философы, появляется поэтическая школа «школа Георге». Теоретической основой для школы стал журнал «Листки искусства» („Blätter für Kunst“) С. Георге, который начал выходить с 1892 года.

В душе поэта-символиста зрели и другие символы, которые затрагивали глубинные основы политической культуры Германии, следовательно, и культуры. Культуру в этом контексте следует понимать как систему, охватывающую самые разнообразные формы и стороны общественных отношений.

Георге стал символистом и в общественно-политической речи в кризисную эпоху для Германии – после проигранной Первой мировой войны. В немецкой политической речи этого периода благодаря писателям Х. Гримму и Меллеру ван ден Бруку в 1923 и 1926 гг. появились новые политические термины «народ без пространства», «Третий рейх». Эти термины указывают нам на «соотнесенность таких понятий, как история языка и национальная история» [Юдина, 2001: 66]. Ханс Гадамер тоже определил эту соотнесенность: «Лучший способ отобразить крушение общества в кризисную эпоху – это наблюдать за изменениями его языка» [Гадамер, 1991: 50]. Однако «смена общественных формаций, сохранение существующих общественных отношений, дееспособность соответствующих государственных институтов, проведение в жизнь политических решений неосуществимо без порождения и восприятия соответствующих текстов, то есть без языковой коммуникации» [Юдина, 2001: 67].

Георге и порождает текст с новым символическим содержанием, который четко указывал на поиск и необходимость фюрера для Нового рейха:

Der sprengt die Ketten, fegt auf Trümmerstätten
Die Ordnung, geißelt die Verlaufenen heim
Ins ewige Recht wo Großes wiederum groß ist,
Herr wiederum Herr. Zucht wiederum Zucht; er heftet
Das wahre Sinnbild an das **völkische** Banner
Er führt durch Sturm und grausige Signale
Des Frührots seiner Treuen Schar zum Werk
Des wachen Tags und pflanzt das **neue Reich** [Linden, 1944: 339].

Он рвет оковы, приводит в порядок груды развалин,
Бичом загоняет домой заблудших и растерянных
К вечной справедливости, где великие опять обретают величие,
Хозяин снова хозяин, дисциплина вновь дисциплина.
Он крепит верный символ на народное знамя
И ведет через бурю и страшные знамена
Ранней зари свой преданный отряд на дело
Дня бодрствования и сеет семена Нового Рейха
[Крейг, 1999: 73].

На уровне текста, создававшегося Георге в 1928 году, смысловый потенциал его символов-терминов получает дальнейшее развитие, вектор которых направлен в будущее Германии. Георге «смотрел дальше и нашел путь к Рейху» [Wulf, 1963: 30].

Продолжая эту мысль, И. Вульф указывает, что Георг

ге, словно пророк своего народа, оглядывается назад и предвидит будущее.. Именно Георге «спасет наши старые и новые мечты в своем Рейхе» [Wolters, 1930: 527].

Политический романтизм 1920-х годов в Германии содержит в себе конкретный пример идеологического направления исторической эпохи: требование создания Нового, Третьего рейха во главе с фюрером, культурной основой которого непременно должна была быть расовая чистота немцев. Георге является ревностным сторонником этого нового культурно-политического вызова времени.

Следует указать, что стихотворение Георге «Новый рейх» („Das neue Reich“) вышло в 1928 году в последнем поэтическом сборнике поэта с одноименным названием. Разумеется, в этом тексте стихотворения могут возникнуть проблемы с переводом, связанные с понятием Reich, поскольку у него несколько значений, а именно: государство, империя, рейх, царство, мир, область, сфера.

Однако характерным элементом общественно-политического дискурса Германии этого периода являлись четко выраженные националистические термины: *Третий рейх, фёлькиш идеология, расовая теория, народ без пространства*. Именно эти термины подкрепляли идею поиска достойного вождя, фюрера, который смог бы объединить расколотую и униженную немецкую нацию, они постепенно стали занимать центральное место и в протестном движении партий. Следовательно, Георге, говоря о Новом рейхе, четко указывает на Третий рейх, поскольку Второй рейх Бисмарка уже не существовал. Кроме того, в пятой строке своего стихотворения Георге указывает и на фёлькиш знамя (нем. **völkische** Banner).

Однако в русском переводе «народный», «народное знамя» понятие **völkisch** теряет свой послевоенный смысл, поскольку это слово „народный“ означает в шовинистическом значении.

Очевидно, что политическая борьба партий в этот период в Германии сопровождалась борьбой и в области семантики, и новые термины в стихотворении Георге подтверждают эту мысль и тенденцию. «Языковая конкуренция и политическое противостояние порождают новые типы текстов, общественные движения оказывают существенное влияние на коммуникативные процессы» [Юдина, 2001: 68]. Свою идентичность с будущим обновленным государством националистические поэты и писатели Германии выражали через текст и новые термины, которые были приведены выше.

Кроме того, Георге уже перед Первой мировой войной в стихотворении «Детям моря» (1913) говорил об «особой крови светловолосых» [Keller, 1970: 55]. По мнению Келлера, такая точка зрения сближает Георге с пропагандистами расовой теории.

Таким образом, мы можем утверждать, что стихотворения Георге «Новый рейх» („Das neue Reich“) и «Детям моря» четко выражали идентичность времени после Первой мировой войны.

Георге отказался сотрудничать с национал-социалистами, однако через свои новые символы-термины выразил требование нового времени и помог подготовить базу для их прихода. Георге умер в 1933 году в Швейцарии и ему не пришлось пожить в условиях Нового (Третьего) рейха, о котором он так страстно мечтал. Однако понятия из лексикона нацистов, которые вначале немцам казались сырыми, дикими словами, вдруг превратились в культурные слова. Согласно М. Бахтину, «культурное слово – преломленное сквозь авторитетный отстоявшийся *medium* слово» [Бахтин, 1994: 102].

Немецкий писатель Генрих Бёлль на себе испытал, что такое дух нового времени: *Третий рейх, фёлькиш идеология, фюрер*. Эти термины породили не только новые типы текстов с политическими требованиями, но также и новый тип фёлькиш писателей. Итогом их влияния станет не только крах Германского рейха, но они также приведут к культурному пробелу в немецкой культуре.

Таким образом, становление Бёлля как писателя, происходило в тот период исторического пути немецкой культуры, который, как было сказано, принято теперь называть культурным пробелом.

Роман Бёлля «Где ты был, Адам?» („Wo warst du, Adam“?) вышел в 1951 г. в Опладене. Именно это произведение принесло Бёллю огромный успех не только в Германии – роман был вскоре переведен во многих странах. Бёлль занял видное место среди писателей «Группы 47», которая объединяла молодых западногерманских писателей, а главной задачей для нее являлась резкая критика нацистской идеологии, милитаризма.

Бёлль начал поиск нового духовного пути для немецкой литературы через идентичность текста. Бёлль имел на это право, поскольку его личный опыт был глубок: учился в школе при нацистах, в мундире вермахта прошел войну, но в конце войны понял преступность нацистской авантюры и сдался в плен американцам.

Бёлль, в противоположность Георге, который мечтал о Новом рейхе с фюрером, стремился воспринятое во время Второй мировой войны показать как преступное и катастрофическое для настоящих и будущих поколений. Разобраться в мире немецкой послевоенной действительности значило для Бёлля – осмыслить ход и содержание военных действий Германии на захваченных территориях и показать трагизм затеянной нацистами авантюры.

«Где ты был, Адам?» – это роман о войне. Главные действия разворачиваются в последние месяцы войны,

начиная с 1944 года. Автор погружает читателя вместе с отступающими немецкими войсками через Румынию, Венгрию и Чехословакию в трагизм ситуации, приближает его к пониманию того, что Германия стоит на пороге неминуемой капитуляции.

Автор не описывает нам жестокие и кровопролитные сражения, количество павших и пленных, однако каждое действие и событие в романе содержит в себе элемент великой приближающейся катастрофы. Драматизм, который показывает Бёлль в своем романе, усиливается через катастрофическую быстроту отступления немецких войск.

Роман начинается с цитаты-эпиграфа Теодора Хеккера (1879-1945), немецкого критика и публициста: И всемирная бойня может задним числом пригодиться. Скажем, для того, чтобы доказать свое алиби перед лицом Всевышнего. «Где ты был, Адам?» - «В окопах, Господи, на войне...» [Бёлль, 1996: 133].

Бёлль отвечает ему на этот вопрос вторым эпиграфом, словами Антуана де Сент-Экзюпери: Но война – это не подвиг, а лишь его дешевый суррогат. Война – это болезнь, эпидемия, вроде сыпняка [Бёлль, 1996: 133].

Несмотря на отступление немецких войск, жестокость концлагерной жизни продолжала свирепствовать: «В лагере было тихо, никаких признаков жизни, и только из труб крематория валил густой дым» [Бёлль, 1996: 231].

«Валил густой дым» означал, что, даже получив приказ об отступлении по курсу Великая Германия, район – Австрия, начальник концлагеря Фильскайт приказал сжечь всех узников. На вопрос своего заместителя (он только что привез 67 человек для хора), где же узники лагеря, Фильскайт с усмешкой отвечал, что «никого не осталось, а не вывезли, хор только вывезут» [Бёлль, 1996: 232].

Жестокость Фильскайта для войны и ради войны усиливается и из-за его личного „несоответствия“ стандартам и нормам нордической расы.

Бёлль раскрывает нам эти глубокие переживания своего героя, поскольку расовую теорию Фильскайт воспринял как осуществление своих сокровенных идеалов: вступил в «гитлерюгенд», быстро сделал там карьеру, проглатывал все книги по расовым проблемам. Однако жизнь Фильскайта наполняется особым, личным трагизмом, когда началась война, «он упорно отказывался от «брони», рвался на фронт и добивался зачисления в эс-совские части «Мертвая голова», но он был черноволос, мал ростом и явно принадлежал к пикническому типу» [Бёлль, 1996: 236].

Бёлль четко показывает, что не все немцы нашли себе опору в новом культурном требовании времени – в ра-

совой теории. Как видно из приведенной цитаты, даже „немец“ и „расовая теория“ оказались взаимно исключаящими друг друга понятиями. Бёлль раскрывает также в своем романе, что политическое пророчество с рейхом и фюрером, с которым Георге и Брук себя идентифицировали, привело к жестокой войне с концлагерями и газовыми печами для умерщвления людей.

Бёлль пытается вернуть своих соотечественников к осмыслению самой страшной катастрофы XX века – анализу войны, которая и в самой Германии привела к разрухе, развалинам и голоду. «Это было возвращение из войны, в окончание которой вряд ли еще кто-то верил» [Бёлль, 1996: 673].

Продолжая эту мысль, Бёлль пишет: «Итак, мы писали о войне и о возвращении домой, о том, что нашли дома, когда вернулись: о развалинах» [Бёлль, 1996: 673]. «Уводить современников в царство идиллии будет, так считали мы, жестокостью, слишком страшным окажется пробуждение; или, может, прикажете нам в жмурки играть?» [Бёлль, 1996: 674].

Когда Бёлль говорит, что «и глаза наши вспоминают кладбища, и глаза наши видят развалины, разрушенные города, города-кладбища», то совершенно очевидно, что он имеет в виду и Германию, и Россию [Бёлль, 1996: 677]. Романтики войны в Германии теперь молчат. Бёлль указывает на новое направление в литературе Германии: «Все это „литература о войне“, „литература развалин“ и „литература вернувшихся“» [Бёлль, 1996: 677].

Бёлль пытается также найти ответ, как искоренить понятие войны из нашего лексикона: «Никогда больше не было бы войны, если бы павшие в бою, которых очередной поезд умчал навстречу смерти, заговорили» [Böll, 2005: 57].

Г. Бёлль не только художник слова, но и политически ангажированный писатель Германии, предостерегает современные средства массовой информации от произвольного использования слова, ибо слова могут убивать. Бёлль подчеркивает, что «политику вершат словами, что именно слова сделали человека объектом политики и заставили его претерпеть все беды истории» [Бёлль, Т. 3: 643].

Таким образом, у нас есть достаточно оснований, чтобы увязать поиск нового духовного пути для немецкой литературы через идентичность текста двух великих писателей Германии. Георге поддержал идею Нового Третьего рейха для немцев, что привело к политическому краху Германского рейха и культурному пробелу. Свою идентичность с обновленным государством после проигранной Второй мировой войны писатель Бёлль также выражал через текст и новые термины.

В дискурсивном пространстве немецкой общественной-политической речи, после проигранной Первой мировой войны, появились новые типы текстов. Они стали порождением политического противостояния и языковой конкуренции поэтов и писателей Германии. Георге идентифицировал себя вслед за Бруком с новыми политическими терминами. Бёлль, напротив, показал их бессмысленный и опасный итог.

Мир двух выдающихся писателей Германии не замкнут, а многообразно пересекается и переплетается: поэт Георге своим идеологическим пророчеством нашел культурно-политическую опору в новых националистических терминах через новый тип текста, которые очень пригодились национал-социалистам. Писатель Г. Бёлль своим авторским словом предостерегает об опасности использования этих политических терминов, оказавших фатальное влияние на историческое и культурное развитие его страны и всего мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Проблемы творчества поэтики Достоевского. М., 1994.
2. Бёлль Г. Собрание сочинений в 5-ти томах. Т. 1. М., 1996.
3. Гадамер Х.Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
4. Георге С. Седьмое кольцо. М., Водолей, 2009.
5. Крейг Г. Немцы. М., Ладомир, 1999.
6. Юдина Т.В. Теория общественно-политической речи. М., Московский университет, 2001.
7. Böll H. Das Vermächtnis. München, 2005.
8. Keller E. Nationalismus und Literatur. Bern und München, 1970.
9. Linden W. Deutsche Dichtung am Rhein. Ratingen, 1944.
10. Wolters F. Stefan George und die Blätter für die Kunst. Berlin, 1930.
11. Wulf J. Literatur und Dichtung im Dritten Reich. Mohn, 1963.

© Фидарова Фатима Казантемировна (fidarova@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ СПОРТИВНО-МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В РАМКАХ РУССКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»¹

Чжан Вэй

старший преподаватель, Хэйхэский университет, Хэйхэ
(КНР),

zhangwei-5688679@163.com

Нин Вэньцзин

профессор, Хэйхэский университет, Хэйхэ (КНР),

ningwenjing123@163.com

**PROBLEMS OF ORGANIZING SPORTS
EVENTS WITHIN THE FRAMEWORK OF
RUSSIAN-CHINESE COOPERATION FROM
THE POINT OF VIEW OF "ONE BELT, ONE
ROAD"**

**Zhang Wei
Ning Wenjing**

Summary: The article presents the results of a study aimed at considering the possibilities of the most effective use of the «One Belt, One Road» strategy in the organization of sports events within the framework of Russian-Chinese cooperation. The study analyzes the current situation in the area under study, identifies current obstacles to achieving the goal of the «Belt and Road» initiative-increasing cultural exchange between Russia and China, and identifies ways to eliminate them. The results of the study can be used for further development in the organization of sports events that will act as a carrier of the Sino-Russian friendship within the framework of the «One Belt, One Road» concept, contributing to the increase in national cultural exchanges between China and Russia.

Keywords: mass sports events, strategy of Russian-Chinese cooperation, development problems, cultural exchange.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования, целью которого стало рассмотрение возможностей максимально эффективного использования стратегии «Один пояс, один путь» в организации спортивно-массовых мероприятий в рамках русско-китайского сотрудничества. В ходе исследования подвергнута анализу сложившаяся на сегодняшний день ситуация в изучаемой области, выявлены текущие препятствия на пути к достижению цели инициативы «Пояса и пути» – увеличение культурного обмена между Россией и Китаем, и обозначены направления их устранения. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего развития в организации спортивных мероприятий, которые выступают в качестве носителя китайско-российской дружбы в рамках концепции «Один пояс, один путь», способствуя увеличению национального культурного обмена между Китаем и Россией.

Ключевые слова: спортивно-массовые мероприятия, стратегия русско-китайского сотрудничества, проблемы развития, культурный обмен.

Введение

Обращение к теме настоящего исследования неслучайны и обусловлены возможностями, предоставляемые стратегией «Один пояс, один путь» (Россия – Китай), позволяющей осуществлять культурный обмен. В частности, в настоящее время отмечается недостаточность обмена опытом организации мероприятий в области культуры и спорта, в виду того, что обе стороны по-прежнему осуществляют деятельность в названных отраслях под девизом «закрывать дверь и сделать самому». Такая ситуация негативно отражается на развитии культурного обмена между странами, ограничивая рост новых коннотаций спортивной дипломатии в стратегию «Один пояс, один путь» не позволяя иннова-

ционному проекту развиваться на благо двух народов. В настоящем исследовании остановимся более подробно на рассмотрении возможностей максимально эффективного использования стратегии «Один пояс, один путь» в организации спортивно-массовых мероприятий в рамках русско-китайского сотрудничества.

Теоретический анализ проблемы исследования

Первоначально, следует отметить, что на сегодняшний день, в ходе реализации стратегии «Один пояс, один путь», Китай занимает достаточно низкие позиции в рейтинге международных спортивных коммуникаций. Незначительные улучшения отмечаются в последние годы, что подтверждается количеством проведенных

¹ Данная статья является результатом научно-исследовательского проекта 2018 г. провинциальных вузов Хэйлуцзяна «Исследование путей и стратегии развития китайских и российских спортивно-массовых мероприятий в провинции Хэйлуцзян». Номер проекта: 2018-KYYWF-1280.

спортивных мероприятий, которые при правильной организации могли бы способствовать трансляции имиджа спортивной культуры Китая во внешний мир путем создания модели культурного обмена между Китаем и странами-участницами инициативы «Пояса и пути».

На сегодняшний день китайско-российские культурные обмены, реализуемые в рамках стратегии «Один пояс, один путь» все еще обладают значительной «зависимостью». Большинство организаций занятых в реализации российско-китайского культурного обмена выступают в роли основных носителей спортивно-культурных традиций, трансляция которых в определенной степени ограничены [5, с.192]. Путем планирования и непосредственной организации массовых спортивных мероприятий между Китаем и Россией с первоочередной целью «образование связей между представителями двух держав» можно существенно снизить или полностью избавиться от «зависимости», используя модель рыночных взаимоотношений для расширения взаимовыгодных культурно-экономических обменов в рамках вышеназванной стратегии.

С точки зрения рассматриваемой инициативы в настоящий момент общая тенденция массовых спортивных мероприятий между Китаем и Россией относительно хорошая и характеризуется устойчивым ростом проявляемых с обеих сторон инициатив. Начиная с китайско-российского соревнования по байдарочной гребле, проведенной в городе Фуюань в августе 2015 года, и первого китайско-российского велосипедного турнира, проведенного в городе Суйфэньхэ провинции Хэйлуцзян (КНР), и Владивостоке (РФ) в 2019 году, на регулярной основе между двумя странами проводятся дружественные баскетбольные встречи, международные футбольные матчи, автомобильные гонки вдоль границ реки Амур, молодежные шахматные турниры, китайско-российский трансграничный марафон «1+1», соревнования по боксу, соревнования по парусному спорту, зимние юношеские игры, экстремальные соревнования на резиновых лодках и т.д.

Подобные соревнования были проведены в г. Биробиджане, в г. Хэйхэ провинции Хэйлуцзян, Амурской области, в г. Суйфэньхэ, во Владивостоке, в г. Мишань, в г. Харбин, в г. Фуюань, в г. Муданьцзян, в г. Самаре, в г. Благовещенске, в г. Хабаровске, в г. Циньхуандао, в г. Пекине и др. Прошедший 2020 год стал годом обмена СМИ между Китаем и Россией. Благодаря возможностям, предоставляемым инициативой «Один пояс, один путь», китайско-российские массовые спортивные мероприятия продолжают планироваться и организовываться, тем самым оказывая положительное влияние на развитие культурного обмена между двумя державами – Россией и Китаем.

Далее более подробно остановимся на трудностях и препятствиях, с которыми сталкиваются Россия и Китай в ходе реализации стратегических задач инициативы «Пояса и пути».

1. Недостаточная узнаваемость бренда спортивных мероприятий.

Согласно концепции «Один пояс, один путь», массовые спортивные мероприятия в Китае и России разнообразны и охватывают различные возрастные группы: детей, людей молодого и среднего возраста, а также пожилых представителей двух стран. Тем не менее, анализируя массовые спортивные мероприятия, проведенные в рамках культурного сотрудничества между Россией и Китаем за последние годы, можно сказать, что основная цель, а именно привлечение большого количества граждан обеих стран к занятиям спортом, еще не достигнута. Наблюдаемый эффект недостаточен, и большинство людей до сих пор не осознают значимость массовых спортивных мероприятий между Китаем и Россией, с точки зрения устойчивого развития культурного взаимообогащающего обмена.

2. Несбалансированное развитие массовых спортивных мероприятий.

Согласно концепции «Один пояс, один путь», массовые спортивные мероприятия между Китаем и Россией продолжают реализовываться. Однако на пути к их реализации встречается множество дисбалансов, в частности, между проектом и региональной неустойчивостью. Первый дисбаланс в основном проявляется в том, что фехтование, гимнастика, настольный теннис и ряд других массовых спортивных мероприятий составляют относительно большую долю, в то время как другие остаются «в тени», что приводит к отсутствию коннотации спортивных событий Китая и России и оказывает негативное влияние на общий прогресс спортивной культуры стран-участниц инициативы «Пояса и пути». В основном благодаря влиянию географических и исторических факторов проведение массовых спортивных мероприятий происходит в провинции Хэйлуцзян и в городах Дальнего Востока России значительно чаще по сравнению с другими регионами стран [1, с.336], в которых массовые спортивные мероприятия проводятся в меньшем количестве, а зачастую и вовсе не проводятся.

3. Слабый фундамент обмена народной культуры.

За почти 100 лет систематически осуществляемых обменов между Россией и Китаем были созданы глубокие культурные связи. Однако в рамках концепции «Один пояс, один путь» культурная основа, необходимая для реализации массовых спортивных мероприятий остается достаточно неустойчивой. Из-за ограниченности

мест, времени и ряда других факторов проводимые в рамках инициативы «Пояса и пути», не способны удовлетворить потребности в области физической культуры и спорта большинство людей. Сложившаяся ситуация не только повлияло на быстрое и качественное развитие массовых спортивных мероприятий, осуществляемых усилиями двух стран, но и скрыло большое число конфликтов, вызванных культурными различиями.

Вскрытые недостатки и препятствия на пути культурного обмена между Россией и Китаем, позволили сформулировать основные положения стратегии развития проекта «Один пояс, один путь» в контексте проведения массовых спортивных мероприятий.

Первое, на что стоит обратить внимание, это усилия, прилагаемые к развитию бренда массовых спортивных мероприятий. В соответствии с концепцией «Один пояс, один путь» предпосылкой для долгосрочного развития любого спортивного мероприятия является получение признания со стороны масс, которые обладают такими характеристиками, которые разительно отличаются от других подобных мероприятий, привлекая повышенное внимание и вовлекая большее число участников. Отмеченное позволит постепенно приобрести более стабильную коммерческую позицию.

Исходя из сказанного, для развития бренда массовых спортивных мероприятий, осуществляемых в рамках стратегии «Один пояс, один путь», организаторам следует уточнить характер, характеристики и недостатки китайских и российских спортивных мероприятий, удовлетворить потребности групп и целенаправленно скорректировать планы планирования спортивных мероприятий, в соответствии с общей тенденцией развития индустрии массового спорта, темпами её становления, регулируя рыночное позиционирование спортивных мероприятий и стимулируя устойчивое развитие брендов спортивных мероприятий [3, с.75].

Глубокая культурная коннотация является основой для развития бренда массовых спортивных мероприятий в Китае и России в рамках концепции «Один пояс, один путь». С целью усиления и стимулирования развития массовых спортивных мероприятий в Китае и России, обе стороны-участницы должны глубже изучить спортивную культуру стран.

В качестве примера можно привести китайско-российские виды спорта на резиновых лодках. В 2015 году в г. Мохэ открылся экстремальный китайско-российский турнир на резиновых лодках. Двадцать игроков пересекли пограничную реку и завершили соревнования от Тунцзян до Фуюаня. Проведение соревнований на резиновых лодках в России имеет почти столетнюю историю, а в Китае данный вид спорта родился на сотни лет

раньше. Однако этот обычай больше не использовался на массовых спортивных мероприятиях в Китае и культивировался как отличительный бренд массовых спортивных мероприятий.

Показательный пример свидетельствует о необходимости разработки производных продуктов, необходимых для массовых спортивных мероприятий, исходя из требований распространения спортивных концепций, и заручившись поддержкой профессионалов при условии обеспечения нормального развития массовых спортивных мероприятий. Деривативы необходимы для Китая и России. Посредством разработки производных мероприятий можно изучать культуру проведения массовых спортивных мероприятий в Китае и России, тем самым укрепляя основу для их культивирования.

Второе – соблюдение баланса ресурсов, ориентированных на развитие спортивных мероприятий. Согласно концепции «Один пояс, один путь», связи между людьми являются основой и предпосылкой для развития массовых спортивных мероприятий между Китаем и Россией. Таким образом, в соответствии с «Видениями и действиями по совместному строительству экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI века», совместно изданным Комиссией по развитию и реформам Китая, Министерством иностранных дел и Министерством торговли, массовые спортивные мероприятия, проводимые между Россией и Китаем, должны быть включены в прогностику исследований потребностей участниц проектов «План связи между людьми» [4, с.61]. Кроме того, опираясь на то, что Китай и Россия являются мощными державами, должны быть направлены усилия для привлечения широких слоев населения двух стран для дальнейшего продвижения китайско-российских спортивных и культурных обменов, а также развития многонациональных массовых спортивных мероприятий.

Третье – укрепление основ народной культуры. Китайско-российские массовые спортивные мероприятия в рамках концепции «Один пояс, один путь» имеют множество функций, таких как стимулирование развития экономического пояса Шелкового пути, укрепление репутации Китая и сохранение китайско-российской дружбы. В контексте сказанного, с целью укрепления народно-культурной основы массовых спортивных мероприятий, все населенные пункты должны стремиться к поддержке широких масс [2, с.148]. Опираясь на вышеназванное и используя превосходные ресурсы культуры в проведении массовых спортивных мероприятий в Китае и России, следует приложить дополнительные усилия для того, чтобы представители двух стран могли в полной мере почувствовать национальную самобытность, живой интерес и культурную насыщенность от участия в спортивных мероприятиях, тем самым акти-

визируя спортивного дух граждан Китая и России. В то же время, основанное на тесной взаимосвязи между народной культурой и этническими группами, проведение массовых спортивных мероприятий подобных автомобильному туру по Китаю и России, способно не только удовлетворить потребности в двигательной активности граждан России и Китая, но и создать хорошую культурную основу для формирования взаимопонимания представителей двух стран.

Выводы

Подводя итог, можно сказать, что в рамках видения инициативы «Один пояс, один путь» массовые спортивные мероприятия между Китаем и Россией получили новый толчок к развитию и в настоящее время находятся в стабильной её стадии, обладая мощным потенциалом к постоянному совершенствованию. Однако, чтобы в

полной мере оценить значение массовых спортивных мероприятий, реализуемых между Китаем и Россией в рамках стратегии «Один пояс, один путь», следует подвергнуть детальному анализу этапы и имеющийся потенциал проводимых и планируемых массовых спортивных мероприятий с точки зрения политических, культурных и экономических аспектов. Следует ориентироваться в большей степени на культуру и традиции представителей обеих стран с установлением наиболее характерных видов спорта, пропагандируемых среди народных масс с целью создания нового типа массового спорта между Китаем и Россией. Сказанное будет способствовать дальнейшему развитию новых спортивных мероприятий, которые выступают в качестве носителя китайско-российской дружбы в рамках концепции «Один пояс, один путь», а также будут способствовать национальным культурным обменам между Китаем и Россией.

ЛИТЕРАТУРА

1. 冯剑. 群众体育赛事从管理到治理:动力,逻辑与路径[J]. 西安体育学院学报, 2018(03):334-337.
2. 宁文晶,张微. 黑龙江省中俄群众体育品牌赛事的培育路径及发展战略研究[J]. 黑龙江科学, 2020(11):148-149.
3. 张珊珊,王韶峰,隋东旭. 中俄跨界民族(赫哲族-那乃族)体育文化流变研究[J]. 体育文化导刊, 2018(006):73-77.
4. 杨光,南尚杰,李松洋. 我国群众体育赛事治理困境与优化策略[J]. 体育文化导刊, 2019(008):59-64.
5. 王巍. “一带一路”背景下中俄合作的前景[J]. 学术交流, 2018(04):191-192.

© Чжан Вэ (zhangwei-5688679@163.com), Нин Вэньцзин (ningwenjing123@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АДАПТАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПОКОЛЕНИЯ Z В УСЛОВИЯХ СТРЕССА, ВЫЗВАННОГО САМОИЗОЛЯЦИЕЙ ИЗ-ЗА ПАНДЕМИИ COVID-19

Васильева Ольга Анатольевна

старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Государственный
Университет Управления», Москва
oa_vasilyeva@guu.ru

ADAPTIVE MECHANISMS OF GENERATION Z UNDER STRESS CAUSED BY SELF-ISOLATION DUE TO THE COVID-19 PANDEMIC

O. Vasilyeva

Summary: The article is devoted to the study of the dynamics of the state of young people during the quarantine period associated with the COVID-19 pandemic. Forced self-isolation became a stressful factor for the study group, in which representatives of the youth audience showed themselves in different ways. The aim of the study was to assess the behavioral states and psychoemotional reactions of Generation Z representatives under stressful conditions. Methods: Research methods-analysis of secondary data from open sources and primary research through an Internet survey. Results: The result was revealed in the study group metaprograms that form multidirectional mental, emotional and behavioral responses to stress caused by the situation with forced isolation. Practical recommendations on the development of adaptation mechanisms in generation Z, developed with the help of digital technologies, to which modern youth is loyal, are proposed. Conclusions: Forced self-isolation for many has become a stressful factor, and a kind of litmus for determining the degree of stress resistance of buzzers. The results of the conducted research can be useful for employers, educational structures and public organizations interested in the youth audience.

Keywords: self-isolation, pandemic, COVID-19, youth, generation Z, behavioral activity, emotional state, stress, adaptation.

Аннотация: Статья посвящена исследованию динамики состояния молодежи в период карантина, связанного с пандемией COVID-19. Вынужденная самоизоляция стала стрессогенным фактором для исследуемой группы, в которой представители молодежной аудитории проявили себя по-разному.

Цель: Целью исследования стала оценка поведенческих состояний и психоэмоциональных реакций представителей поколения Z в стрессовых условиях.

Методы: Методы исследования – анализ вторичных данных из открытых источников и первичное исследование посредством интернет – опроса. **Результаты:** Результатом стали выявленные у исследуемой группы метапрограммы, формирующие разнонаправленные ментальные, эмоциональные и поведенческие реакции на стресс, вызванный ситуацией с вынужденной изоляцией. Предложены практические рекомендации по развитию адапционных механизмов у поколения Z, вырабатываемых с помощью цифровых технологий, к которым лояльна современная молодежь. **Выводы:** Вынужденная самоизоляция для многих стала стрессовым фактором, и своего рода лакмусом для определения степени стрессоустойчивости зуммеров. Результаты проведенного исследования могут быть полезны работодателям, образовательным структурам и общественным организациям, интересующимся молодежной аудиторией.

Ключевые слова: самоизоляция, пандемия, COVID-19, молодежь, поколение Z, поведенческая активность, эмоциональное состояние, стресс, адаптация.

Введение

Сегодня ведутся многочисленные обсуждения на тему ценностных ориентиров и жизненных установок молодого поколения, как его принято называть, поколения Z. Поведенческие и когнитивные особенности молодых людей, рожденных в цифровую эпоху, вызывают живой интерес как среди исследователей, так и среди делового сообщества. На сегодняшний день в мире насчитывается 1,2 миллиарда молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет, что составляет 16,5% населения планеты. По прогнозам к 2030 году этот показатель возрастет на 7% и достигнет почти 1,3 миллиарда человек. В России молодежь насчитывает 24,3 млн. человек. [1] Через 10-20 лет эта категория населения будет определять экономико-политическое, научно-технологическое и социокультурное устройство как нашей страны, так и мира

в целом. Поэтому уже сейчас важно понимать и анализировать реакции зуммеров на происходящие в мире явления. Чтобы в дальнейшем преодолеть барьеры, связанные со сменой поколений, выработать превентивные меры в различных областях для смягчения переходного периода. Важно отметить, что такой фактор, как физическое и психологическое здоровье молодых людей, лежит в основе здоровой нации в ближайшем будущем.

Данная статья посвящена исследованию поведенческих и когнитивных реакций российской молодежи, проявившихся в период самоизоляции из-за пандемии COVID-19. Вынужденная самоизоляция для многих стала стрессовым фактором, и своего рода лакмусом для определения степени стрессоустойчивости зуммеров. Результаты исследования могут быть полезны работодателям, образовательным структурам и общественным

организациям, интересующимся молодежной аудиторией.

Ситуация с коронавирусной инфекцией перевернула представления о привычном мироустройстве, жизнедеятельности институциональных систем, ценностных ориентиров в обществе. Глобальная пандемия стала сильнейшим стрессором для человечества. На начало 2021 года в мире подтверждено 97 495 558 случаев заболевания COVID-19, зарегистрированных летальных исходов – 2 089 460 случаев. В РФ статистика по подтвержденным заболеваниям – 3 655 839 случаев, по летальным исходам – 67 832 случаев соответственно. [2] В течение всего 2020 года велась напряженная работа по нормализации ситуации, так выздоровело на январь 2021 года 53 735 201 чел. в мире (в РФ – 3 054 218 чел.). По всему миру разрабатывались вакцины, в частности Россия провела эту работу успешно, выпустив и зарегистрировав три вида вакцины от коронавирусной инфекции. Усилия по снижению воздействия COVID-19 на человеческий организм продолжают, и по-прежнему требуют мобилизации и согласования действий со стороны медицинских учреждений, государственных органов, населения и деловых структур. Основными мерами борьбы с коронавирусной инфекцией является ношение масок и перчаток в общественных местах, социальная дистанция, закрытие культурно-развлекательных учреждений, домашний режим, дистанционное образование и удаленная работа. [3]

Длительный режим вынужденной самоизоляции, введенный в конце марта 2020 года в РФ, не мог не сказаться на поведении и эмоциональном состоянии населения нашей страны. Несмотря на то, что о прямом влиянии коронавирусной инфекции на мозг пока говорить рано (специалисты анонсируют итоги исследований в данной области только на конец 2021 года), выявлены случаи повышенной тревожности, психические расстройства и бессонница в 20-30% случаев после перенесенной болезни. [4] Второй период самоизоляции, начавшийся осенью 2020 года в РФ, прошел несколько легче весеннего. Однако адаптация к ограничениям по-прежнему вызывает сложности, а вынужденная самоизоляция - сопротивление. Об этом можно судить по индексу самоизоляции, который введен как интегрированный показатель для измерения уровня ежедневной городской активности и рассчитывается на основе данных об использовании приложений и сервисов компании Яндекс. [5] Для Москвы, как и других крупных городов РФ, этот показатель имел относительно низкое значение 15-35% только в первую волну самоизоляции с конца марта до середины мая. Осенние же показатели демонстрируют высокое значение (65 – 75%) данного показателя городской активности. Причин нарушения режима самоизоляции множество, но в дальнейшем мы будем фокусироваться на факторах, влияющих на саморегуляцию поведения индивида в стрессовых условиях

и его психоэмоциональные реакции.

Материалы и методы

Целевой аудиторией исследования стали представители поколения Z. Термин стал популярным, благодаря теории поколений Н. Хова и У. Штрауса, в которой авторы предлагают делить людей на группы, с привязкой к периоду рождения. Так, рожденные в один промежуток времени люди (условно 20-летний период) развиваются под воздействием одинаковых факторов внешней среды, в связи с чем у них формируются схожие ценностные установки и поведенческие ориентации. Генерации получили названия X, Y и Z. [6]. В данном случае нас интересует поколение Z (зуммеров), людей, рожденных в 2000-х годах. Основными характеристиками молодого поколения называют высокую включенность в информационные потоки и процессы, дефицит реального общения, развитую многозадачность и, как следствие, проблемы с удержанием внимания. У них есть собственная позиция, разносторонние интересы и более высокий уровень предприимчивости по сравнению с предыдущими поколениями. Им сложно принимать решения из-за особенностей воспитания и взаимодействия со старшим поколением. Z довольно прагматичны в части планирования будущего, а еще они страдают от страха упустить что-то важное. Поэтому они всегда находятся в авангарде новых веяний и сохраняют высокую конкурентоспособность [7]. В скором времени к этим качествам может добавиться умение справляться с внешними стрессогенными факторами. Поверхностное наблюдение за молодежью в период пандемии показывает, что одни расценивают вынужденные ограничения в условиях самоизоляции как проблему, для других самоизоляция открывает новые возможности.

Проблема исследования заключается в отсутствии актуальной информации об адаптационных механизмах у поколения Z в условиях воздействия стрессогенных факторов. Цель исследования – определить типичные реакции зуммеров на стрессогенные факторы, вызванные вынужденной самоизоляцией, проанализировать влияние глубинных установок (метапрограмм) на поведение и эмоциональное состояние представителей поколения Z в этот период, а также разработать практические рекомендации по развитию адаптационных механизмов. Теоретическими методами исследования выступили системный анализ и синтез, критический анализ, обобщение и объяснение, а также методы ситуационного, логического и статистического анализа, направленные на решение поставленной задачи. В процессе исследования применялись следующие методы сбора эмпирической информации: анализ вторичных данных из открытых источников и первичное исследование эмоциональных состояний и поведенческих реакций на стрессогенные факторы у поколения Z посредством интернет-опроса на платформе Sociotrix.com [8].

Научная новизна данной работы заключается в том, что впервые проведен анализ когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций представителей молодежной аудитории в условиях вынужденной самоизоляции. Пандемия COVID-19 способствовала созданию мощного внешнего стрессогенного фактора, который затронул большую пласт населения, в том числе и молодежи. Данные условия стали ключевой компонентой, определяющей новизну работы.

Для выявления факторов, влияющих на саморегуляцию поведения представителей поколения Z в стрессовых условиях, было проведено эмпирическое исследование.

Литературный обзор

Теоретической основой для проведения данного эмпирического исследования послужили работы Г. Селье, Э. Хейма, А. Хомича, С. Хобфолла, Дж. Роттера [9-13]. Понятие стресса введено канадским физиологом Г. Селье и определено, как комплексный процесс, включающий непременно и физиологические и психологические компоненты. При реакции стресса человеческий организм мобилизует внутренние ресурсы для защиты и адаптации к возникшей ситуации. При анализе внешних причин возникновения стресса используется понятие стрессоров и экстремальных условий. Стрессоры – это неблагоприятные, значительные по силе и продолжительности внешние и внутренние воздействия, ведущие к возникновению стрессовых состояний. [9]

Процесс протекания стресса проходит следующие стадии:

1. *Реакция тревоги.* Для этой фазы характерна мобилизация защитных свойств организма. При этом его функционирование происходит с большой нагрузкой. Отмечено, что к завершению этой стадии в большинстве случаев у индивидуумов повышается работоспособность.
2. *Стадия сопротивляемости.* Для нее характерен сбалансированный расход адаптационных ресурсов организма.
3. *Стадия истощения.* Адаптационные ресурсы организма на исходе. Требуется вмешательство медицинских работников и специализированная помощь по выводу индивида из этой стадии.

Ресурсная концепция С. Хобфолла объясняет возникновение психологического стресса и риска болезней адаптации в случае нарушения баланса между потерей и приобретением персональных ресурсов. Развитие психологического стресса возможно в случаях угрозы или фактической потери ресурсов, а также когда отсутствует адекватное возмещение истраченных ресурсов. [10] Ситуация с вынужденной самоизоляцией в период пандемии COVID-19 соответствует ситуации возникновения

психологического стресса, и, соответственно, интересная с точки зрения изучения раскрытия адаптационных потенциалов исследуемой целевой аудитории. К адаптационным ресурсам личности относят эмоциональные, мотивационно-волевые, когнитивные и поведенческие конструкты, которые личность актуализирует в условиях стрессовых ситуаций. Психолог Э. Хайм предложил ситуационно-специфические механизмы борьбы со стрессом, которые условно распределил в соответствии с основными сферами психической деятельности человека: когнитивные, эмоциональные и поведенческие механизмы. [11] Оценка информации, поступающей из внешней среды, в большей степени определяется неосознанно функционирующими механизмами мышления. Эти механизмы получили название метапрограммы [12] Основная роль метапрограмм состоит в фильтрации и сортировке воспринимаемой извне информации. Метапрограммы влияют на формирование личностных особенностей человека, его ценностных установок, структуру восприятия и поведенческие реакции. Уровень субъективного контроля, введенный американским психологом Дж. Роттером, определяет оценку индивидуумом раздражителей внешней среды и его дальнейшую реакцию. Это психологический фактор представляет собой склонность человека приписывать ответственность за происходящие в жизни события и результаты своей деятельности внешним силам (экстернальный, внешний локус контроля), либо собственным способностям и усилиям (интернальный, внутренний локус контроля). [13] Таким образом, вышеобозначенные концепции послужили теоретико-методологической основой для составления опросника на выявление уровня поведенческой активности, эмоционального состояния и реакций на внешний стрессоген при проведении первичного исследования представителей поколения Z, находящихся в ситуации вынужденной самоизоляции из-за пандемии COVID-19.

В исследовании приняли участие 911 человек в возрасте от 14 до 25 лет. Молодым людям было предложено пройти опросник, содержащий 21 вопрос с единичными, множественными и открытыми вариантами ответов. Далее будут представлены ответы респондентов на предложенные вопросы. Открытый вопрос, связанный с возникающими у респондентов ассоциациями о периоде самоизоляции из-за пандемии COVID-19, выявил следующее соотношение позитивных / нейтральных / негативных образов о пережитом периоде. Так, положительно высказались 20% опрошенных - среди распространенных ассоциаций: отдых, возможности, творчество, саморазвитие, спокойствие. Нейтральными ассоциациями поделились 42% участников исследования. Основные ассоциации о периоде изоляции: работа/учеба, дом, сон, карантин, уборка. Негативные образы о пережитом времени сохранились у 38% респондентов. Среди популярных ассоциаций: негативные эмоциональные состояния (тоска, депрессия, смерть, апатия, усталость, пани-

ка, опасность, одиночество), зависимость от интернета (сериалы, дистанционное общение), вредные привычки (алкоголь, заедание стресса, лень).

При этом на уточняющий вопрос «Как Вы воспринимаете самоизоляцию» были получены следующие ответы. Подавляющее большинство респондентов 67,4% (614 чел.) воспринимали самоизоляцию как необходимую меру безопасности. Треть опрошенных 36,1% (329 чел.) сделали акцент на напряженном времени учебы/работы. Также треть участников исследования выделила этот период, как возможность для саморазвития, время заняться собой и привести в порядок тело, мысли, эмоции (30,2% и 31,7% соответственно). Близкие ответы, касающиеся наведения порядка в окружающем пространстве, получены от 12% участников. Нашлись молодые респонденты (127 чел., 13,9% опрошенных), которые провели карантин в развлечениях и веселье. Период самоизоляции, как время для восстановления сил и энергии, обозначили 19,1% (174 чел.) опрошенных. Оценили период карантина, как возможность заняться давно откладываемыми делами, 28,3% (258 чел.) респондентов. Отдельно стоит отметить негативные оценки участников исследования. Так, вынужденная самоизоляция воспринималась, как мучительное времяпрепровождение и вынужденное прерывание общения 19,9% и 19,8% опрошенных соответственно; как принудительную ограничивающую свободу меру 17,6% участников опроса; как тяжелый период, приводящий к деградации, обозначило 12,2% респондентов. Так как участники в рамках данного вопроса имели возможность выделить до трех вариантов предложенных ответов, то пропорции позитивного и негативного восприятия молодыми людьми периода самоизоляции, связанного с пандемией COVID-19, разделились на 77% и 23% соответственно. Можно сделать вывод о том, что большая часть представителей поколения Z, принявшая участие в исследовании сумела приспособиться к обстоятельствам.

Для исследования динамики поведенческой активности молодежи был задан вопрос «Как изменилась Ваша активность в период изоляции?». Процент респондентов, которые отметили позитивную динамику своей поведенческой активности, проявившуюся под действием внешнего стрессогена, составил 30%. Среди них 9% отметили значительное повышение, связанное с появлением дополнительных, ранее не предусмотренных дел, и 21% аудитории связал повышение активности с необходимостью совмещать домашние и рабочие дела. Снижение поведенческой активности в период самоизоляции отметили 45% респондентов, при этом 18% из них определили свою активность на уровне удовлетворения базовых биологических потребностей (еда, сон, просмотр развлекательного контента в сети Интернет). Четверть участников опроса определили свою активность в период самоизоляции, как неизменяющуюся (25%). Еще один вопрос в рамках определения динамики

поведенческой активности был нацелен на выявление сценарных паттернов поведения, учитывая фазы и циклы проживания стрессовых ситуаций личностью. Весь период условно разделен на 3 фазы: начальная (первичная реакция на стресс), реактивная (послестрессовое состояние) и адаптационная (выработанное поведение с учетом изменений). Респонденты описали свои сценарии поведенческой активности в период самоизоляции следующим образом:

- 16,8% (153 чел.) – сначала энтузиазм и повышенная активность (1 фаза) – потом усталость и отдых (2 фаза) – далее режим деятельности равномерный и соответствует моим биоритмам (3 фаза)
- 15,6% (142 чел.) – сначала шок, апатия и упадок сил (1 фаза) – потом постепенная адаптация (2 фаза) и выход на привычный ритм (3 фаза)
- 26,5% (241 чел.) – сначала период расслабления и даже безделья (1 фаза) – потом активное закрытие «возникших дыр» и накопившихся дел (2 фаза) – далее устоявшийся повышенный ритм (3 фаза)
- 19,3% (176 чел.) – без видимых скачков – спокойно и в привычном режиме
- 15,5% (141 чел.) – без видимых скачков – весь период пониженная активность
- 4,5% (41 чел.) – без видимых скачков – весь период повышенная активность
- 2% (17 чел.) – обозначили цикличность фаз повышения и снижения поведенческой активности с высокой амплитудой эмоциональных реакций

Таким образом, сценарии поведенческой активности среди молодежи в период самоизоляции из-за пандемии COVID-19 можно условно разделить на два типа по критерию психоэмоциональной регуляции: эмоционально нестабильную (61% респондентов) и условно стабильную (39% респондентов), которые отражают способность нервной системы личности переходить в фазы возбуждения и торможения. Эти реакции, и как следствие, сценарии поведения, привязаны к темпераменту личности и накопленному поведенческому опыту.

Подтверждением того факта, что эмоциональное состояние напрямую влияло на поведенческую активность молодежи в период пандемии, стали ответы респондентов на вопрос «Оцените в %-ом отношении реализацию планов в период самоизоляции». Так, 38,2% участников опроса выразили мнение о том, что их деятельность в данный период зависела от настроения; еще 14,6% опрошенных заявили о крахе большей части планов и 9,1% высказались о периоде застоя в деятельности. Высокую результативность в реализации планов обозначили 7,6% молодых людей; удовлетворенность своей адаптацией к ситуации и достижение поставленных целей было характерно для 30,5% респондентов. Структуру деятельности молодежи в период самоизоляции позволил сформировать вопрос «Что из перечисленного Вам удалось реализовать?». Наиболее популярным времяпрепровождением

нием среди респондентов стали отдых и развлечения: просмотр фильмов и развлекательного контента (49,5% ответов), серфинг в сети Интернет (31,1% ответов), полноценный сон (31,3% ответов). Практическая деятельность также была выделена респондентами: наведение порядка в окружающем пространстве (43% ответов), реализация учебных и рабочих задач (29,5% ответов). Третье место в структуре деятельности молодежи в период самоизоляции из-за пандемии COVID-19 заняло самосовершенствование тела и духа: чтение книг (26,8% ответов), занятия спортом (25,4% ответов), языковая практика (8,5% ответов). Четвертую позицию в структуре деятельности заняла внутренняя сфера. Так, наведение порядка в мыслях и чувствах, а также планирование будущего получено в 22% и 11,7% ответов соответственно. Стоит отметить, что активность в межличностной сфере в формате онлайн-коммуникаций отмечена только в 20,5% ответов респондентов. Замыкает структуру деятельности в период карантина творчество: кулинария (17,6% ответов), рисование (15,7% ответов), музицирование (11,1% ответов). Таким образом, процентное соотношение направленности личностных ресурсов для организации деятельности молодежи в период самоизоляции на внутриличностную и межличностную сферы составило 94:6. При этом дальнейшая конкретизация активностей и выяснение деталей времяпрепровождения во время карантина выявила нестыковку в оценке самовосприятия и осознанном распределении личностных ресурсов. Анализ устойчивых способов действий и оценок (метапрограмм) зуммеров, участвовавших в исследовании, позволил сформировать более четкое понимание поведения и эмоциональных проявлений в стрессовых ситуациях. В предложенном опроснике анализировались такие метапрограммы, как «активность – рефлексия», «стремление – избегание», «внутренняя референция – внешняя референция», «процесс – результат».

Активность – рефлексия. Данная установка характеризует стиль достижения поставленных целей. Активные личности зачастую решительны, целенаправленны, добиваются результата и действуют энергично. Для рефлексирующего типа наиболее значимы анализ и понимание ситуации перед тем, как предпринять шаги в отношении реализации задач. Они производят впечатление основательных, вдумчивых и рассудительных личностей. В ходе опроса выяснилось, что в период самоизоляции проявили свою активность и были производительными 42,6% респондентов, а посвятили данный период размышлениям 57,4% участников исследования. При этом активно общались 54,4%, чувствовали себя одиночками 45,6% представителей поколения Z, принявших участие в опросе.

Стремление - избегание (мотивация «к – от»). Данная метапрограмма описывает мотивационную установку, которая формируется при решении жизненных задач. Так, мотивация «К» побуждает индивида ставить

цели, строить планы, мечтать. Часто они готовы идти на риск, игнорируя сложности и препятствия. Поведение представителей мотивации «От» обусловлено избеганием трудностей, опасностей и трудных ситуаций. В ходе опроса выяснилось, что 40,1% респондентов поколения Z в период самоизоляции радовались новым возможностям и смогли многое сделать, в то время как 59,9% опрошенных вынужденно выполняли имеющиеся задачи.

Референция (внутренняя – внешняя). Данная установка напрямую связана с уровнем субъективного контроля и демонстрирует фокус направленности на себя или во вне при принятии решений. Так, при внутренней референции индивид полагается на собственную точку зрения и ответственность за происходящие в жизни события предпочитает брать на себя. При внешней референции ситуация обратная – при принятии решений важна точка зрения окружения и ответственность также возлагается на нее. Опрос показал, что в период самоизоляции старались контролировать своё состояние и ситуацию по мере возможности - 57,4% участников исследования. Расслабились и отдались воле обстоятельств 42,6% молодых людей. Многие участники отметили осознание степени своего влияния на внутриличностную сферу - 59,6% зуммеров осознали, что сильно влияют на то, что с ними происходит; 40,4% высказали противоположную точку зрения.

Процесс – результат. Данная метапрограмма показывает фактор получения удовольствия в ходе выполнения той или иной задачи. Для индивида, ориентированного на достижение результата, глубинным мотивом является получение удовлетворения в конечной точке. Для процессно-ориентированной личности удовольствие достижимо в ходе выполнения работы. Результаты опроса показали, что среди участников 69,3% получают удовлетворение, когда наблюдают результат и только 30,7% вдохновляются процессом. При этом стрессовую ситуацию, связанную с вынужденной самоизоляцией, легче перенесли зуммеры с процессной метапрограммой, занимаясь саморазвитием или творчеством.

Отдельное внимание стоит уделить эмоциональному состоянию участников исследования. Большая часть респондентов (59,2%) сообщила, что в период вынужденной самоизоляции произошло эмоциональное истощение, другая часть (40,8%) заявила об эмоциональном наполнении. В 80,5% случаев у участников исследования доминировали установки на преодоление стресса в сложный период времени, связанный с самоизоляцией, и лишь в 19,5% случаев проявлялся фатальный характер мыслей. Поведенческие реакции на стресс были связаны с погружением в любимое дело (19,2%), новым начинанием (4,9%), переключением на задачи близких людей (19,2%), самовнушением (15,7%), одиночеством (17,9%), вредными привычками (16,1%) и получением сторонних

консультаций (7%).

Результаты

Таким образом, наиболее устойчивыми к стрессу, вынужденной самоизоляции в период пандемии из-за COVID-19 оказались представители молодого поколения Z, с метапрограммами *стремления, активности и внутренней референции*. Именно эти метапрограммы стали основой быстрой адаптации к внешним стрессогенным условиям. Большая часть молодежи, принявших участие в исследовании, продемонстрировала устойчивые способы действия и оценок, характерные для адаптивных, стрессоустойчивых личностей, которые используют внешние обстоятельства с пользой для себя и окружения. Стоит отметить, что метапрограмма «*процесс - результат*» не обнаружила выраженного негативного влияния на индивида в исследуемый период. Наиболее сложно переживали самоизоляцию зуммеры с базовыми метапрограммами «*внешняя референция*» и «*рефлексия*». Фатальные настроения и уход от реальности через вредные привычки характерны именно для этой группы исследуемых. Данные говорят о недостаточно развитых механизмах регуляции в стрессовых условиях у поколения Z. Особенно стоит сказать об уходе в виртуальную реальность, как выраженную поведенческую особенность современной молодежи. Именно базовые метапрограммы определяют вектор влияния сети Интернет на состояние индивида.

Если говорить о рекомендациях по повышению адап-

тационных механизмов к стрессовым воздействиям у поколения Z, то использование виртуальной реальности для смягчения стрессогенов и выработки устойчивости может стать решением в данной ситуации. Так, использование набирающих популярность AR/VR-технологий для снятия эмоционального напряжения будет востребовано цифровым поколением. Виртуальная реальность (VR - virtual reality) полностью погружает пользователя в искусственную среду с помощью специального оборудования. Дополненная реальность (AR - augmented reality) позволяет увидеть виртуальные предметы в реальном мире, используя камеру смартфона. [14] Голосовые помощники, выполняющие роль психолога-консультанта, могут стать альтернативной терапией в условиях самоизоляции. Технологии продолжают развиваться, цифровизация становится частью повседневной жизни, и молодежь является ее лояльным потребителем.

Заключение

В заключении стоит еще раз сделать акцент на важности изучения форм мыслительной активности, эмоциональных реакций и поведенческих сценариев молодого поколения, вступающего во взрослую жизнь. Какой бы сложной не казалась ситуация с вынужденной самоизоляцией из-за пандемии COVID-19, она позволила создать естественные стрессовые условия для исследования. Дальнейшее изучение поведенческих сценариев поколения Z необходимо благополучия общества в ближайшем будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Организация объединенных наций. Молодежь [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/youth-0/index.html>
2. Карта распространения коронавируса COVID-19 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://covid.osnova.news/self-isolation/>
3. Официальный сайт мэра Москвы [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.mos.ru/city/projects/measures/>
4. Коношевич В. Мысли о суициде и стрессовое расстройство: как ковид влияет на психику [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://birdinflight.com/ru/mir/20201127-kovid-vs-psihiika.html>
5. Индекс самоизоляции [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://yandex.ru/company/researches/2020/podomam>
6. Howe, N., Strauss, W. The Fourth Turning: What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. New York: Broadway Books, 1997
7. Стиллман Д. Семь ключевых особенностей поколения Z [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://hbr-russia.ru/management/upravlenie-personalom>
8. Поведенческая активность молодежи в условиях самоизоляции из-за пандемии COVID-19. Sociotrix. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://sociotrix.com/form?id=781>
9. Три стадии стресса. Лаборатория ДНКМ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dnkom.ru/o-kompanii/stati/stress/stadii-stressa/>
10. Hobfoll S.E. Social Support: Will you be there when I need you? In N. Vanzetti and S. Duck (eds.), A lifetime of relationships. California: Brooks / Cole Publishing Co, 1996. – p. 12
11. Блазер А., Хайм Э. Проблемно-ориентированная психотерапия. – Пер. Л.С. Каганова - М.: Класс, 1998
12. Холл М., Боденхаммер Б. 51 метапрограмма НЛП – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007 – 347с.
13. Rotter J.B. Social learning and clinical psychology. — New York: Prentice-Hall, 1954
14. VR, AR, CTR: как виртуальная реальность помогает продажам - Режим доступа: <https://prodasch.ru/>

© Васильева Ольга Анатольевна (oa_vasilyeva@guu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УГРОЗ СТУДЕНТАМ ВУЗОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Евсюк Александр Владимирович

*К.псх.н., с.н.с., Военный университет Министерства обороны Российской Федерации
avev2020@bk.ru*

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR IDENTIFYING HUMANITARIAN INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL THREATS TO STUDENTS OF UNIVERSITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

A. Evsouk

Summary: This article examines the methodological foundations for identifying the main humanitarian information and psychological threats that modern students face, and attempts are made to introduce techniques in order to eliminate the negative impact of these threats.

Keywords: detection (identification), information and psychological threats, student, University, information security, methodological foundations.

Аннотация: В данной статье рассматриваются методологические основы выявления основных информационно-психологических угроз, с которыми сталкиваются современные студенты, а также предпринимаются попытки внедрения методик с целью устранения негативного влияния от данных угроз.

Ключевые слова: выявление, информационно-психологические угрозы, студент, вуз, информационная безопасность, методологические основы.

Современное общество в ретроспективном аспекте имеет достаточно высокий уровень безопасности, который объективно выше, чем в предыдущих поколениях. Однако, несмотря на все имеющиеся в данной области преимущества, человечество на современном этапе все равно нуждается в защищенности, так как внешние факторы оказывают сильное влияние на стабильность и безопасность нашего существования.

То, что вызывало опасение у наших предков, нас не беспокоит, однако нас беспокоят новые проблемы. Общество развивается, вместе с тем и развиваются технологии – системы и комплексы на новых физических принципах, новые технологии генерирования, обработки и передачи информации, элементы искусственного интеллекта несут в себе одновременно и преимущества, и негативные последствия. Кроме того, на региональном уровне происходят локальные войны и вооруженные конфликты, в мире систематически возникают новые угрозы развязывания ядерной войны (если и не столь явно, то даже перманентный рост государств, обладателей ядерного оружия, заставляет опасаться данной угрозы). Пандемия COVID-19 также вызывает беспокойство и несет в себе угрозы в разных сферах жизни.

В целом, на земле сегодня происходят события, подрывающие общественную безопасность, в числе которых можно выделить:

- глобализацию;

- вспышки коронавирусных и иных инфекций;
- развитие технологий в области оружия массового поражения и оружия на новых физических принципах;
- финансовые кризисы;
- гибридные войны;
- вторжения, территориальные изменения;
- демографические сдвиги;
- терроризм и коррупция.

Все вышеназванные явления могут стать (и становятся) основой для гуманитарных информационно-психологических угроз человека. Личность в современном обществе подвергается большому количеству информационных угроз и является наиболее уязвимым субъектом в сфере обеспечения информационной безопасности [1, с. 55]. В том числе и потому, что о событиях и явлениях, происходящих вне пределов нашего физического присутствия, мы узнаем через посредничество различных источников информации. То есть в интерпретации, изложении.

Актуальность рассмотрения данной темы определяется тем, что современное общество характеризуется кризисными явлениями во многих сферах социально-экономической и общественной жизни, что влечет за собой резкое изменение привычных стереотипов и моделей поведения, переоценку ценностей и идеалов, изменение мировоззренческих установок. Эта тенденция

остро отражается на молодых людях, которые вовлечены в систему обучения: детях и подростках, студентах высших учебных заведений (далее – вуз). Кроме того, важность изучения этого вопроса, с учетом возможных негативных последствий, обусловлена необходимостью заблаговременного вскрытия воздействия недоброкачественной информации на сознание индивида, угрожающего его интеллектуальному, духовному, физическому развитию и благополучию. Актуальность исследования также заключается в необходимости более углубленного изучения методологических основ выявления гуманитарных информационно-психологических угроз студентам вузов Российской Федерации для эффективного практического использования в системе высшего профессионального образования.

Негативное воздействие на студентов социальных сетей и информационных ресурсов – вопрос, который недостаточно изучен на настоящий момент и требует детальной проработки. Этот вопрос важен и актуален тем, что его изучение поможет выработать методологические основы выявления подобного влияния, а также позволит проводить разнообразную разъяснительную работу, связанную с информационно-психологическими угрозами, которым подвергаются студенты.

В студенческой среде основными источниками информации до 90-х годов XX века являлись телевидение, радио, печатные СМИ, профильные СМИ, партнеры и коллеги по студенческому сообществу, научная и учебная литература, профессорско-преподавательский состав, администрация вуза. Начиная с последнего десятилетия XX века, стремительно нарастая в XXI, развивается тенденция отхода молодежи от использования традиционных источников информации. Альтернативой «классическим» сегодня выступают интернет-СМИ, блоги, социальные сети, чат-боты. При этом, интернет-медиа от создания информационной, идейно-воспитательной и просветительской «продукции» быстро перешли к генерированию особого высококонкурентного продукта – внимания аудитории. В стремлении «произвести» внимание молодежной аудитории каналы и издания открывают пользователям беспрепятственный доступ к разнообразному информационному контенту, воздействующему прежде всего на эмоциональную сферу, а точнее – на механизмы переживания.

В XXI веке, пожалуй, ни один студент (за редким исключением) не может представить мир без информационных технологий – интернет, гаджеты, различные информационные онлайн-источники и т.д. Даже учебный процесс в свете последних событий, связанных с пандемией,

во многих регионах был переведен на дистанционное онлайн-обучение и, возможно, такая практика продолжится во многих вузах и в ближайшей перспективе. Интернет заменил студентам книги, живое общение, досуг, обучение различным навыкам. С его помощью происходит социализация молодежи, она реализовывает свои способности, желания, навыки, познает окружающий мир, развивается и т.д. В проводимых в вузах психологических исследованиях ученые отмечают: уровень вовлеченности студентов российских колледжей и университетов в интернет-среду очень высокий; выделяются две ведущие цели использования ими интернета – поиск полезной для учебы и интересной информации, а также общение в социальных сетях [2, с. 258].

Но, наряду с множеством положительных факторов, интернет несет в себе и негативное воздействие, формирующее угрозы информационно-психологической безопасности студентам [3, с. 78]. Баева И.А., Акиндинова И.А. и Ихер К.М. отмечая, что интернет пространство на современном этапе обладает как конструктивным, так и деструктивным потенциалом, указывает на недооценку молодыми людьми или даже отсутствует у них представлений о реальных угрозах психическому здоровью и позитивному развитию, которые существуют в сети интернет [2, с. 252, 258].

С учетом значений терминов «выявлять»¹, «угроза»² и «информационно-психологическая безопасность»³, под выявлением гуманитарных информационно-психологических угроз студентам вузов Российской Федерации будем понимать обнаружение (вскрытие) любого потенциально возможного негативно-деструктивного воздействия информационных потоков, способных нанести вред психике молодежи, обучающейся в высших профессиональных учебных заведениях страны. При этом, выявление угроз выражается в систематическом анализе и контроле возможности появления реальных или потенциальных угроз и своевременных мерах по их предупреждению.

Основные источники информационно-психологических угроз традиционно включают в себя внешние и внутренние факторы. Учитывая, что внутренние факторы, определяющиеся индивидуальными особенностями психики личности, степенью ее восприимчивости к различным информационным воздействиям, возможностью критически анализировать и оценивать поступающие сведения не являются предметом нашего исследования, более подробно остановимся на внешних. Та часть информационной среды общества, которая искаженно представляет окружающий студента внешний

1 Выявлять – сделать явным, обнаружить, вскрыть [7].

2 Угроза - возможная опасность; запугивание, обещание причинить кому-нибудь вред, зло [8].

3 Информационно-психологическая безопасность личности - состояние защищенности психики от негативно-деструктивного воздействия информационных потоков [9].

мир, информация, которая приводит к ложным выводам, и не дает возможности адекватно оценивать внешние предметы и явления, а также и себя самого, становится источником внешних угроз информационно-психологической безопасности. К ним относится информация, содержащая: гипертрофированное акцентирование внимания к чрезвычайным происшествиям, стихийным бедствиям, грядущим природным и техногенным катастрофам; апокалиптические взгляды, элементы нагнетания страха, паники, ажиотажа, недоверия, негативных ожиданий; ложные сведения о терактах, политическую, экономическую дезинформацию, фальсификацию исторических фактов. Основной целью распространения такой информации применительно к образовательной среде является искажение и разрушение мировоззрения студентов путем деидеологизации, формирования комплекса неполноценности, разрушения системы традиционных духовно-нравственных и исторических ценностей, подмены их иными идеалами и ориентациями. Кроме того, формируемая на основе источников чужеродного иностранного мейнстрима, такая информация призвана способствовать организации «бегства умов», разрушению системы отечественной науки, образования (в том числе высшего), необоснованному запрету на распространение новых знаний и технологий, разжиганию в молодежной среде разногласий по национальным, религиозным и иным признакам.

Феномен информационно-психологического воздействия является предметом целого ряда исследований, этой проблеме уделяли внимание специалисты различных научных направлений: социологии, психологии, философии, педагогики, политологии, культурологи.

Методология исследуемой проблемы традиционно опирается на основные принципы (историзм, универсализм, объективность, открытость и т.д.) и методы (общенаучные, частные и специальные).

В общем плане методологические функции по отношению к теории информационно-психологической безопасности выполняют:

- общая теория систем, решающая проблемы стабильности, сохранности, защищенности, безопасности в условиях воздействия на них деструктивных факторов;
- конфликтология, так как негативное воздействие сопряжено в социальной сфере с конфликтными ситуациями;
- общая теория управления, потому, что выявление (предотвращение) угроз информационно-психологической безопасности личности нереализуемо без конкретных информационно-управляющих воздействий.

В основе исследования проблемы выявления информационно-психологических угроз студентам вузов, но-

сящей междисциплинарный характер, должны быть положены те учения, теории, концептуальные подходы, на основе которых развиваются теории психологической безопасности личности, психологической безопасности образовательной среды, информационной безопасности в целом.

Специальные методологические основы психологии, определяющие постулаты построения, методы, формы и способы научного познания рассматриваемой проблемы, включают ряд принципов:

- психологического детерминизма С.Л. Рубинштейна, согласно которому внешнее воздействие преломляется через психику человека и только после этого влияет на его реакции и поведение; внутреннее состояние в известной мере определяет те внешние воздействия, которые будут оказывать на него влияние;
- единства сознания и деятельности, в соответствии с которым психическое формируется в процессе деятельности и является субъективным выражением объективно протекающих процессов, в свою очередь регулирует эту деятельность и придает ей характер, направленный на самосохранение и развитие личности;
- системности, при котором в процессе индивидуального развития структуры психики проходят последовательные этапы усложнения, дифференциации и трансформации;
- развития в психологии, предполагающий исследование любого психического явления в непрерывном развитии, как процесс и результат деятельности.

Методологические основы исследования проблемы выявления гуманитарных информационно-психологических угроз должны быть направлены на формирование такой образовательной среды вуза, в которой бы были сведены к минимуму любые информационно-психологические угрозы студентам, поскольку в наше время формирование, развитие, самореализация человека происходит не только в реальном материальном мире, но и в информационной, виртуальной среде.

В настоящее время научное сообщество, безусловно, приходит к осознанию данной проблемы, но говорить о более или менее сформировавшихся путях ее решения пока еще преждевременно. Поэтому очень важно в условиях высших учебных заведений разобраться в психологических особенностях восприятия молодежью информации в современном мире, а также разработать эффективные инструменты по выявлению информационно-психологических угроз.

Вузы, помимо просветительской и образовательной, имеют ряд иных функций, среди которых присутствуют нравственные, культурные и духовные аспекты, а с не-

давних пор и воспитательные [4]. Преподавателям очень важно уметь разбираться в психологических особенностях молодежи, а также понимать, что образовательный процесс в университете (институте) составляет важную часть жизни студентов. Высшее профессиональное учебное заведение – это место, где они взрослеют, происходит становление их личностей, где появляются моральные и жизненные устои, формируется мировоззрение. В этой связи важная и ответственная роль должна быть отведена гуманитарным наукам, в частности, философии, психологии, в рамках которых можно было бы разработать механизмы выявления информационно-психологических угроз.

Важно также отметить, что сама по себе информация угрозы не несет, однако она может превратиться в таковую, если у студента наблюдается снижение осознанности происходящего путем активизации его чувственно-эмоциональных реакций во вред рационально-осознанному. Другими словами, если психика и мировоззрение студента еще находится в стадии формирования, что вполне естественно для времени обучения в университете, то информационные угрозы могут нанести вред студенту, а также эволюционировать, что может повлечь за собой деформацию личности и даже стать началом развития девиантного и деструктивного поведения.

Дмитриева Л.Г., Хамзина Д.В. в своих исследованиях отмечают, что «у студентов, которые являются активными пользователями социальных сетей, проявление черствости более выражено, чем у студентов, которые реже пользуются социальными сетями. Студенты – неактивные пользователи социальных сетей характеризуются большей чуткостью и более глубоким пониманием других людей» [5, с. 184]. Информационные и новостные ресурсы на сегодняшний день оказывают большое воздействие на студентов, вводя их в так называемую псевдореальность. В этой связи очень важно оберегать информационную и психологическую безопасность студентов.

Ведущим национальным интересом в области информационно-психологической безопасности студентов ВУЗов должно стать обеспечение способности системы отечественного образования функционировать в режиме расширенного воспроизводства обучающей среды с соблюдением принципа максимальной защищенности от внешнего негативного информационного воздействия. Вместе с тем, данный тезис не предусматривает существования научной и образовательной среды страны в условиях автономии (что фактически невозможно в современной мировом информационном пространстве), но ориентирует государство, как регулятора общественных отношений в сфере высшего профессионального образования (или отдельный вуз) на максимально эффективное использование своего ресурсного потенциа-

ла. При этом в каждом конкретном случае содержание потенциала является различным, а следовательно, меры и задачи формализации информационно-психологической безопасности необходимо осуществлять применительно к конкретному объекту исследования.

Теперь рассмотрим методы, которые помогают своевременно выявить информационно-психологические угрозы, с которыми ежедневно сталкиваются студенты. Среди них мы выделяем следующие:

1. Эффективной методикой выявления информационно-психологических угроз студентам может стать контент-анализ информационных источников. Это метод выявления и оценки специфических характеристик текстов и других носителей информации, в которых соответственно целям исследования выделяются определенные смысловые единицы содержания и формы информации. В ходе его проведения определяется исследовательская выборка источников данных, формируется список измеряемых категорий, формулируются единицы кодирования, проводится анализ собранных данных, осуществляется представление результатов. Современную концептуальную основу контент-анализа предложил К. Криппендорфф.

2. Систематический метод. Систематический метод выявления информационно-психологических угроз студентам вузов Российской Федерации предполагает определенную, строго последовательную систему работы, построенную по конкретному плану. Он подразумевает непрерывный процесс, направленный на выявление и определение угроз на всех этапах образовательного процесса, последующую классификацию источника угрозы и оценку возможного ущерба в случае реализации угрозы.

Важным направлением такого подхода является активная научно-исследовательская работы в вузе по систематическому анализу и контролю возможности появления реальных или потенциальных угроз и выработке своевременных мер по их предупреждению.

3. Метод идентификации возможных источников угроз. Идентификация предполагает подтверждение (или опровержение) факта достоверности информации (ее источника). Процесс выявления гуманитарных информационно-психологических угроз студентам вузов Российской Федерации предполагает систематическое установление тождественности выявленного неизвестного объекта известному (сходному) на основании совпадения признаков, то есть распознавание источников угроз, оценку возможности и, исходя из этого, выявление актуальных угроз.

4. Метод оценки вероятности реализации угроз. Существует возможность оценки степени вероятности

реализации анализируемых информационно-психологических угроз студентам вузов Российской Федерации с соразмерным потенциалом и оценкой причиняемого ущерба.

5. Регулирование информационных источников. Данный подход предусматривает, что студентам необходимо отказываться от тех информационных ресурсов, достоверность данных которых не подтверждена. К примеру, это может быть информационная среда Даркнет (от англ. DarkNet - «Скрытая сеть», «Тёмная сеть», «Теневая сеть», «Тёмный веб»). На уровне образовательной организации необходимо создание кафедры медиапсихологии [6, с. 39], реализующей подготовку студентов к избирательной обработке сетевой информации.

6. Доведение информации до студентов об информационно-психологических угрозах – просветительская функция. Данная методика призвана способствовать обеспечению информационной безопасности студентов, а также сведению к минимуму негативного влияния на них информации, несущей угрозы их психике. Сюда также можно отнести ознакомление обучающихся с правилами самостоятельного поиска информации, который необходимо осуществлять с использованием нескольких достоверных (официальных) источников, при этом тщательно сравнивать и анализировать информацию, не опираться в суждениях и умозаключениях на то, что предоставлено в одном сомнительном источнике. На базе психологических кафедр данную методику можно внедрить путем создания канала на YouTube или подкаста, который содержал бы в себе качественный и достоверный контент, а также информировал бы об информационно-психологических угрозах, с которыми может столкнуться студент.

7. Доведение до студентов важной информации в рамках ежедневных занятий в вузе. Такая методика может включать в себя различные формы предоставления преподавателями важной и актуальной информации, к примеру, социального характера. Подход может быть особенно актуальным в дни празднования важных исторических событий страны, проведения общественно значимых мероприятий в стране, регионе или вузе для популяризации духовных и культурных ценностей, морально-этических норм, значимых традиций.

8. Поиск эффективных механизмов, направленных на защиту студентов от информационно-психологических угроз. Данные механизмы должны учитывать и содержать в себе приемы и средства, которые поддерживали бы благоприятный морально-психологический климат в студенческих группах и потоках, а также формировали у студентов понимание того, что именно они в ближайшем будущем сформируют интеллектуальную элиту общества, от них будет зависеть вектор развития всего государства, в связи с чем им необходимо заботиться о

своим психическом здоровье и ограждать себя от потенциально опасных информационных ресурсов.

9. Развитие у студентов навыков устойчивости к информационно-психологическим угрозам. Этот комплекс действий направлен на формирование у студентов опыта безопасного информационно-коммуникационного взаимодействия для формирования индивидуального психологического механизма самозащиты. Кроме того, помимо вуза, психологически благоприятный климат должен быть сформирован в семейном кругу студентов, в окружении их друзей, знакомых и т.д.

В целях анализа состояния образовательной среды вуза на соответствие ее критериям информационно-психологической безопасности показателями для измерения могут стать комфортность и психологическая безопасность. К характеристикам, выявляемым опытным путем, могут быть причислены отношение к информационно-образовательной среде в целом (референтность), удовлетворенность ее базовыми показателями по оценкам студентов вузов и профессорско-преподавательского состава. Кроме того, при анализе образовательной среды на предмет ее информационно-психологической безопасности могут быть использованы также оценки параметров ценностно-смысловой сферы студентов, готовности к активному образовательному процессу и научным исследованиям, данные экспертным сообществом преподавателей, а также насыщенности образовательной среды вуза рисками, замеряемые у обучающейся молодежи.

Методика выявления информационно-психологических угроз студентам может включать в себя ряд мер, среди которых можно выделить:

- правовое обеспечение – специальные законы и иные нормативные акты, правила, процедуры и меры (в том числе ведомственные и вузовские), направленные на обеспечение безопасности информационной среды личности на законодательно-правовой основе, на реализацию единой государственной политики в области защиты от информационных материалов, наносящих вред здоровью и психике;
- технические и программные мероприятия, предусматривающие использование различных видов аппаратных и программных средств для предотвращения материального и морального вреда обучающемуся (средства защиты сетевых данных, собственная электронная образовательная среда вуза, программы родительского контроля);
- воспитательная деятельность – формирование у подрастающего поколения культуры психологической безопасности, ответственности за действия, совершаемые в информационном пространстве, воспитание и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей, патрио-

тизма, готовности преподавателей и родителей к принятию личностной позиции и уважению их самостоятельности;

- организационные меры – регулирование информационной деятельности обучающихся, контроль за использованием сетевых сервисов и сообществ, мониторинг сетевой активности, что исключает или уменьшает вред для персональной информационной среды молодого гражданина страны;
- морально-этические меры, включающие в себя соблюдение студентами норм и правил поведения, а также сетевой культуры и этики, которые формируются с распространением информационных технологий в современном обществе.

Понимание объективного существования угроз информационно-психологических воздействий обуславливает необходимость внимательного рассмотрения проблем обеспечения защиты индивидуального и группового сознания членов студенческого сообщества вузов Российской Федерации от подобных воздействий, имеющих негативный (деструктивный) характер. Постоянно нарастающая в информационной среде вероятность деструктивного информационно-психологического воздействия на молодую формирующуюся личность обучающегося в системе высшего профессионального образования с целью деформации его психики может в уже в ближайшей перспективе привести к непоправимым последствиям для страны и ее гражданского общества, если заинтересованные институты государственной власти во взаимодействии с научно-педагогическим сообществом не примут заблаговременных мер по предупреждению и нейтрализации такого воздействия. С целью выявления и минимизации гуманитарных информационно-психологических угроз безопасности студентам вузов Российской Федерации необходимо на государственном уровне продолжить работу по совершенствованию нормативно-правовой базы по защите личности и общества от негативных информационно-психологических воздействий, а в системе высшего профессионального образования разработать и приступить к реализации программ совершенствования работы по формированию безопасной информационно-образовательной среды с учетом специфики каждой учебной заведения.

В завершении нашего исследования представляется целесообразным сформулировать ряд выводов.

1. Ведущим национальным интересом в области информационно-психологической безопасности студентов ВУЗов должно стать обеспечение способности системы отечественного образования функционировать в режиме расширенного воспроизводства обучающей среды с соблюдением

принципа максимальной защищенности от внешнего негативного информационного воздействия. При этом, данный тезис не предусматривает существования научной и образовательной среды страны в условиях автаркии (что фактически невозможно в современном мировом информационном пространстве), но ориентирует государство, как регулятора общественных отношений в сфере высшего профессионального образования (или отдельный вуз) на максимально эффективное использование своего ресурсного потенциала.

2. Под выявлением гуманитарных информационно-психологических угроз студентам вузов Российской Федерации будем понимать обнаружение (вскрытие) любых потенциально возможных негативно-деструктивных воздействий информационных потоков, способных нанести вред психике молодежи, обучающейся в высших профессиональных учебных заведениях страны. При этом, выявление угроз должно выражаться в систематическом анализе и контроле возможности появления реальных или потенциальных угроз и своевременных мерах по их предупреждению.
3. Методологические основы выявления гуманитарных информационно-психологических угроз должны способствовать планомерной и эффективной работе администрации и профессорско-преподавательского состава вуза по сведению к минимуму любых информационно-психологических угроз обучающимся студентам, созданию комфортной и психологически безопасной информационно-образовательной среды вуза.
4. В основе исследования проблемы выявления информационно-психологических угроз студентам вузов, носящей междисциплинарный характер, должны быть положены те учения, теории, концептуальные подходы, на основе которых развиваются теории психологической безопасности личности, психологической безопасности образовательной среды, информационной безопасности в целом.
5. К основным методам выявления гуманитарных информационно-психологических угроз студентам вузов Российской Федерации можно отнести метод контент-анализа информационных источников, систематический метод, метод идентификации возможных источников угроз, метод оценки вероятности реализации угроз.
6. Общим принципом выявления информационно-психологических угроз студентам вузов Российской Федерации должна быть оценка возможности анализируемых информационных ресурсов и содержащейся в ней информации стать источником потенциальной опасности их психическому здоровью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Логинова Т.Д. Механизм обеспечения права личности на информационную безопасность // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 36 (86). С. 55-61.
2. Баева И.А., Акиндинова И.А., Ихер К.М. Осознание психологических угроз в интернет-среде студентами вуза и колледжа // Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвящается 75-летию Гуманитарно-педагогической академии / Под редакцией Коврова В.В. 2019. С. 252-259.
3. Жихарева Л.В. Мотивационная структура медийных предпочтений современной молодежи // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2019. Т. 5. № 4. С. 78-86.
4. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся» // Сайт «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74351950/>.
5. Дмитриева Л.Г., Хамзина Д.В. Особенности проявления эмпатии у студентов - пользователей социальных сетей // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2020. № 1 (834). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-proyavleniyaempatii-u-studentov-polzovateley-sotsialnyh-setey>.
6. Евсюк А.В. Методологические основы противодействия гуманитарным информационно-психологическим угрозам студентам вузов Российской Федерации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. № 8. С. 38-43.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Выявление // Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: ООО «А Темп», 2006. 944 с.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Угроза // Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: ООО «А Темп», 2006. 944 с.
9. Власова В.Н. Информационно-психологическая безопасность личности в информационном обществе // Актуальные проблемы научно-методического обеспечения процесса безопасности жизнедеятельности школьников и студентов в сфере образования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ростов н/Д., 2019. С. 18-21.

© Евсюк Александр Владимирович (avev2020@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ СТРЕССА, ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗАЩИТ И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У МОЛОДЕЖИ, ВЫЗВАННЫХ УГРОЗОЙ ЗАБОЛЕВАНИЯ COVID-19

FEATURES OF STRESS, PSYCHOLOGICAL DEFENSE MECHANISMS AND COPING STRATEGIES IN YOUTH CAUSED BY THE THREAT OF COVID-19 DISEASE

A. Kostrigin
L. Kozlova

Summary: The authors address the problem of stress caused by the threat of COVID-19 disease. It is noted that the various consequences of the coronavirus pandemic are reflected on the mental state of people, causing negative emotions and stress. The article presents the results of a study of the peculiarities of experiencing stress, psychological defense mechanisms and coping strategies in Russian youth caused by the threat of COVID-19 disease. The methods are "Diagnostics of typologies of psychological defense mechanisms" (Life Style Index; R. Plutchik in adaptation of L.I. Wasserman, O. Eryshev, EB Klubova), "Coping behavior in stressful situations" (S. Norman, D.F. Endler, D.A. James, M.I. Parker; adapted version by T.A. Kryukova), "COVID Stress Scales" (S. Taylor, K. Landry, J. Asmundson and others; in the author's translation). It has been estimated that half of young people experience stress from COVID-19. It was found that the most significant factors causing stress are the very danger of infection, social-economic consequences and the fear of foreigners as a source of the disease (xenophobia). The most pronounced psychological defense mechanisms (projection and regression) and coping strategies (focused on emotions) in young people were revealed, aimed at reducing negative emotions and stress.

Keywords: stress, coronavirus, coping strategies, psychological protection, youth.

Костригин Артем Андреевич

К.псих.н., старший преподаватель, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва
artdzen@gmail.com

Козлова Лидия Владимировна

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва
lidiakozlova@bk.ru

Аннотация: В статье авторы обращаются к проблеме стресса, вызванного угрозой заболевания COVID-19. Отмечается, что различные последствия пандемии коронавируса отражаются на психическом состоянии людей, вызывая негативные эмоции и стресс. Представляются результаты исследования особенностей переживания стресса, психологических защит и копинг-стратегий у российской молодежи, вызванных угрозой заболевания COVID-19. Используются методики «Диагностика типологий психологической защиты» (Р. Плутчик в адаптации Л.И. Вассермана, О.Ф. Ерышева, Е.Б. Клубовой и др.), «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (С. Норман, Д.Ф. Эндлер, Д.А. Джеймс, М.И. Паркер; адаптированный вариант Т.А. Крюковой), «Шкала стресса от COVID-19» (С. Тэйлор, К. Лэндри, Дж. Асмудсон и др.; в авторском переводе). Установлено, что половина молодых людей испытывает стресс от COVID-19. Обнаружено, что наиболее значимыми факторами, вызывающими стресс, являются сама опасность заражения, социально-экономические последствия и боязнь иностранцев как источника заболевания (ксенофобия). Выявлены наиболее выраженные психологические защиты (проекция и регрессия) и копинг-стратегии (ориентированные на эмоции) у молодежи, направленные на снижение негативных эмоций и стресса.

Ключевые слова: стресс, коронавирус, копинг-стратегии, психологическая защита, молодежь.

Введение

Сложившаяся ситуация пандемии на сегодняшний день все еще является нестабильной. Во множестве стран вводятся различные ограничительные меры, направленные на обеспечение безопасности населения. Карантин, самоизоляция, штрафные санкции и многие другие предпринятые меры оказывают влияние не только на стабилизацию эпидемиологической ситуации и социально-экономическую сферу, но также и на эмоциональное состояние людей. В данной статье мы обратимся к проблеме особенностей переживания и совладания со стрессом, вызванным угрозой заболевания COVID-19.

Данная проблема является актуальной, т.к. изменились условия жизни, трудовой деятельности и межличностного взаимодействия людей из-за эпидемиологической ситуации, что влечет за собой эмоциональные реакции и стресс. Рассмотрим зарубежные и российские работы, посвященные эмоциональным и стрессовым реакциям, вызванным пандемией коронавируса.

В связи с быстротой распространения вируса и развития эпидемии большинство авторов основывается на литературных источниках Китая или теоретических моделях, разработанных в прошлые пандемии [7]. Например, иранские исследователи А. Зандифар и Р. Бадрфам, подчеркивают роль непредсказуемости, неопределенности и неизвестности о серьезности заболевания,

дезинформации в СМИ, социальной изоляции в утяжелении имеющегося стресса и увеличении количества психических расстройств в обществе [19]. Авторы убеждены в необходимости участия психиатрических служб в период социальной изоляции. Наряду с этим ученые из Японии отмечают воздействие COVID-19 на экономическое благосостояние населения, нарастание уровня страха и панического поведения [17]. К.Л. Парк с коллегами обнаружили стресс у американской выборки, связанный со страхом заболевания коронавирусом и финансовыми проблемами [16].

Российские авторы обнаружили сходные результаты и расширяют проблематику исследований. Т.А. Соколовская и Е.В. Бахадова изучали личностную и ситуативную тревожности, уровень самоактуализации российского населения в период самоизоляции при коронавирусе [8]. Были выявлены поведенческие и когнитивные реакции населения на ситуацию самоизоляции в виде стратегий наблюдения, невключенности или отключения себя от проблематики (характерно для людей в возрасте 18-25 лет) и аналитического подхода к ситуации и высокой поисковой активности с концентрацией на «бытийные ответы» и «заботе о других» (характерно для людей 45-65 лет).

М.Ю. Сорокин, Е.Д. Касьянов, Г.В. Рукавишников и др. изучали психологические реакции населения, связанные с распространением пандемии COVID-19, и предположили, что они специфически ассоциированы с поведением в процессе противоэпидемических мероприятий, что адаптивное поведение населения в период пандемии связано с социально-психологическими факторами [11]. По результатам проведенного исследования были выявлены взаимосвязи между уровнем психологического стресса и соблюдением режима самоизоляции, использованием социального дистанцирования, применением антисептиков, а также просмотром новостей о COVID-19 более одного раза в день. Также отмечались волнения по поводу отсутствия специфического лечения COVID-19, опасности для собственной жизни, заразности вируса и дефицита средств защиты, которые соотносятся авторами с формированием защитного поведения, связанного с гигиеной рук (положительная корреляция) и ношением маски (отрицательная корреляция). Самым распространенным типом переживаний по результатам опроса является страх за близких. Таким образом, самоизоляция, социальное дистанцирование и обилие разнородной информации в СМИ о COVID-19 признаны авторами реальными стрессовыми факторами для русскоязычного населения.

Наряду с опросами населения, нам представляют интерес результаты двух экспертных опросов российских психологов-исследователей и психологов-практиков, посвященных социально-психологическим аспектам пандемии COVID-19. Авторы подчеркивают, что

«экспертным» этот опрос можно считать только условно, т.к. по данной проблеме нет экспертов ввиду новизны угрозы. Анализируя ответы на закрытые и открытые вопросы в первой и второй волнах анкетирования, они приходят к выводу, что психологи-исследователи и психологи-практики сходятся в оценке последствий пандемии, а также в представлениях о мерах, которые необходимы для их преодоления. В целом экспертная позиция российских психологов вполне соответствует результатам отечественных и зарубежных эмпирических и др. Они считают, что вклад в развитие этого направления сможет внести междисциплинарное математическое моделирование социальных и психологических последствий пандемий, а также анализ цифровых следов [13].

Во втором опросе, проведенном этими же авторами, опрошенные психологи считают, что маловероятно развитие сценариев с полной победой человечества над вирусом и победой вируса над человечеством. Более реальным эксперты считают промежуточный сценарий: человечество свыкается со смертностью от коронавируса и практически перестанет ее замечать. Психологи прогнозируют привыкание, а также отмечают многие положительные черты режима самоизоляции. Участники опроса указывают на необоснованность объяснений, которые дает власть своим действиям, и систематическое расхождение их с мнением экспертного сообщества, но в целом, несмотря на это, участники опроса поддерживают действия властей по сдерживанию эпидемии. Перспектива видения ситуации экспертами несколько шире, чем у представителей власти, принимающей решения относительно пандемии. Таким образом, обращение к жанру экспертных опросов оправдано и позволяет получить информацию об эпидемии, не получаемую посредством традиционных опросов [14].

Проведенный теоретический анализ показывает, что эмоциональные и стрессовые реакции людей, вызванные пандемией COVID-19, являются актуальным направлением исследований. Однако стоит методологическая проблема определения стресса, специфического для COVID-19. В зарубежной литературе, кроме собственно исследований и экспертной аналитики по проблемам влияния пандемии COVID-19 на психическое состояние людей, активно разрабатываются методы диагностики стресса, вызванного угрозой заражения COVID-19 [15; 16]. Российские исследователи используют методики, диагностирующие либо общее состояние стресса, либо связанные со стрессом состояния (эмоции, тревога и др.) [4; 8; 9; 12].

Данное исследование ставит цель изучения стресса, вызванного угрозой заражения COVID-19, с помощью опросника, разработанного С. Тэйлором и его коллегами [18]. Новизной нашей работы является перевод и применение данной методики на российской выборке, а также изучение именно российской молодежи.

Материалы и методы

Данное исследование было проведено в ноябре 2020 г. – в период «второй волны» COVID-19 в России [3, 4, 10]. Актуальность изучения особенностей стрессовых реакций и копинг-стратегий, проявляемых на фоне стресса от пандемии, была обоснована необходимостью оказания в будущем правильной и необходимой психологической помощи людям, подверженным сильному стрессу от пандемии [1; 6; 9; 11].

Цель исследования – изучение особенностей стрессовых реакций, психологических защит и копинг-стратегий у молодежи, вызванных угрозой заражения COVID-19.

Выборка – 102 человека в возрасте от 17 до 26 лет, среди которых 63,7% испытуемых женского пола, 36,3% испытуемых мужского пола. Средний возраст выборки – 19,3 лет. В качестве методов исследования были выбраны методики «Диагностика типологий психологической защиты» (Р. Плутчик в адаптации Л.И. Вассермана, О.Ф. Ерышева, Е.Б. Клубовой и др.), «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (С. Норман, Д.Ф. Эндлер, Д.А. Джеймс, М.И. Паркер; адаптированный вариант Т.А. Крюковой), «Шкала стресса от COVID-19» (COVID Stress Scales) (С. Тэйлор, К. Лэндри, Дж. Асмудсон и др.; в авторском переводе) [18]. Обработка данных проводилась с помощью статистического критерия U Манна-Уитни.

Методика «Шкала стресса от COVID-19» была переведена и адаптирована для русскоязычного населения [2]. Данная методика включает в себя такие шкалы, как «Опасность», «Социально-экономические последствия», «Ксенофобия», «Заражение», «Травматический стресс» и «Контроль».

Результаты исследования

Было установлено, что половина российской молодежи (51 человек; 50%) переживает стресс от угрозы заболевания COVID-19. Далее выборка была разделена на две подгруппы с высоким (51 человек) и низким (51 человек) уровнем стресса от COVID-19. Разделение на подгруппы было основано на шкале «Опасность» по методике «Шкала стресса от COVID-19», т.к. данная шкала определяет общее отношение и общее стрессовое состояние в условиях пандемии.

При сравнении двух групп молодежи с высоким и низким уровнем стресса были выявлены значимые различия (см. таблицу). Молодые люди с высоким уровнем стресса, вызванного угрозой заражения COVID-19, обладают более высокими показателями уровня стресса по шкалам «Социально-экономические последствия», «Ксенофобия», «Заражение», чем группа молодежи с низким уровнем стресса. Это означает, что молодежь, переживающая стресс в связи с угрозой COVID-19, намного

больше беспокоится о последствиях заражения вирусом и социально-экономических последствиях, на фоне чего развивается и ксенофобия, выражающаяся в виде боязни иностранцев как потенциального источника заражения. Группа с низким уровнем стресса подвержена данным факторам в значительно меньшей степени.

Таблица

Особенности переживания стресса, психологических защит и копинг-стратегий у молодежи

Показатели	Молодежь с высоким уровнем стресса, вызванного опасностью COVID-19	Молодежь с низким уровнем стресса, вызванного опасностью COVID-19	Уровень значимости различий, P
Опасность	15,6	7,4	0,000000
Социально-экономические последствия	3,9	2,08	0,000604
Ксенофобия	2,7	1,4	0,048343
Заражение	6,5	2,9	0,000003
Регрессия	6,3	4,8	0,028149
Проекция	8,51	6,5	0,000174
Эмоции	45,1	39,9	0,023897

Также были обнаружены значимые различия по типам психологических защит и копинг-стратегий, используемых молодежью для совладания со стрессом, вызванного угрозой заражения COVID-19. Группа молодых людей с ярко выраженным стрессом наиболее часто использует для совладания такие психологические защиты, как «проекция» и «регрессия». Молодежь, подверженная стрессу, склонна проецировать свои переживания, вызванные опасностью коронавируса, на других, не желая демонстрировать и проявлять их. Также группа, подверженная стрессу, чаще использует механизм психологической защиты «регрессия», поэтому отличается значительной импульсивностью и слабостью эмоционально-волевого контроля. Такая молодежь более склонна к изменению эмоциональной сферы в сторону большей упрощенности, заменяет решение субъективно более сложных задач относительно более простыми и доступными в сложившейся ситуации стресса. Вторая группа, не подверженная стрессу в связи с угрозой COVID-19, предпочитает использовать другие типы психологической защиты.

Кроме этого, обнаружено различие в использовании копинг-стратегии «эмоции» у групп молодежи с разной выраженностью стресса, вызванного угрозой заражения COVID-19. Молодые люди с высоким уровнем стресса реагируют эмоционально в большей степени, испытывают эмоции различного спектра и нуждаются в психологической разрядке.

Выводы

Проведенное исследование выявило особенности переживания стресса у молодежи, вызванного угрозой заражения COVID-19.

1. Установлено, что половина молодых людей испытывает стресс от COVID-19, что показывает значимость самой пандемии и ее социально-экономических и психологических последствий для российской молодежи.
2. Обнаружено, что наиболее значимыми факторами, вызывающими стресс, являются сама опасность заражения, социально-экономические последствия и боязнь иностранцев как источника заболевания (ксенофобия). Данные факторы от-

носятся к внешней сфере жизнедеятельности молодежи. Молодые люди не переживают стресс, связанный с психологическим состоянием и повседневной деятельностью, а значит в этих сферах самоконтроль у них не снижен.

3. Выявлены наиболее выраженные психологические защиты (проекция и регрессия) и копинг-стратегии (ориентированные на эмоции) у молодежи, направленные на снижение негативных эмоций и стресса, вызванных COVID-19. Российская молодежь справляется со стрессом с помощью изменения эмоциональных реакций; их эмоциональное поведение становится более выраженным, упрощается и направляется на окружающие объекты и людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калинина Н.В., Дмитриева Ю.Н., Володина Т.В. Жизнестойкость как ресурс преодоления трудных жизненных ситуаций. – Ульяновск: УИПКПРО, 2012. – 183 с.
2. Козлова Л.В., Костригин А.А. Стресс, вызванный угрозой заражения коронавирусом, и преобладающие копинг-стратегии у молодежи // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. – 2020. – № 4. – С. 33-48.
3. Костенко Я., Сидоренко Е. Ушел в глубинку: вторая волна коронавируса накрывает регионы [Электронный ресурс] // Известия. – 2020. – 25 ноября. – URL: <https://iz.ru/1092061/iaroslava-kostenko-elena-sidorenko/ushel-v-glubinku-vtoraia-volna-koronavirusa-nakryvaet-regiony>
4. Крюкова Т.Л., Екимчик О.А., Опекина Т.П., Шипова Н.С. Стресс и совладание в семье в период самоизоляции во время пандемии COVID-19 // Социальная психология и общество. – 2020. – Т. 11. – № 4. – С. 120-134.
5. На Москву и Петербург приходится 40% новых заболевших COVID-19 [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2020. – 1 декабря. – URL: <https://ria.ru/20201201/koronavirus-1587158567.html>
6. Нестик Т.А. Влияние пандемии COVID-19 на общество: социально-психологический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2020. – Т. 5. – № 2 (18). – С. 47-83.
7. Островский Д.И., Иванова Т.И. Влияние новой коронавирусной инфекции COVID-19 на психическое здоровье человека (Обзор литературы) // Омский психиатрический журнал. – 2020. – № 2-51 (24). – С. 4-10.
8. Соколовская Т.А., Бахадова Е.В. Тревожность и самоактуализация личности как эмоциональный когнитивный и поведенческий ответ на самоизоляцию в период COVID-19: новые вызовы для общественного здоровья // Научное обозрение. Медицинские науки. – 2020. – № 3. – С. 64-70.
9. Соловьева Н.В., Макарова Е.В., Кичук И.В. «Коронавирусный синдром»: профилактика психотравмы, вызванной COVID-19 // ПМЖ. – 2020. – Т. 28. – № 9. – С. 18-22.
10. Соловьева О. Вторая волна коронавируса опрокидывает надежды на быстрое оживление [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 2020. – 15 ноября. – URL: https://www.ng.ru/economics/2020-11-15/4_8014_wave.html
11. Сорокин М.Ю., Касьянов Е.Д., Рукавишников Г.В., Макаревич О.В., Незнанов Н.Г., Лутова Н.Б., Мазо Г.Э. Психологические реакции населения как фактор адаптации к пандемии COVID-19 // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. – 2020. – № 2. – С. 87-94.
12. Тепанян С.А. Влияние пандемии COVID-19 на психологическое состояние населения // Научно-практические исследования. – 2020. – № 12-2 (35). – С. 63-70.
13. Ушаков Д.В., Юревич А.В., Нестик Т.А., Юревич М.А. Социально-психологические аспекты пандемии COVID-19: результаты экспертного опроса российских психологов // Психологический журнал. – 2020. – Т. 41. – № 5. – С. 5-17.
14. Юревич А.В., Ушаков Д.В., Юревич М.А. COVID-19: результаты второго экспертного опроса // Психологический журнал. – 2020. – Т. 41. – № 6. – С. 78-85.
15. Islam S.M.D.-U. et al. Exploring COVID-19 stress and its factors in Bangladesh: a perception-based study // Heliyon. – 2020. – Vol. 6. – № 7. – P. e04399.
16. Park C.L. et al. Americans' COVID-19 stress, coping, and adherence to CDC guidelines // Journal of general internal medicine. – 2020. – Vol. 35. – № 8. – P. 2296-2303.
17. Shigemura J. et al. Public responses to the novel 2019 coronavirus (2019-nCoV) in Japan: Mental health consequences and target populations // Psychiatry and clinical neurosciences. – 2020. – Vol. 74. – № 4. – P. 281-282.
18. Taylor S. et al. Development and initial validation of the COVID Stress Scales // Journal of anxiety disorders. – 2020. – Vol. 72. – URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0887618520300463>
19. Zandifar A., Badrfam R. Iranian mental health during the COVID-19 epidemic // Asian journal of psychiatry. – 2020. – Vol. 51. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1876201820300988>

© Костригин Артем Андреевич (artdzen@gmail.com), Козлова Лидия Владимировна (lidiakozlova@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Мельников Владимир Михайлович

*К.псх.н., доцент, Бурятский государственный
университет, г. Улан-Удэ
melnikov-baikal@yandex.ru*

PROFESSIONAL DEFORMITY AND ITS FEATURES IN LEGAL ACTIVITY

V. Melnikov

Summary: The article deals with the essence and specific features of professional deformation in legal activity. The main types, dominant factors, as well as the connection of professional deformation with identical phenomena, such as professional destruction, the syndrome of «emotional burnout», are distinguished. Emphasizes the danger of the risk of exposure to the criminal environment for young lawyers. The author points out the need for early diagnosis of professional deformity of legal personnel. The author points out the need for early diagnosis of professional deformity of legal personnel, and suggests creating a model for psychological monitoring of deformity, professional destructions, emotional burnout, and other negative phenomena.

Keywords: legal activity, personality professional deformation, professional destruction, burnout syndrome, diagnosis and psychological monitoring of deformation, professional destruction.

Аннотация: В статье рассматривается сущность и специфические особенности профессиональной деформации в юридической деятельности. Выделяются основные виды, доминирующие факторы, а также связь профессиональной деформации с идентичными явлениями, как профессиональная деструкция, синдром «эмоционального выгорания». Подчеркивает опасность риска воздействия криминогенной среды на молодых юристов. Указывается на необходимость ранней диагностики профессиональной деформации юридических кадров, предлагается создать модель психологического мониторинга деформации, профессиональных деструкций, эмоционального выгорания и иных негативных явлений.

Ключевые слова: юридическая деятельность, личность профессиональная деформация, профессиональная деструкция, синдром эмоционального выгорания, диагностика и психологический мониторинг деформации, профессиональных деструкций.

Исследователей давно привлекают внимание общие и специальные проблемы влияния профессии на человека, прошедшего специальное обучение и подготовку.

Среди многих профессий люди часто выбирают и стремятся получить специальность юриста. Труд юриста направлен на устранение проблем в обществе, правотворчество и реализацию норм права, поэтому юридическую деятельность характеризует чрезвычайно высокий уровень социальной ответственности. В действующей редакции от 14.03.2020 Конституции Российской Федерации отмечается юридическая профессия.

Профессиональная позиция и деятельность юриста продолжают быть образцом. В условиях построения демократического правового государства, социальный характер деятельности предъявляет юристам высокие профессиональные, морально-этические и нравственные требования. Профессиональное поведение юристов подкрепляется морально-этическими нормами.

Однако, эта профессия обладает собственным набором трудностей и оказывает сильное влияние на поведение и действия ее представителей. В процессе социально-психологических взаимодействий юриста сопровождает риск ответственности, напряжение, опас-

ность для жизни и здоровья.

Именно поэтому в науке среди многих тем проблема профессионального труда, занимает особое место и положение то нашло отражение в исследованиях А.К. Маркова, С.Г. Геллерштейн и Э.Ф. Зеер, Г. Селье, П. Мучински.

Изучение указанной проблемы не сводится к узкопознавательной теме, как правило, во главу угла берутся разные темы, идеи личного и социального с позитивной установкой на формирование личности юриста. На этом фоне в профессии юриста особый интерес представляет социальный феномен профессиональной деформации. На этом фоне среди современных отечественных ученых выделяются труды А.Р. Ратинова (1967); Л.С. Свещицкого (1986); Г.Г. Шиханцова (1998); Н.Л. Гранат (1993); А.В. Буданова (1992,1994); С.П. Безсонова (1987,1997, 2004); С.Е. Борисова (1998, 2001); В.С. Медведева (1999); Р.А. Кузнецова (2005); В.В. Шпунтова (2008); В.С. Бреднева (2019) и др.

Ученые до настоящего времени спорят и предлагают различные трактовки профессиональной деформации. По мнению Е.И. Рогова профессиональная деформация появляется под влиянием выполняемой деятельности и жестких ролевых стереотипов, которые переносятся из трудовой сферы в иные условия, когда человек не способен перестраивать свое поведение адекватно меняю-

щимся условиям [1].

В нашем понимании профессиональная деформация это особое внутреннее состояние отступления личности от главных личностных качеств, которая обнаруживает зону внутреннего конфликта на уровне стереотипов и разбалансированности восприятия, категорий ценности, характера, способов коммуникации и поведения. В одних случаях она приводит к развитию профессионально нежелательных качеств, в иных, к серьезным ошибкам и профессиональной дезадаптации.

В научной и профессиональной среде можно встретить понятие профессиональной деформации правосознания и профессиональной деструкции. С позиции С.П. Безносова профессиональная деформация как явление характеризуется негативно, как нечто противоестественное и вызванное объективными факторами воздействием длительного выполнения собственной профессиональной деятельности [2].

Профессиональная деструкция также имеет свои особенности, это нарушение усвоенных способов деятельности, низкая мобильность и дезинтеграция развития, постепенное разрушение профессиональных качеств, появление «жестких» стереотипов профессионального поведения, вплоть до распада профессионального сознания. Специалисты утверждают, что чаще всего это связано с возрастными и социальными нормами жизни человека.

В зарубежных научных источниках вместо понятия «профессиональная деформация» используется термин «эмоциональное выгорание», который содержит значительную по объему и уровню описания информацию о шести фазовом процессе выгорания, кризисе, редукции профессиональных достижений, стереотипах профессионального поведения др. Данное понятие включено в Международную классификацию болезней МКБ-10.

К настоящему времени в научной литературе накоплено достаточно интересных, взаимодополняющих наблюдений, фактов, сделано много теоретических выводов о феномене деформации.

Профессиональная деформация, появляется под влиянием выполняемой деятельности жестких ролевых стереотипов, которые переносятся из трудовой сферы в иные условия, когда человек не способен перестраивать свое поведение адекватно меняющимся условиям. Дополняет картину стагнация профессиональных возможностей, длительность воздействия отрицательных стрессоров, внутриличностный конфликт и др.

По мнению Е.Л. Карташовой профессиональная деформация приводит к изменениям профессиональных характеристик и возможностей личности в асоциальную

сторону [3]. В результате страдает профессионально-нравственная сфера личности, нивелируются представления о гражданском и нравственном смысле профессиональной деятельности, что приводит к подмене норм в поведении и нарушению законности.

Оценивая влияние стресса в условиях труда, М. Борневассер делает вывод, что воздействие профессии может обнаруживаться на позитивном и негативном уровне модальности [4]. М.А. Воробьева рассматривая проблему динамики профессиональной деформации отмечает, что система личностных качеств формируются в результате длительного принятия определенной профессиональной роли [5]. Интересен вывод Н.В. Самоукиной о том, данное явление объединяет группу психофизических, социально-психологических и поведенческих симптомов [6].

О.Б. Полякова считает, что с психологической точки зрения наиболее сложная картина симптомов деформирует моральное сознание личности и руководителя [7].

Классификации основных видов профессиональной деформации пока нет, однако в некоторых работах можно встретить описание четырех групп разновидности этого явления:

- правовой инфантилизм, негативно-правовой радикализм, спекулятивно-правовой популизм, нравственно-правовой конформизм;
- общепрофессиональная, специальная, профессиональная, профессионально-типологическая, индивидуализированная;
- собственно-профессиональная, служебная (должностная), депривационная;
- случайная, эпизодическая, временная или устойчивая, поверхностная или всеобщая

В своем большинстве люди не испытывают сильного давления внешних и внутренних факторов профессиональной деятельности и оно не приводит к когнитивным искажениям и психологической дезориентации. Как и в других профессиях, в юридическом труде сложно вычислить нарастание или убывание профессиональной деформации и эмоционального выгорания. Это явление всецело зависит от специфики работы, суммы поведенческих контактов, психофизиологических особенностей личности, ее психологической устойчивости и многих других факторов.

Вместе с тем, профессиональной деформации могут быть подвержены молодые люди, делающие первые шаги в карьере юристы. Неблагоприятное протекание профессионального развития должно диагностироваться на этапе ранней профессионализации, особенно в условиях практико-ориентированного учебного моделирования профессионально-психологических трудностей на занятиях.

В условиях слабой организации индивидуально-воспитательной работы и психолого-педагогического сопровождения, под воздействием косвенного, либо скрытого влияния деморализованной криминогенной среды риск зачаточного возникновения и развития профессиональных деструкций и профессиональной деформации возрастает. Если меры профилактического воздействия не принимаются, то в последующем деформация способна продолжить свою «работу» над сознанием личности. Как правило, на этом этапе деформация вызывает сильные противоречия, подменяется неосознанной потребностью снимать внутреннее напряжение, выплескивать накопленную агрессию на объекты воздействия.

Депривационная деформация также представляет опасность и связана с асоциальной перцепцией. На этом этапе нивелируются основные ценности и значение юридического труда, формируются корыстные потребности от использования своего положения и тех возможностей, которые ему даёт работа. Чаще всего, это обман, злоупотребление доверием. Не исключаются случаи предательства интересов службы.

В целом, с психологической точки зрения на фоне когнитивной блокировки и вытеснения (отрицания деформации) психические функции снижаются до глубокого уровня, затрагивая разные структуры личности.

В научной литературе представлена общая картина факторов, влияющих на развитие профессиональной деформации. Существенно то, что многие авторы довольно подробно описывают причинный комплекс деформации. Проведенный нами анализ позволил собрать в различном сочетании и суммировать наиболее весомые причины деформации. Существенно то, что в группу причин вошла мотивационная сфера (мотивация избегания неуспеха), наличие фрустрированности на внутрен-

них проблемах; явно не высокий уровень самооценки; коммуникативная незрелость; неумение оценивать эмоциональные реакции собеседника и др.

Мы предполагаем, что полученные нами результаты оказались характерными для сравнительно небольшой группы обучающихся (будущих юристов) у которых, в силу возраста проблемно выглядит конгруэнтность, не сформирован поведенческий и мыслительный паттерн, эмоционально-личностные характеристики, стрессоустойчивость и др.

Обобщая сказанное можно сделать несколько выводов. Современные исследователи едины во взглядах на сложную реальность юридической деятельности, воздействие явно избыточных негативных факторов, «стереотипностью» [8] выполняемых задач, которые определяют индивидуальный тип поведения, сумму переживаний, дезадаптируют личность и запускают негативные процессы деформации.

Интеграция науки создает условия для всестороннего анализа стилевых поведенческих признаков, «индикаторов» формирующих полярные человеческие проявления. Однако, существует необходимость дальнейшего изучения феномена «эмоционально выгорания» юристов разных специальностей, для чего потребуются создание новых диагностических и психокоррекционных методик.

Качественная оценка современных научных достижений послужит хорошей предпосылкой для проведения новых исследований по разработке модели психологического мониторинга деформации, профессиональных деструкций, эмоционального выгорания и иных негативных явлений в будущих вызовах профессиональной деятельности юристов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рогов Е.И. Личностно-профессиональное развитие в профессиональной деятельности: автореф. дисс. ... докт. пед. наук. Ростов-на-Дону, 1999. С. 12.
2. Безносков С.П. Профессиональная деформация личности: подходы, концепции, метод: дис.... докт. псих. наук. СПбТУ, 2017. С. 68.
3. Карташова, Л. Е. Особенности профессионального правосознания юриста и пути его повышения / Л. Е. Карташова // Философские и социально-экономические аспекты формирования правового сознания граждан: материалы научно-практической конференции; отв. ред. И. И. Грунтовский. – 2016. – С. 179–186.
4. Борневассер М. Стресс в условиях труда // Психические состояния. Хрестоматия. СПб.: Питер, 2014. С. 197.
5. Воробьева М.А. Профессиональная деформация специалистов и её профилактика // Педагогическое образование в России. 2015. № 2. С. 24.
6. Самоукина Н.В. Синдром профессионального выгорания // Медицинская газета. 2015. № 43. С. 21.
7. Полякова О.Б. Особенности психосоматической симптоматики студентов-психологов с предпосылками профессиональных деформаций // Электронный научно-образовательный вестник «Здоровье и образование в XXI веке». 2016. № 11. С. 128.
8. Грановская Р. М. Элементы практической психологии / Р. М. Грановская. – Л.: ЛГУ, 1984.

© Мельников Владимир Михайлович (melnikov-baikal@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕСТРУКТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЛИЧНОСТЬ

Мельников Владимир Михайлович

К.псих.н., доцент, Бурятский
государственный университет
melnikov-baikal@yandex.ru

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE DESTRUCTIVE IMPACT ON THE INDIVIDUAL

V. Melnikov

Summary: The article is devoted to the socio-psychological aspects of the impact of antisocial groups and destructive associations on young people. It is noted that the majority of destructive formations, terrorist, extremist and radical groups are created to destabilize the socio-political situation in the state, pursue destructive goals, seek to use psychotechnologies of intimidation, violence and manipulation of the individual. The assessment of modern phenomena of destructiveness, procedural components, methods, and psychotechnics of manipulating the consciousness of an individual in a group is given. The author emphasizes the originality of the use of destructive applied practices of «communion», «recruitment» of neophytes, ways of reforming consciousness, drawn from pseudo-religious cults, criminal activities and subcultures, etc. In the summary, a system of preventive measures to counteract the penetration of destructive phenomena into the youth environment is proposed.

Keywords: consciousness, personality, destruction, deviation, addiction, religious cult, criminal subculture, mental violence, manipulation, psychotechnology of influence, consciousness reform, communion syndrome, «recruitment» techniques, prevention, frustration tolerance.

Аннотация: Статья посвящена социально-психологическим аспектам воздействия асоциальных групп и объединений деструктивной направленности на молодежь. Отмечается, что большинство деструктивных образований, террористических, экстремистских и радикально настроенных групп создаются для дестабилизации общественно-политической ситуации в государстве, преследуют разрушительные цели, стремятся использовать психотехнологии устрашения, насилия и манипулирования личностью. Дается оценка современным явлениям деструктивности, процедурным компонентам, методам, психотехникам манипулирования сознанием личности в группе. Подчеркивается неординарность применения деструктивных прикладных практик «приобщения», «вербовки» неофитов, способов реформирования сознания, почерпнутых из псевдорелигиозных культов, криминальной деятельности и субкультуры и др. В обобщении предлагается система профилактических мер по противодействию проникновения деструктивных явлений в молодежную среду.

Ключевые слова: сознание, личность, деструкция, девиация, аддикция, религиозный культ, криминальная субкультура, психическое насилие, манипуляция, психотехнология воздействия, реформирование сознания, синдром приобщения, приемы «вербовки», профилактика, фрустрационная толерантность.

Для современной России многие виды угроз происходят на фоне обострения и распространения политического, этнического, религиозного экстремизма, идеологии терроризма и радикализма.

Наука давно изучает феномены социально-психологической общности с практической ориентацией на асоциальные группы и объединения деструктивной направленности. Различные стороны природы личности, ее формирования отклоняющегося поведения составляют предмет дискуссии многих отечественных ученых, таких как Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, С.Л. Рубинштейн, К.К. Платонов, А.Р. Ратинов, А.В. Дулов, В.Ф. Пирожков, А.Э. Жалинский, В.В. Лунеев, В.С. Овчинский и др.

По оценкам исследователей в мире насчитывается десятки тысяч разного толка идейных, тоталитарных сект, деструктивных культов и харизматических групп. Сегодня важно выявить основные идеи, сопоставить и определить значение тех явлений и процессов, которые происходят в асоциальных группах и объединениях деструктивной направленности, в т.ч. террористических и

экстремистских группах, тоталитарных религиозных сектах, деструктивных интернет-сообществах, группах наркоманов, уличных хулиганов, спортивных и иного плана фанатов и др.

В деятельность по дестабилизации внутривнутриполитической и социальной ситуации активно вовлекается молодежь, именно она является наиболее уязвимым объектом воздействия средств идеологического информационно-психологического и культурного противоборства.[12]

Не каждый вид асоциальной деструктивной группы обладает высоким уровнем организованности, сплоченностью, взаимной эмоциональной привлекательностью. Однако некоторые из них созданы по типу высокоорганизованных (полувоенных) организаций, ориентированных на ситуацию конфликта и достижение цели в направлении политической, террористической экстремистской, религиозно-националистической, криминальной деятельности.

В современной психологической науке понятийный аппарат, характеризующий деструктивное поведение сформирован не в полной мере. Чаще можно встретить понятие «агрессия, «деструкция», «деструктивность». Скорее всего, это связано процессом развития, последовательной сменой оснований дифференциации и интеграции, которая определяет смену стадии развития и поведения членов той или иной общности.

В научном плане на аномальность деструкции указывал З. Фрейд, характеризуя ее как врожденное базисное влечение к разрушению в поведении, в т.ч. результат отрицательного отношения индивида к самому себе. К. Лоренс рассматривал деструктивность через агрессивность человека. Э. Фромм усматривал связь между разрушающим поведением и нереализованным потенциалом человека. В современных исследованиях ученые указывают на разные формы интраперсональных, интерперсональных и метаперсональных вариантов поведения, не сводимых к агрессии или насилию, но приводящих к разрушению в группах. [10]

Деструктивные религиозные, политические и террористические группы, во-многом, схожи с харизматической группой. Тем не менее, они активно заявляют о своей приверженности идеям, посредством возбуждения ненависти, вражды, применяя инструменты психического давления, насилия и манипуляции. Ярким примером тому программы и «ячейки» современной информационно-телекоммуникационные сети, включая «Интернет», как средство коммуникации экстремистских и террористических организаций. Большой разницы в идеологии и ритуальном поведении между деструктивными объединениями и организациями нет. Они сходны предметом деятельности, процедурными компонентами, приемы вступления неопитов в группу, требованием к соблюдению правил и исполнению обязательств. Внутри сети лидеры групп используют открытую и символическую тактику сохранения структуры с жестким соблюдением дисциплины. Однако, реальная природа их власти располагается на внутригрупповом уровне психического и морального подавления личности с элементами манипуляции. Это достаточно сложный и универсальный вид психологического воздействия на человека с целью «одностороннего выигрыша посредством скрытого побуждения другого к совершению определенных действий». [3]

Криминальный мир также располагает особым арсеналом деструктивного воздействия на людей, почерпнутым из истории своего существования и субкультуры. Воздействие на избранную личность предусматривает тщательное изучение, отбор, воспитание с привитием традиций и норм криминальной идеологии и культуры. Воспитание предусматривает знание «воровских законов», порядков, неформальных правил поведения,

способов ведения психологической войны и контрпропаганды. В исследованиях криминологов отмечается, вероятность принятия асоциальных ценностей определяется степенью изоляции от обычных групп, частотой и продолжительностью контактов с представителями криминальной субкультуры, наличием к ним любви и уважения. [7]

Сторонники теории криминальной субкультуры, объясняют ее происхождение в терминах теории напряжения, склонностью некоторых группировок к определенным ценностям доминирующей культуры. [4] Вербальное общение – один из внешних векторов преступного поведения. Во внутренней деятельности его проявление связано с психологической защитой личности с отождествлением и подавлением агрессора.

В науке понятия «культ» и «секта» являются идентичными. К.Г. Юнг писал, в истории человечества религиозные представления обладают величайшей эмоциональностью и внушаемой силой.[9] В условиях идеологического плюрализма, растущий интерес к религиозности вызывает естественную потребность в свободном духовном самоопределении, а также активную духовную экспансию псевдорелигиозных организаций-сект, стремящихся заменить верования новейшей неординарной прикладной практикой. [1]

В перечень психологических методов воздействия деструктивных культов и тоталитарных сект входит особая система, конечной целью которой является формирование зависимости. Система удержания новичка связана с предоставлением временных уступок, контактов с «посвященным» и с группой, приемами контроля сознания с позитивным подкреплением. В итоге, культовый контроль сознания постепенно формирует у личности импульсивное желание приобрести религиозную «истину» и находится среди себе подобных.

Молодежь в силу возрастных особенностей часто занята поисками героев и идеалов, установлением новых каналов связи. Однако, в силу разных причин потребности перестают удовлетворять личность, что приводит когнитивному диссонансу, в некоторых случаях к аддикции с оппозиционно-вызывающими представлениями о жизни. Недостаточная сформированность функций психического контроля, эмоциональность, внутренние противоречия повышают уровень конфликтности и приводят протестным формам поведения. Подобные «риски» напрямую связаны со многими случаями совершения непоправимых ошибок в жизненных ситуациях.

Мы убеждены, на каждом этапе своего развития деструктивные сообщества искали и применяли различные способы воздействия на человека. В истории криминологии и юридической психологии хорошо известна

личность Робин Гуда. Часть его «лесного братства» составляли простые люди, которые были «куплены» и за определенную плату поставляли всю необходимую информацию.

Для деструктивных структур особую ценность всегда представляли компетентные подготовленные проповедники, пропагандисты и эмиссары. С одной стороны, они были призваны вселять в людей надежду, «оживлять веру», а на деле это были «ловцы душ», создающие паству из «новообращенных». В конечном счете, выбранные ими «жертвы» должны были пойти в направлении изоляции социальных контактов, получить поддержку и удовольствие от интеллектуальных контактов с «родственными душами». Таких людей привлекает эстетика, духовные знания и достижения, образы, мистицизм, эзотерика и оккультизм. В других случаях, под воздействием психологических манипуляций («сеансов лжи») происходит «реформирование сознания».

Наиболее известными признаками «приобщения» и «вербовки» является «игра на комплексах и страхах», «предложение в помощи», «просьба об услуге», «манипуляция на уровне эмоций», «давление на характер» и «угроза». Психологическая тактика втягивания в группу объединяет приемы «заражение эмоциональным состоянием», «внушение», «убеждением примером и доводами». «Вербовщики» активно применяют психологическую типологию деления людей на «мыслителей», «чувствующих», «деятельных» и «верующих», а также частные разработки управления человеком. Под каждый тип личности создается программа втягивания и психологической «пристройки», учитывающая разные аспекты и проблемы жизни. В ходе обработки «жертве» навязывается роль «не признанных», «бесполезных слабаков» у которых имеется шанс что-то предпринять.

На начальном этапе «вербовки» происходит безобидная встреча, знакомство с приглашением продолжить переписку через социальные сети интернета. Приветствуется совместное время отдыха, путешествия, посещение культурных, религиозных учреждений, и других мест с массовым пребыванием людей. Существует практика передачи «жертвы» более опытному «вербовщику». В случае протеста или отказа «вербовщики» используют продуманные способы контраргументации. На примере, Е. Карауловой можно судить, что она жесткую «прочистку сознания» под угрозой жизни с требованием принять другую реальность, ценности и установки и др.

В работе «вербовщиков» особое значение имеет организация работы с молодежной группой. В данном случае учитываются гендерные, половозрастные, национальные особенности, уровень развития, статус и проблемы социального окружения, моральный климат, копинг-механизмы, варианты психологической защиты,

а также персональные данные и индивидуально-психологические особенности каждого члена группы. В целом, результатом психологического воздействия и манипуляция должна стать иная «реальность», в которой формируются новые духовно-нравственные ориентиры и стереотипы поведения.

По мнению Д. Ольшанского движущей силой политического экстремизма стали маргинальные группы и слои.[6] Некоторые исследователи утверждают, что маргиналы ищут «компенсацию» за улично-подъездный образ жизни, вследствие этого ими совершаются общеуголовные и корыстно-насильственные преступления в сфере быта и досуга.[11] Однако у некоторых социальных групп формирование нравственных стереотипов выглядит уязвимо.

В неформальной структуре любой деструктивной и преступной группы особая роль принадлежит ее лидеру. Установлено, что пока есть необходимость, они будут стремиться к воспроизводству, умножению, расширению и продолжению своего дела и самих себя. К. Леонард отмечает, если различные черты характера и темперамент, формирующие человека, когда он представляет собой отклонение от своего стандарта на лицо, то он может быть причислен к акцентуированному истерическому типу с аномальной способностью к вытеснению. [5]

С целью усиления внушаемости и слепого повиновения лидер использует изоляцию неопитов от бывших друзей и семьи, истощение тела, специальные методы группового давления, управление информацией (манипулирование виной), критическим мышлением, остановка здравого смысла по типу «черно-белое» поощрение зависимости от группы, безысходностью ухода и т.д. Обладает ли лидер группы «харизмой»? По мнению многих авторов, динамическая характеристика лидеров должна включать «базовый образ мышления» с положительной направленностью. Деструктивный лидер не имеет позитивной природы направленности, глубинного мотива любви, защиты, людей.

Соприкосновение молодежи с реальностью проходит сложный путь, в некоторых случаях оно дисгармонично и приводит к ошибке восприятия целостной картины мира. Вариации деструктивного поведения характеризуется полярным заострением/«притуплением» свойств личности, особым реагированием с отклонениями от принятых в социуме поведенческих и моральных норм. Стагнация, внутриличностный конфликт, привнесенные факторы формируют проблемные компоненты направленности в поведении личности. Протестная реакция способна привести молодых людей к социально-психологической девиации (микросоциально-психологической запущенности). Самодеструктивные начала в подростковой и молодежной среде становятся причи-

ной возникновения информационной «интоксикации», совершению правонарушений и преступлений, наркомании, алкоголизма, аутоагрессии, и т.д.

Молодежь учится понимать сложный мир, однако в отдельных случаях установления психологического контроля с обходом психологической защиты и манипуляцией происходит реформирование сознания, которое резко меняет направленность личности.

В асоциальных объединениях деструктивной направленности используются способы реформирования сознания, такие как провоцирование когнитивного диссонанса, гипнотического транса, внушения, нейролингвистического рефрейминга, информационной перегрузки, сенсорной депривации, нейрологического переимпринтирования, тоталитарного контроля эмоций, поведения, мыслей и информации.[2] Приписываемое лидерам трансцендентальное начало во многих случаях ошибочное, поскольку авторитета власти и подчинения держится на страхе и подавлении личности. По словам исследователей роль сильных и разнообразных эмоций и поведенческих признаков, жестов и выражений, скрывающих искусный обман и ложь, необходимо разоблачать посредством техники обнаружения, вери-

фикации истолкования лжи с соблюдением мер предосторожности. [8]

В настоящее время молодежь имеет возможность ознакомиться с материалами, анализирующих идеологические установки запрещенной на территории Российской Федерации террористической организации «ИГИЛ», психологией «вербовщиков», агитационными материалами. Обеспечение безопасности молодежи от проникновения идеологии терроризма и экстремизма, деструктивных воззрений чуждой идеологии, зависит от совместных усилий органов государственной, исполнительной, законодательной власти, органов местного самоуправления, муниципальных образований, общественных, религиозных и иных организаций.

В целях профилактики импринтной уязвимости, внушаемости, навязываемой реальности требуется комплекс профилактических мер, организация воспитательных и контрпропагандистских мероприятий, мониторинга распознающего настроения, своевременно оказываемой индивидуально-групповой диагностико-профилактической, психологической и реабилитационной помощи, создающей условия для формирования фрустрационной толерантности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грановская Р.М. Психология веры. – СПб: Речь, 2004. – 490с.
2. Деструктивные психотехники. Технология изменения сознания в деструктивных культурах /под ред. И.Митрофановой. – Электросталь: Экселибрис, 2002. – 16с.
3. Доценко Е.Л. Манипуляция: психологическое определение понятия. //Психологический журнал. -1993. - Т.14,№ 4. - С.132-138.
4. Криминология /под ред. Ф.Д. Шели. – СПб: Питер, 2003. – 420 с.
5. Леонгард К. Акцентуированные личности. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 71с.
6. Ольшанский Д.Д. Психология терроризма. – СПб.: Питер, 2002. – 175с.
7. Тирских А.А. Преступная идеология: понятие, содержание и меры противодействия // Российский следователь. - 2009. - №3. - С.30-32.
8. Экман П. Психология лжи. – СПб: Питер, 2000. –271с.
9. Юнг К.Г. Аналитическая психология. – СПб: Кентавр, 1994. – 22 с.
10. Злокатов К.В. Деструктивное поведение в различных аспектах его проявления. –URL<https://cyberleninka.ru/article/n/destruktivnoe-povedenie-v-razlichnyh-kontekstah-ego-proyavleniya/viewer> (дата обращения 16.02.2021)
11. Кириллов С.И. Феномен маргинальности и преступное поведение. –URL<https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-marginalnosti-i-prestupnoe-povedenie/viewer>(датаобращения 16.02.2021)
12. Кравцов Д.Н. Российская молодежь как объект деструктивного воздействия средств идеологического информационно-психологического и культурного противоборства Запада/ Д.Н. Кравцов, В.Д. Исаев, В.Н. Лебедь, К.А. Восканян. –URL<https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-molodyozh-kak-obekt-destruktivnogo-vozdeystviya-sredstv-ideologicheskogo-informatsionno-psiologicheskogo-i-kulturnogo/viewer>(дата обращения 16.02.2021)

© Мельников Владимир Михайлович (melnikov-baikal@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПЕЦИФИКА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ВЫБОРОВ ЛИЦ АСОЦИАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Мясникова Зоя Вячеславовна

*Аспирант, Тихоокеанский государственный университет
myasnikovazoya@yandex.ru*

PARTICULARITY OF EXISTENTIAL CHOICES OF ASOCIAL ORIENTATED PERSONS

Z. Myasnikova

Summary: The article is dedicated to studying of particularity of existential choices of asocial orientated persons. They were defined as people, convicted and serving a sentence in places of freedom deprivation.

The actuality of the article is defined by requirement in studying of the psychological problems, which a person, who violated the law and was placed into social isolation conditions, faces to. It's necessary to understand the particularity of person's choices for his or her successful adaptation and work organization with such people.

The aim of the article lies in research of life path and individual life experience of asocial orientated person for definition of his or her existential choices features.

As a base of empirical research convicted persons between the ages of 35 and 56 with higher education were chosen. The analysis was conducted via the author's own structured interview, made by the method of narrative analysis.

The author came to the conclusion that the particularity of existential choices of asocial orientated persons is determined by the fact, how the person's childhood and youth were going, what the social environment, parenting, educational level, professional engagement and satisfaction with work conditions were.

Also the author underlined requirement in further practical work and analysis in research area because the data, obtained in the course of the experiment, can't pretend to be completely accurate.

Keywords: existential choice, social isolation, behavior particular qualities, asocial orientation, life decisions, motivation, narrative analysis, reflection, individual life experience, morality, value orientations.

Аннотация: Статья посвящена изучению специфики экзистенциальных выборов лиц с асоциальной направленностью в поведении. Данными лицами были определены люди, осужденные и отбывающие наказание в местах лишения свободы.

Актуальность темы статьи определяется потребностью изучения психологических проблем, с которыми сталкивается личность, нарушившая нормы закона и помещенная в условия социальной изоляции. Для успешной адаптации и организации работы с такими лицами необходимо понимать специфику выборов личности.

Цель статьи заключается в исследовании жизненного пути и индивидуально-жизненного опыта асоциальной личности для определения особенностей ее экзистенциального выбора.

В качестве базы эмпирического исследования были отобраны осужденные в возрасте от 35 до 56 лет, имеющие высшее образование. Анализ проводился посредством авторского структурированного интервью, составленного по методу нарративного анализа.

Автор пришел к выводу, что специфика экзистенциальных выборов лиц асоциальной направленности во многом определяется тем, как протекало детство и юность личности, каким было социальное окружение, родительское воспитание, уровень образования, профессиональная вовлеченность и удовлетворенность условиями труда.

Также автор обозначил потребность дальнейшей практической работы и анализа в исследуемой сфере, поскольку полученные им в ходе эксперимента данные не могут претендовать на абсолютную точность.

Ключевые слова: экзистенциальный выбор, социальная изоляция, особенности поведения, асоциальная направленность, жизненные решения, мотивация, нарративный анализ, рефлексия, индивидуальный жизненный опыт, нравственность, ценностные ориентации.

В настоящее время довольно популярным среди исследователей экзистенциально ориентированного научного поля становится вопрос изучения осмысленности жизни, свободы принятия решений и особенностей экзистенциального выбора личности в целом. Среди исследователей экзистенциального поля выделяются учения Л. Бинсвангера, И. Ялома, В. Франкла, Р. Мэя, С. Мадди, А. Ленгле и др. Среди отечественных исследователей, разделяющих экзистенциальные принципы, возможно отметить Рубинштейна С.Л., Леонтьева Д.А., Василюка Ф.Е., Братченко С.Л. Согласно их определению о выбирающей личности, «человек сам ответствен за выбор своего существования» [2]. Таким образом, исследователями-экзистенциалистами выбором существова-

ния определяется экзистенциальный выбор, при котором личность осознанно выбирает, каким образом ей существовать (жить в мире), после чего ею совершается поступок.

Особый научно-практический интерес для исследования представляет изучение особенностей поведения и экзистенциального выбора лиц, преступивших нормы закона, имеющих поведенческие установки асоциальной направленности. В рамках данной статьи под лицами асоциальной направленности подразумеваются люди, осужденные и отбывающие наказание в местах лишения свободы.

Актуальность темы статьи обусловлена потребностью изучения психологических проблем, с которыми сталкивается личность, преступившая закон и находящаяся в местах социальной изоляции, поскольку для организации жизнедеятельности в исправительном учреждении и разработки и применения адекватных методов психологической работы с ними требуется учет особых условий среды, в которой они оказались, и понимание специфики их выборов. Предположительно, экзистенциальная природа выбора личности обуславливает ее правовое поведение, социальное либо асоциальное.

Начнем с того, что экзистенция отождествляет жизнь личности, наполненную смыслом, в которой есть место для глубоких чувств, желаний, стремлений, собственных жизненных решений, поступков и выборов [1]. Такая жизнь может показаться трудной, но она реальная, полная смысла, а значит, полноценная, в которой приоритетное значение имеет духовное начало человека. Несоответствие экзистенции порождает у личности экзистенциальные проблемы, связанные с ощущением несоответствия той истинно человеческой жизни, к которой должен стремиться человек [6], вследствие чего у него наступает стадия разочарования, появляются мысли о потенциальных возможностях получения желаемого любыми способами, пусть и противоправными.

Так, интересным для исследования экзистенциальных проблем личности представляется экзистенциальный анализ, разработанный последователем В. Франкла – А. Лэнгле. Согласно его теории, структурная модель экзистенциального анализа объединяет четыре фундаментальные мотивации личности, необходимые и важные условия для наполненности жизни смыслом:

1. Первое условие – желание жить, находиться в мире. Данное условие зависит от того, обладает ли личность опорой и защитой, имеет ли она пространство для жизни.
2. Второе условие – любовь к жизни. Означает потребность в удовлетворенности условиями своей жизни, а именно: способность устанавливать и поддерживать дружественные и близкие отношения с людьми, ощущение внутреннего и внешнего комфорта.
3. Третье условие – признание права быть собой. Указывает на важность не только принятия личностью мира таким, каков он есть, но и потребность в осознании того, что и мир, и окружающие воспринимают тебя так же.
4. Четвертое условие – осознание важности своих действий, поступков. Демонстрирует процесс поиска смыслов жизни, чего-то важного и полезного для личности и осознания личностью своей собственной важности и полезности для окружающих [7].

При несоблюдении любого из условий, когда человек не находит смысла жизни, наступает чувство собственной никчемности, ненужности, отчаяния и разочарования, определенные В. Франклом как «состояние экзистенциального вакуума» [7]. При нахождении же человеком смысла своей жизни, он способен на самоотдачу. Так, человек, имея множественную природу своих поступков, способен выбирать, в каком мире существовать, к какому состоянию стремиться, и как следствие, обладая такими возможностями, он и несет ответственность за свои действия. Иными словами, речь идет об экзистенциальном выборе.

Опираясь на теорию А. Лэнгле, возможно предположить, что лица асоциальной направленности, совершая свои выборы, находятся в состоянии «экзистенциального вакуума», когда отмечается отсутствие либо неполноценность фундаментальных мотиваций, что и приводит к отклонениям в правовом поведении личности.

Для сбора эмпирических данных по проблеме выделения специфики экзистенциальных выборов лиц асоциальной направленности был выбран метод нарративного анализа. Данный метод был предложен испытуемым в формате письменного структурированного интервью, которое содержало модули и блоки, совокупность развернутых ответов на которые позволяет исследователю проследить наиболее значимые события жизненного пути личности. Так, блоки первого модуля предполагают развернутые ответы на вопросы относительно себя (цель жизни, ценностные ориентации, семья, профессиональная состоятельность), блоки второго модуля отвечают за истории жизни (негативные и позитивные события, переломные моменты в жизни личности), блоки третьего модуля раскрывают опыт личности (из детства, юности, «точки бифуркации»), блоки четвертого модуля содержат информацию о важных жизненных решениях и выборах личности.

В качестве экспериментальной группы были отобраны осужденные и отбывающие наказание женщины и мужчины в возрасте от 35 до 56 лет, в количестве 10 человек, имеющие высшее образование.

В ходе исследования материалы интервью прошли обработку, которая заключалась в удалении ненарративных данных. Это позволило нам убрать из текста интервью что-то не совсем важное, имеющее не прямое отношение к событиям, лишние детали. Далее были выделены дескрипторы, которые наиболее точно определяют содержание нарративного интервью.

Так, по первому модулю были выбраны дескрипторы: цель жизни, смысл жизни, жизненная ценность, семья, друзья, профессия, любимое дело. По второму модулю – дескрипторы: жизненный урок, зависимость, раскаяние,

истина. Согласно описаниям из третьего модуля были определены дескрипторы: бескорыстие, искренность, свобода, независимость, ответственность, осознание. Для четвертого модуля были определены дескрипторы: реализация, мечта, материальная стабильность, благодарность, возможность.

Выделенные из нарративного интервью дескрипторы, по нашим наблюдениям, совпали с фундаментальными мотивациями (условиями), предложенными А. Лэнгле в структурной модели экзистенциального анализа.

Так, первая мотивация – желание жить, находиться в мире – сопряжена с дескрипторами первого модуля интервью: цель жизни, смысл жизни, жизненная ценность, семья, друзья, профессия, любимое дело.

Вторая мотивация – любовь к жизни – имеет отношение к дескрипторам второго модуля интервью: жизненный урок, зависимость, раскаяние, истина.

Третья мотивация – признание права быть собой – подразумевает применение дескрипторов третьего модуля интервью: бескорыстие, искренность, свобода, независимость, ответственность, осознание.

Четвертая мотивация – осознание важности своих действий, поступков – сопряжена с дескрипторами четвертого модуля интервью: реализация, мечта, материальная стабильность, благодарность, возможность.

Помимо выделения закономерности – совпадения фундаментальных мотиваций личности с дескрипторами интервью – в результате нарративного анализа проводилась структурная обработка данных интервью. Следует подчеркнуть, что именно этот этап анализа историй жизни респондентов вызвал наибольшие трудности с их интерпретацией. Это связано с тем, что до настоящего времени не определены единые правила и алгоритмы, которые бы позволяли исследователю объективно и не критически переходить от этапа сбора данных до этапа их анализа.

В процессе обработки данных из каждого интервью были удалены все ненарративные элементы, лишние детали, которые перегружают истории, отвлекая от главной мысли. Далее мы описывали этапы жизненного пути личности по каждому интервью, что позволило нам полноценно проследить биографический процесс и жизненный опыт личности. Практически у всех респондентов (8 человек) жизнь представлена в качестве двух половинок – до заключения, на свободе, и после, в условиях социальной изоляции. И только у 2 человек жизненный опыт был отмечен в качестве редуцированного к опыту из детства. Это позволило нам отметить рефлексивную направленность, заставляющую личность вновь

и вновь переживать события из далекого прошлого.

На следующем этапе обработки полученных нарративных данных в интервью были возвращены удаленные ранее ненарративные элементы повествования. Это дало нам возможность определить их функцию в повествовании, а именно: на что ориентируется личность в своем рассказе о собственной жизни, оправдывается ли за свои поступки и выборы, пытается ли что-то доказать, подчеркнуть и т.д.

Далее, ознакомившись с историями жизни, опытом респондентов, имея раскрытую картину их возможностей, как реализованных, так и упущенных, через весь их жизненный путь, мы определяли особенности экзистенциального выбора респондентов с асоциальной направленностью в поведении.

Так, опираясь на дескрипторы из первого модуля, мы определили в каком ключе, позитивном или негативном, личность самоидентифицирует себя, удовлетворена ли она своей целью, профессией, семейным положением, что определяет в качестве жизненных ценностей, к кому испытывает неприязнь или симпатию.

Дескрипторы второго модуля позволили нам определить, насколько осознанно личность извлекает жизненные уроки, раскаивается ли в своих поступках, в чем находит истину, зависима ли от событий и окружающих.

Дескрипторы третьего модуля направили нас к опыту прошлого, а также к событиям, иллюстрирующим позитивный наивысший подъем и указали на то, что практически у всех респондентов в воспоминаниях о детстве и юности возникает эмоциональный импульс положительной направленности. Другими словами, из интервью становится очевидным, что респонденты ценят опыты прошлого, все негативное воспринимается ими как жизненные уроки. С другой стороны, также наблюдается осознание ими упущенных возможностей, ответственность либо отказ от нее за то, что их жизненные опыты сложились именно так, а не иначе.

Дескрипторы четвертого модуля, выявленные при описании жизненно важного решения, жизненного выбора респондентов, помогли раскрыть их стремление к обретению свободы, переоценку ценностей, возвращению к новой жизни с вынесенными уроками из старой. Как правило, респонденты более подробно описывали именно четвертый модуль, который также отражал их планы на жизнь, стремления реализовать себя после освобождения из места лишения свободы.

Так, мы пришли к заключению, что специфика экзистенциальных выборов лиц асоциальной направленности во многом определяется тем, находилась ли

личность в моменты выборов в «состоянии экзистенциального вакуума». Важным считается и то, как протекало детство и юность личности, каким было социальное окружение, родительское воспитание, уровень образования, профессиональная вовлеченность и удовлетворенность условиями труда. Если хотя бы некоторые из перечисленных факторов влияния имели место в жизни личности, отметим большую вероятность того, что впоследствии они и привели к снижению уровня правового поведения личности.

Однако, полученные данные не могут претендовать на абсолютную точность, все они требуют дальнейшей практической работы и анализа. Проведенные интервью стали для автора первичным опытом нарративного

исследования и, по его мнению, могут быть очень полезны в работе практикующего психолога, поскольку позволяют оценить события жизненного пути личности по следующей системе: равновесие – нарушение равновесия – восстановление равновесия. Кроме того, в процессе описания своей истории жизни личность испытывает повышенную рефлексивность и критичность в отношении своего опыта, что, в свою очередь, повышает активность личности и ее самостоятельность в процессе определения формата своей настоящей и будущей жизни. Все это, на наш взгляд, имеет видимый терапевтический эффект для личности, в особенности для той, которая находится в трудной жизненной ситуации (осуждение и наказание, социальная изоляция, потребность в адаптации к новым условиям жизни и т.д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бербаева И.Д. Психологические детерминанты дезадаптации личности в условиях изоляции: автореф. ... дис. канд. псих. наук. – Хабаровск, 2004.
2. Братченко С.Л. Экзистенциально-гуманистический подход в психологии и психотерапии / С.Л. Братченко // Психол. газ. «Иматон». – 1997. – № 1. – С. 7.
3. Василюк Ф.Е. Психотехника выбора // Психология с человеческим лицом: Гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 1997. – 330 с.
4. Дружинин В.Н. Варианты жизни: очерки экзистенциальной психологии. М.: ПЕР СЭ; СПб.: ИМАТОН-М, 2000. – 214 с.
5. Иванченко Е.С., Подлиняев О.Л. Специфика экзистенциальных качеств личности курсантов в образовательной организации МВД РФ / Е.С. Иванченко, О.Л. Подлиняев // Научный журнал «Дискурс». Психологические науки. – 2019. – № 4 (30). – с. 87-93.
6. Кокоева Р.Т., Багаева З.Г., Дзагоев С.Г., Кесаева И.М., Лисовина В.В. Актуальные проблемы экзистенциальных категорий в современной психологии / Р.Т. Кокоева, З.Г. Багаева, С.Г. Дзагоев, И.М. Кесаева, В.В. Лисовина / [Электронный ресурс] // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 6(6). – С. 1307-1309. – Режим доступа: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34335>
7. Лэнгле А. Экзистенциально-аналитическая теория личности. – М.: Генезис, 2005. – 159 с.

© Мясникова Зоя Вячеславовна (myasnikovazoya@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННАЯ СФЕРА ЛИЧНОСТИ С ОРИЕНТАЦИЕЙ НА «ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ»

Рагулина Марина Владимировна

*К.псих.н., Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск
ragulina@inbox.ru*

THE VALUE-MOTIVATIONAL SPHERE OF THE INDIVIDUAL WITH A FOCUS ON "HEALTHY LIFESTYLE"

M. Ragulina

Summary: The article deals with the phenomenon of dependence of the individual on the attitude to a healthy lifestyle (HLS). Ordinary consciousness may think that this phenomenon has only positive properties, but in fact, when a person limits all his tasks to only one, psychologists talk about an addictive pattern. The article presents the results of studying the features of the value-motivational sphere of a healthy lifestyle-dependent personality. The author concludes that the values chosen by such a person are not particularly different from the values chosen by a person who is not prone to addiction, but the only reinforcement in their implementation is the goal of achieving the avoidance of discomfort when the behavior deviates from the social stereotype through a healthy lifestyle, which in the modern social space is such.

Keywords: healthy lifestyle (HLS), addiction, addictive behavior, HLS-dependence, HLS-obsession, values, value-motivational sphere.

Аннотация: В статье рассматривается феномен зависимости личности от установки на здоровый образ жизни (ЗОЖ). Обыденному сознанию может казаться, что этот феномен имеет только положительные свойства, но на самом деле, когда личность ограничивает все свои задачи только одной, психологи говорят об аддитивном паттерне. В статье представлены результаты изучения особенностей ценностно-мотивационной сферы ЗОЖ-зависимой личности. Автор делает выводы, что выбранные такой личностью ценности особенно не отличаются от ценностей, выбранных личностью не склонной к аддикции, но подкреплением в их осуществлении служит только цель достижения избегания дискомфорта при отклонении поведения от социального стереотипа через ЗОЖ, что в современном социальном пространстве является таковым.

Ключевые слова: здоровый образ жизни (ЗОЖ), аддикция, аддитивное поведение, ЗОЖ-зависимость, ЗОЖ – одержимость, ценности, ценностно-мотивационная сфера.

Заметные изменения происходят в российском обществе, развивается совершенно новая среда обитания, новый образ жизни, часто смыслом которого является потребительское поведение, задающее свои ценностные ориентации, транслирующие определенные символы и «шаблоны» поведения, которые оказывают влияние на реакции людей. Формирование мировоззрения современного поколения происходит в условиях усиления потребительских тенденций как основы, определяющей не только внешний облик и поведение человека, но и обедненную системы целей и смыслов, где важным становится «иметь» нечто социально одобренное. Все это приводит к тому, что в сложившихся современных условиях в молодежной среде аддитивное поведение приобретает довольно широкие масштабы [19,20].

Аддитивное поведение широко изучено и описано такими российскими учеными как Алешиной Л.И., Дмитриевой Н.В., Егоровым А.Ю., Короленко Ц.П., Старшенбаумом Г.В. и другими [1,3,4,5,6,9,10,11,16,18]. К аддитивному поведению относятся разные химические зависимости (наркомания, злоупотребление алкоголем, курение), и нехимические - игровые, расстройства пищевого поведения, всевозможные увлечения, которые пре-

вращаются в навязчивую идею и подчиняют все стороны жизни человека. В данной исследовательской работе мы рассматривали аддитивное поведение, которое связано с одержимостью здоровым образом жизни.

Наиболее точно определяет аддикцию Короленко Ц.Б.: «Аддитивное поведение (аддикция от англ. addiction — пагубная, порочная склонность) - одна из форм деструктивного поведения, которая выражается в стремлении к уходу от реальности путем изменения своего психического состояния посредством приема некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных предметах или видах деятельности, что сопровождается развитием интенсивных эмоций [9. С.9].

Содержанием феномена аддикции является прежде всего деструктивная защита от дискомфортных переживаний, искусственное изменение своего состояния, обретения безопасности, восстановление психологического равновесия.

Аддикция становится универсальным способом «бегства» от реальной действительности, и вместо гармоничного взаимодействия со всеми аспектами жизни происходит «застревание» в каком-либо одном направлении.

В соответствии с концепцией немецкого невролога, психиатра и психотерапевта иранского происхождения Н. Пезешкиана, существует четыре вида такого «бегства»:

1) «бегство в тело» – человек всю свою активность направляет на собственное физическое или психическое усовершенствование;

2) «бегство в работу» человек «уходит» в работу, уделяет непомерное в сравнении с другими аспектами жизни время, становясь «трудоголиком»;

3) «бегство в контакты или одиночество», при котором общение становится единственно доступным способ и каналом снижения внутреннего напряжения тревоги либо единственно желанным способом удовлетворения потребностей, замещая все иные, или, наоборот, количество контактов сводится к минимуму;

4) «бегство в фантазии» – интерес к псевдофилософским исканиям, религиозному фанатизму, жизни в мире иллюзий. Человек, который ограничивает все остальные аспекты жизни, вряд ли может стать настоящим философом. Он, скорее всего будет оперировать в сознании фрагментарными кусочками книжных образов, далеких от реальности.

Такое поведение у разных людей может иметь и разную степень выраженности. В зависимости от степени выраженности начинают происходить личностные изменения в психике человека: чем сильнее аддикция, тем глубже и значительнее изменения [17].

Таким образом, создается иллюзия решения проблемы. Подобный способ борьбы с реальностью закрепляется в поведении человека и становится устойчивой стратегией взаимодействия с действительностью. Привлекательность аддикции в том, что она представляет собой путь наименьшего сопротивления. Создается субъективное впечатление, что, таким образом, обращаясь к фиксации на каких-то предметах или действиях, можно не думать о своих проблемах, забыть о тревогах, уйти от трудных ситуаций, используя разные варианты аддиктивной реализации.

Деструктивный характер аддикции проявляется в том, что она как способ личностной реализации из средства постепенно превращается в цель.

В последние годы во многих странах мира с каждым годом все больше и больше идет пропаганда здорового образа жизни. Может показаться, что ничего плохого в этом нет, человек, вроде бы, следит за собой, за своим физическим здоровьем, занимается спортом, подбирает для себя «правильный» рацион питания и т.д. Но все ли так хорошо, как кажется?

Целью нашего исследования было изучить глубинные мотивы-смыслы человека, ориентированного на «здоровый образ жизни» за пределами разумного, уже одержимого этой идеей и жертвующей во благо ее остальными сторонами своей жизни.

Современный молодой человек, желая подчеркнуть свою индивидуальность, часто, выбирая из многочисленных образцов, предложенных социумом, думает о том, как его оценят другие, получит ли он в результате этого должное признание, так как одна из задач этого возрастного периода встроиться в социум и получать свою долю ресурсов. Человек иногда теряет связь с собственным «Я», «личность» уходит на второй план, а вместо этого появляется социально одобряемая «индивидуальность» или одобряемая социальными интернет-сетями форма жизни [7,19].

Социальная реальность предъявляет к индивиду всё новые требования с точки зрения внешнего имиджа, внутреннего состояния, манер поведения, контакта с другими людьми. Кроме того, для подтверждения своей способности к социальному успеху необходимо предпринимать действия, которые будут видны многим. Одним из таких качеств, представляющих индивидуальность выступает тело человека.

Тело все больше выдвигается на первый план в нашем существовании, и не только как элемент действий, поступков, восприятия. Важным моментом социализации предполагается навязанная масс-медиа спортивная фигура, образ которой, по мнению известного социолога Т. Алкемайера, «... более важен, чем вся модная элегантность, которая его сопровождает. Только выставленный на показ этот образ демонстрирует свою форму и говорит про образ жизни личности, включая диету, здоровый дух, самодисциплину и волю к действию»[17. С.20].

Поэтому формирование «здорового образа жизни» (ЗОЖ) - задача не медицинская, а прежде всего воспитательная.

К сожалению, некоторые слишком увлекаются этим и заходят в одержимости здоровым образом жизни чересчур далеко. Пока что это явление или результат качественно разработанного маркетингового плана, как считают некоторые врачи и психологи, еще официально не признан болезнью, но медицина отмечает, что встречается оно все чаще.

Появился новый вид расстройства поведения – **орторекия**, вид психического расстройства, одержимость здоровым питанием и здоровым образом жизни. Страдают от него не только сам стремящийся к идеалу, но и его близкое окружение, родственники, которых стараются тоже вовлечь в процесс и осуждают за непонимание.

Существует мнение, которое подтверждает наше личное наблюдение, феномен пристального внимания к телу связан с ограничением социальных контактов. ЗОЖ-одержимость (сегодня это термин признан и используется) проявляется в чрезмерной заботе о «теле насущном», и излишнем акцентировании на него, как на некоем объекте самолюбования и восторженного созерцания его другими людьми.

Бесконечные «селфи» молодых людей в купальниках, дискуссии о диетах в социальных сетях, проведение огромного количества времени в фитнес-залах, чтобы вписаться в предлагаемый стандарт, все эти явления активно заполняют собой все пространства социальной жизни.

Следует иметь в виду, что от простого следования правилам здорового питания «помешанность» отличается полным отсутствием «тормозов», что можно определить по нескольким крайностям. Зависимость от такого образа существования коварна тем, что у нее есть неотразимое оправдание: «Я забочусь о своем здоровье», «Я продлеваю свою молодость», «Я держу себя в форме», «Я хочу стать лучше и красивее». Такие аргументы позитивны и имеют большую ценность в нашем обществе, то есть возразить на них становится проблематично [15].

Выделяют следующие признаки ЗОЖ – одержимости:

- Навязчивый страх. Если съесть что-то «не то», употребить больше жиров, позволить себе немного сладкого или пропустить занятия спортом, то все это превращается в страх набрать лишнего, отступить от плана, сорваться и начинать заново этот режим.
- Оперирование сложными понятиями, медицинскими процессами и математическими расчетами. Одно дело просто представить общую калорийность блюда, но чересчур является расщепление еды на все составляющие витамины, нутриенты, количество БЖУ в каждом съеденном кусочке.
- Огромные энергозатраты на ЗОЖ: значительная часть времени уходит на тренировки, размышления о сбалансированном рационе, чтение статей о здоровых методиках и также трата денег и сил на соблюдение всех правил ЗОЖ.
- «Классовая ненависть» как к «вредным» продуктам и явлениям, так и к людям, не соблюдающим ЗОЖ, ощущение своего превосходства перед «лентяями», и активное стремление вовлечь родных и друзей в свои новые интересы.
- Любое отступление от ЗОЖ-плана вызывает у вас панику, страх, отвращение к себе, тревожные навязчивые мысли «как теперь это исправить?», в общем, любую чрезмерную нервную реакцию, которая делает вас несчастной.

Увеличение ценности ЗОЖ может быть связано с влиянием западных норм деловой жизни, где здоровье рассматривается как качественная характеристика профессионала и успешной личности. Но такая забота не становится фактом сознания, а всего лишь остается на уровне моды. Во все времена люди воспринимали здоровье как нечто обладающее, помимо всего прочего, и ценностной значимостью, хотя ценность здоровья в разные эпохи мыслилась в кардинально различных формах. То, что отличает наше время и что, вероятно, в будущем проявится еще более отчетливо, связано с пониманием здоровья не только в негативном плане, как «здоровья от» — в смысле свободы от болезни, но и как «здоровья для» — в смысле тех возможностей действовать, реализовывать себя, которые открыты человеку, поскольку он здоров. Но еще раз обратим внимание на то, что для ЗОЖ-одержимого здоровье и красота не становятся средством к более полноценной жизни, а только цель, которой нужно добиться, чтобы соответствовать социальному стандарту, сделать «селфи» и выставить его в интернете – вот конечная цель [15].

В нашем исследовании приняло участие 50 человек: 13 юношей и 37 девушек разного возраста от 18 до 35 лет, разных профессий: профессиональные спортсмены, юристы, психологи, военнослужащие, риелторы, педагоги и др. Из них есть те, кто ведет ЗОЖ с детства, когда-то имели отношение к спорту или продолжает до сих пор, а есть и те, кто им никогда не интересовался. Формат тестирования был разный: печатный вариант и электронный, на выбор самого респондента.

Нам было необходимо выявить людей с ЗОЖ-зависимостью, определить их жизненные ценности и узнать о тех потребностях и мотивах, которые стоят за такой целенаправленностью в соблюдении ЗОЖ, а также сравнить их результаты с результатами тех, кто свободен от каких-либо зависимостей.

В нашей работе мы использовали следующие опросники самоописания: тест на аддикцию Лозовой Г.В, который определяет склонность к 13 видам зависимостей и содержит всего 70 утверждений и ценностный опросник Шварца Ш., используемый для исследования динамики изменения ценностей как в группах (культурах) в связи с изменениями в обществе, так и для личности в связи с ее жизненными проблемами.

Опросник ценностей был разработан Шаломом Шварцем в 1992 году [8]. В ходе нашей работы разделение ценностей на социальные и личные было важным и интересным для изучения, поскольку часто личные и социально декларируемые ценности не совпадают. Опросник Шварца состоит из двух частей: первая часть опросника предназначена для изучения ценностей, идеалов и убеждений, оказывающих влияние на личность, вторая

часть опросника представляет собой личностный профиль и можно полагать, что первая часть диагностирует социальные или декларируемые ценности, а вторая выявляет переживаемые ценности.

Нами также использовалась «Методика предельных смыслов» (МПС) Леонтьева Д.А. Она представляет собой структурированную серию вопросов и ответов, где каждый новый вопрос исходит из последнего названного ответа. Методика не имеет заранее подготовленного бланка и проводится в форме диалога индивидуально с каждым участником исследования. Серия ответов записывается на листе и впоследствии анализируется [13].

МПС была разработана автором для того, чтобы найти новые, нетрадиционные подходы к эмпирическому изучению и диагностике таких трудно поддающихся анализу структур субъективной реальности, как динамические смысловые системы сознания. В методике был воплощен сравнительно новый методический прием изучения смысловых систем через их отражение в индивидуальном мировоззрении [14].

Благодаря тому, что из процедуры проведения методики, вопросов и инструкции совсем не просто определить итоговую цель проведения исследования, испытуемому сложно заранее спланировать или изменить ответы, что частично решает проблему социальной желательности. МПС позволяет уточнять смысловое разнообразие выбираемых респондентами ценностей и обнаруживать отличие в одних и тех же выбранных номинациях.

По результатам теста Лозовой Г.В. были сформированы четыре группы респондентов с разными формами зависимости и свободных от таковой. Это отобразено в таблице 1.

Таблица 1.

Группы респондентов, сформированные по тесту Лозовой Г.В.

Группы	Наличие зависимости	Количество
1 группа	ЗОЖ	9 человек
2 группа	ЗОЖ + другой вид (чаще пищевая)	4 человека
3 группа	Другие виды (чаще курение, алкоголь)	18 человек
4 группа	Не обнаружилось	19 человек

Далее по методике Шварца Ш. мы проанализировали ценности всех опрашиваемых и провели их сравнительный анализ между получившимися группами.

Результаты МПС Леонтьева представлены в виде типичных «смысловых деревьев».

В первой группе конечные ответы в большинстве

своем содержали идею более длительной жизни, быть подольше со своими близкими. В целом, для этой группы характерны однообразные ответы с гедонистической мотивацией по Иберсолу (сам процесс жизни), а по Леонтьеву – ведущий смысл «семья» [12,13]. Мы составили типичное для этой группы «смысловое дерево».

Зачем человек ведёт здоровый образ жизни?

Чтоб хорошо себя чувствовать

Чтоб меньше было проблем со здоровьем

Чтоб не уйти из жизни раньше времени

Быть дольше с семьей

Потому что мы живем ради семьи.

Вторая группа ЗОЖ-зависимых с сопутствующими химическими зависимостями отличалась тем, что наоборот приходили к ответам «ради себя», «чтобы меня долго помнили», «чтобы ощущать собственную значимость». Отличает эту группу защитная смысловая регуляция с характерными признаками мотивации личности с разными формами химических зависимостей. Общее смысловое дерево в этом случае выглядит уже иначе:

Зачем человек ведет здоровый образ жизни?

Чтоб сохранить здоровье

Чтоб счастливо жить

Насытить жизнь эмоциями

Привлекать внимание других

Ощущать свою значимость

Третья группа, где находятся участники с другими видами зависимостей, говорили об успешности, реализованности, о собственной полезности перед окружающими. И хоть у них не наблюдалось ЗОЖ-зависимости, то некоторые всё же говорили про то, что такой образ жизни может им прибавить уверенности.

И в то же время некоторые респонденты этой группы ответили, что не видят смысла в здоровом образе жизни, поскольку это «лишняя ответственность» и «вредные привычки не мешают жить». Мы видим, как будто мотивацию самореализации, но в то же время эти респонденты в самоотчете по тесту Лозовой отмечают свою склонность к злоупотреблениям курением и алкоголем, т.е. размышляют как бы вообще о полезности ЗОЖ, не относя это к себе, следовательно считать это их смыслом не будет достоверным. А возможно, обнаруживается конфликт с желаемым образом жизни и реальным.

Зачем человек ведет ЗОЖ?

Чтоб хорошо себя чувствовать

Посвящать время любимому делу

Таблица 2.

Наиболее типичные рейтинги ценностей и выборы в личном профиле в 4 изучаемых группах.

Имя	Методика Шварца, ценности			
	1	2	3	Профиль личности
1 гр.	Универсализм	Безопасность	Самостоятельность	Универсализм
2 гр.	Универсализм	Безопасность, самостоятельность	Безопасность, самостоятельность	Универсализм
3 гр.	Универсализм, самостоятельность	Безопасность, доброта	Самостоятельность	Универсализм
4 гр.	Универсализм	Самостоятельность	Безопасность	Самостоятельность

Примечание: Мы посчитали излишним размещать усредненные профили ценностных выборов личности по группам, а привели только ценности с самым высоким значением по результатам самоотчетов испытуемых.

Успеть реализовать и быть успешным

Чтоб жизнь была прожита не зря.

Четвертая группа респондентов без зависимостей имела более длинные смысловые цепочки, содержащие и смысл «процесса жизни», предельные суждения имели философские содержания.

Зачем человек ведет ЗОЖ?

Чтоб быть здоровым и хорошо себя чувствовать

Радоваться (наслаждаться) жизни

Быть счастливой

Осуществлять свои (цели)мечты

Ни о чем не жалеть в старости

Чтоб был смысл жить; Продолжить род; Оставить после себя след

Таблица 3.

Средняя длина смысловых цепочек по всем 4 группам.

	1	2	3	4
Ср. длина цепочек	4,5	4,75	4,5	8,6

Для расчета значимости различия количественных показателей длины смысловых цепочек использовали критерий Стьюдента для неравнозначных групп. Результаты представлены в таблице 4.

Таблица 4.

Средние значения индекса длины смысловой структуры и различия по степени выраженности этих признаков между респондентами 1 и 4 групп по t - критерию Стьюдента

Индикатор	1 группа	4 группа	эмп.
IM	4,5	8,6	3,24 при $p < .01$

Наше исследование по своему формату было пилотным, т.е. его целью было проанализировать основную ценностную направленность ЗОЖ-зависимой личности,

результаты позволяют сделать определенные выводы об особенностях ценностного сознания в представленных группах.

Методика Лозовой, конечно, не является безупречным клиническим инструментом для постановки диагноза, но, все же она выявляет некую сверхпредрасположенность личности к определенным формам поведения, и в психологическом плане является достаточной для того, чтобы обратить внимание на деструктивный путь самоактуализации, который на самом деле не ведет к полноценному здоровью.

Мы условно выделили два типа ценностно-мотивационной направленности сознания у личностей из разных групп. Заметно, что во всех четырех группах выборы социокультурного рейтинга ценностей самый верхний рейтинг занимает «универсализм». Напомним, что под мотивационной сферой универсализма Ш. Шварц имел в виду понимание, терпимость, защиту благополучия всех людей и природы. Мотивационные цели универсализма производны от тех потребностей выживания групп и индивидов, которые становятся явно необходимыми при вступлении людей в контакт с кем-либо вне своей среды или при расширении первичной группы.

Можно предположить, что универсализм – это, с одной стороны, как утверждал Ш. Шварц, единство с миром, а с другой стороны - это единая форма для существования всех, и прежде всего- единая форма существования тела. Если вспомнить модели на подиуме с одинаковой походкой и выражением лица, которым подходит любая одежда, но только одного размера или солдат, марширующих на площади, которые все как один, то это будто является метафорой жизни современного человека. Вопросы безопасности существования универсализм решает легко через упрощение и стандартизацию, что мы и наблюдаем в группе ЗОЖ-зависимых, где мир сворачивается до пределов собственной семьи. Вторая и третья группа представляет собой варианты ценностно-смысловой организации, предполагающей обретение безопасности через универсализм (это по Шварцу непротиворечивые ценности, обеспечивающие

неконфликтующую динамику консервативной направленности). Самостоятельность же – третья по рангу ценность в выборах испытуемых с аддиктивными формами поведения, предполагает открытость изменениям, соответственно, мы предполагаем, что в первой группе самостоятельность ограничивается рамками семьи (например, суждение «он любит поступать по-своему, на свой лад»), а во 2 и 3 группах, скорее всего это декларируемая ценность, но не воплощаемая в жизнь. В личностных профилях она набирала не более 2-3 баллов в этих группах. Что касается 3 группы, то мы видим, что мотивация безопасности связана также с таким пунктом как «доброта», расширение контактов, т.е. можно это интерпретировать, что как стратегия обеспечения безопасности она в сознании присутствует, но не проявляется в личностном профиле, т.е. как тактика не определяется, а остается только намерением.

Ценности 4 группы проявляют самостоятельность как личностное поведение, а «смысловое древо» указывает, что выбираемые ценности, находящиеся в конкурирующей позиции (универсализм, безопасность самостоятельность) обеспечивают личности некоторое напряжение выбора и действия.

Свободная от аддикции личность способна энергию внутреннего напряжения направить на реализацию широких жизненных целей, в то время как испытуемые 2 и 3 группы напряжение конфликта, порождаемое ценностными выборами реализуют лишь на погашение напряжения конфликта и самоуспокоение. Таким образом, мы можем предполагать обедненность и упрощенность ценностно-мотивационной сферы ЗОЖ-зависимой личности, что, конечно, требует дополнительного изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешина Л.И., Маринина М.Г., Федосеева С.Ю. «Аддиктивное поведение и меры его профилактики» / Алешина Л. И., Маринина М. Г., Федосеева С.Ю. // журнал: «Грани познания». № 2(45). 2016 г. С. 124-127.
2. Баранов В.А. «Тело и телесность в социальном измерении» / Баранов В.А. // журнал: «Таврический научный обозреватель». 2016 г. С.26.
3. Галаятудинова С.И., Ахмадеева Е.В. К проблеме понимания аддикции и зависимости отечественными и зарубежными исследователями. Вестник Башкирского университета. 2013, 18 (1) - 232-235 с.
4. Дмитриева Н.В. Психология аддиктивного поведения : [монография] / Н.В. Дмитриева, Д.В. Четвериков. - Новосибирск : НГПУ, 2002.
5. Егоров А.Ю. Нехимические аддикции / А.Ю. Егоров // Аддиктология. – №1. –2008.
6. Егоров, А.Ю. Нехимические зависимости / А.Ю. Егоров. – СПб.: Речь, 2007.
7. Жураковская В.М. Индивидуальность как высший уровень развития личности // Сибирский педагогический журнал. Издательство: Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск), 2008.
8. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. — СПб.: Речь, 2004
9. Короленко Ц.П. Аддиктивное поведение. Общая характеристика и закономерности развития/ «Обзорение психиатрической и медицинской психологии. №1. 1991. С. 7-12,
10. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Психосоциальная аддиктология. Новосибирск, Издательство «Олсиб», 2012,
11. Кутбиддинова, Р.А. Психология зависимости: учебно-методическое пособие / Р.А. Кутбиддинова. – Южно-Сахалинск : СахГУ, 2017.
12. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой деятельности. – 2019 г.
13. Леонтьев Д.А. Методика предельных смыслов (МПС): Методическое руководство. М.: Смысл, 1999
14. Леонтьев Д.А., Филатова М.А. Психологические возможности методики предельных смыслов // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1999г. - №2 – С. 53-69.
15. Мальцева И.Г. «Иллюзии современного фитнеса». / Мальцева И. Г. // «Вестник омского аграрного университета» 2015 г. С. 90 - 93.
16. Мишин А.А. Особенности проявления аддиктивного поведения // Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление. 2018. №4 (4).
17. Романова Е.В. Здоровье молодежи в аспекте изучения аддиктивных форм поведения // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта, 2016. № 2. С. 14-24.
18. Старшенбаум Г.В. Аддиктология. Психология и психотерапия зависимостей: Когито-Центр; Москва; 2006
19. Урусова Е.А. Индивидуальность и самопрезентация: личность как объект и субъект потребления в современном обществе. // Журнал: Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. Издательство: Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь). – 2019 г.
20. Эпштейн М.Н. Философия тела / М.Н. Эпштейн. Тело свободы / Г.Л. Тульчинский. – СПб.: Алетейя, 2006. – 432 с.

© Рагулина Марина Владимировна (ragulina@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ УСПЕХЕ У ЛЮДЕЙ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ

PERCEPTION OF SUCCESS IN PEOPLE OF DIFFERENT GENERATIONS

*L. Shukshina
O. Mizonova*

Summary: Ideas about success are formed under the influence of personal factors and social impact, since ideas about success are formed both in the individual and in the framework of social values. The idea of success depends on the age of the individual, since in accordance with the age, the individual puts forward demands on himself regarding achievements from the side of society, and in relation to the individual, a number of requirements are put forward regarding success.

Keywords: perceptions, success, values of generations, differences in perceptions of success.

Шукшина Людмила Викторовна

Д.ф.н., профессор, РЭУ им Г.В. Плеханова

liudmila.shukshina@yandex.ru

Мизонова Ольга Викторовна

К.ф.н., доцент, МГУ им. Н.П. Огарева

mizonovaov@mail.ru

Аннотация: Представления об успехе формируются под влиянием личностных факторов, и социального воздействия, так как представления об успехе сформированы как у личности, так и в рамках общественных ценностей. Представления об успехе зависят от возраста личности, так как в соответствии с возрастом, личность выдвигает к себе требования относительно достижений, со стороны социума, и по отношению к личности выдвигается ряд требований касательно успешности.

Ключевые слова: представления, успех, ценности поколений, различия в представлениях об успехе.

Актуальность исследования представлений об успехе у людей разных поколений определяются тем, что от уровня успешности во многом зависит степень реализованности личности и её удовлетворенность собственной жизнью.

Феномен имеет множество разнообразных определений, каждый человек вкладывает в него свой смысл. В Толковом словаре русского языка отмечено, что существительное «успешность» образовано от прилагательного «успешный», то есть делающий что-либо с успехом. [1] Слово «успех» можно трактовать по-разному:

- достижение поставленной цели;
- общественное одобрение предпринимаемых действий;
- признание достоинств и достижений окружающими людьми.

«Успешность» в словаре русских синонимов определяется в схожем плане с «удачностью» и «благополучием». А «успех» трактуется как достижение, удача или признание[2].

Согласно А.С. Белкину, успех - это состояние удовлетворения, возникающее в случае достижения или схожего с желаемым, или более высокого результата в сравнении с превосходящимся. То есть человек достигает успеха в случае реализации намеченного плана или превосходства реальных результатов над ожидаемыми или желаемыми продуктами деятельности. Таким образом, в определениях, указанных выше, большую роль играют ожидания, и именно от них зависят и в соответствии с ними оцениваются результаты деятельности, ведь хорошо продуманный план действий более надёжный и

более предсказуемый, чем неспланированные, спонтанные действия. И, в итоге, хорошо продуманная работа ведёт к значительному увеличению вероятности достижения успеха и желаемого результата, что приближает человека к более значительной, глобальной цели.

«Успех» же от «удачи» отличается целенаправленностью. Удача – скорее случайное явление, а успех – результат тщательно спланированной деятельности.

Н.А. Батурин придерживается аналогичной точки зрения и выделяет три основных значения понятия «успех»:

1. это оценка деятельности другого человека, который достиг высокого уровня результативности своей деятельности относительно других людей или относительно общественных ожиданий.
2. это субъективная оценка собственной деятельности, которая выражает высокую степень удовлетворения от достижения желаемой цели.
3. это психическое состояние, возникающее у человека в случае достижения важной цели.

Таким образом, успех – это обобщённый показатель собственных стараний и эффективности деятельности, который проявляется в общественном одобрении, и результатом которого служит возникновение чувства удовлетворённости собственным трудом и результатами.

Помимо понимания феномена успеха, очень важным для нас является рассмотрение особенностей людей разных поколений. Люди, живущие в разное время, росли и воспитывались абсолютно в разных условиях, и на формирование их личности, на формирование их мировоззрения и взглядов огромное влияние оказывали раз-

ные внешние факторы времён их юности.

Довольно большой промежуток времени особое внимание уделялось разделению общества на различные группы по вертикальному принципу – на высшие, средние, низшие слои, разделение по полу и т.д., но с течением времени авторы начали уделять интерес так же разделению общества на возрастные категории, которые очень сильно различаются между собой.

Интерес в науке к проблематике поколений в конфликтологической парадигме возник в западной психологии и социологии к концу XX в. Приверженцами «теории конфликтов» являются М.В. Вдовина, Е.И. Иванова, Е.А. Смирнова, К. Лоренц, Ж. Мендель, и др., которые представляют конфликт поколений как естественный, всеохватывающий путь развития человеческого общества и детерминируется самой природой человека [2].

М.И. Постникова выделила следующие варианты определений понятия поколения:

1. люди, которые находятся приблизительно в одном и том же возрастном промежутке, возрасте;
2. совокупность людей, объединенных коллективной памятью на схожие исторические события и переживания;
3. люди, живущие в одинаковой среде, погруженные в схожие жизненные обстоятельства [10].

В данном исследовании мы придерживаемся социально-психологического принципа и рассматриваем поколение как группу людей, ограниченную рамками возраста, живущую в определенный исторический период и, как следствие, попадающую под влияние определенных социокультурных условий [11]

В условиях огромного темпа развития человечества у нас появляется возможность наблюдать за различиями в поведении и ценностях людей разных поколений, потому что срок жизни человека в сравнении с прошлыми столетиями увеличивается. Характер изменения и скорость общественной нестабильности влияет на общее снижение возраста одного поколения [12].

Теория поколений создана в 1991 году американскими учеными Нейлом Хоувом и Вильямом Штраусом. Они одновременно и независимо друг от друга изучали понятие «поколения». Их внимание привлек известный «конфликт поколений», который не связан с возрастными противоречиями. Адаптацию теории поколений для России в 2003—2004 году выполнила команда под руководством Евгении Шамис.

В основу данной теории лег тот факт, что системы ценностей у людей, выросших в разные исторические периоды, различаются. Это связано с тем, что ценности

человека формируются не только в результате семейного воспитания, но и под влиянием общественных событий, всего контекста, в котором он находится в период взросления. В рамках адаптированной терминологии выделяют следующие периоды, связанные с соответствующими им поколениями XX в.: 1900–1923 гг. – величайшее поколение, 1923–1943 гг. – «молчаливое поколение», 1943–1963 гг. – «беби-бумеры», 1963–1983 гг. – «поколение X», 1983–2000 гг. – «поколение Y», 2001 г. и далее – «поколение Z». Теория Хоува и Штраусса (и ее российская адаптация) являются научно-популярным концептом. Существуют и иные, менее популярные классификации поколений (Дубин, Гражданкин и пр.).

Рассмотрим более подробно изучаемые нами поколения. Поколение беби-бумеров (1943—1963). События, которые оказали огромное влияние на формирование ценностей людей данного поколения это: победа в Великой Отечественной войне, советская «оттепель», покорение космоса, единые стандарты обучения в школах и гарантированность медицинского обслуживания. Наименование поколение получило из-за послевоенного всплеска рождаемости. Эти люди – оптимисты, командные, коллективные люди.

Далее нами рассматривается поколение X, или Неизвестное поколение (1963—1984). Их родители считали, что чем лучше ребенок научится справляться с трудностями, тем проще ему будет жить. Поэтому они не облегчали жизнь своим детям. Представители данного поколения делают выводы, основываясь на собственном опыте, но при этом сильно ориентированы на мнение близких людей, семьи. Во время взросления людей поколения X была закрытость страны, застой, холодная война, появление наркотиков, начало перестройки и много разводов, из-за чего у некоторых людей стали занимать менее устойчивое положение семейные ценности. Они больше индивидуалисты, но при этом в жизни для них очень важны самые близкие люди.

Поколение Y, или поколение Миллениум, Next (1984—2000). В систему ценностей этих людей включены понятия «мораль», «ответственность», но при этом они большинстве наивны и умеют подчиняться. На время их взросления пришлось распад СССР, военные конфликты, бурное развитие коммуникаций, цифровых технологий. Остро встала проблема зависимостей. Важный аспект — глобализация. Из-за того, что внешняя среда вокруг них менялась очень быстро, им стало присуще неверие в отдаленную перспективу.

Проводимое нами исследование опирается именно на вышеупомянутую концепцию. И исходя из этой периодизации, мы выявляем взаимосвязь между принадлежностью к поколению и представлением об успехе у представителей данного поколения.

В исследовании приняли участие 54 испытуемых, которые являются представителями разных поколений. 13 испытуемых принадлежат к поколению 1943–1963-х гг. – «беби-бумеры», 20 испытуемых принадлежат к поколению 1963–1983-х гг. – «поколение X», и 21 испытуемый принадлежит к 1983–2000-м гг. – «поколение Y». Средний возраст представителей поколения «беби-бумеров» составил 69,5 лет. Диапазон их возраста варьировался от 63 до 79 лет. Испытуемые, представляющие поколение «X», находились в возрасте от 42 до 55 лет. Их средний возраст составил 47,4. Средний возраст представителей поколения «У» составил 24,6 лет. Их возраст был равен от 19 до 34 лет.

В качестве методик исследования использовались:

1. Методика определения ценностей Шварца;
2. Шкала общей самооэффективности (Р. Шварцер, М. Ерусалем);
3. Авторская анкета.

Первая методика - методика определения ценностей Шварца (1) - на диагностику ценностной сферы позволила определить первостепенные ценности представителей каждого поколения. Методика была разделена на две части. В первой части необходимо было из списка из тридцати ценностей сначала выбрать наиболее значимую для человека ценность, а затем наименее значимую. И после этого нужно было оценить оставшиеся ценности в зависимости от их значимости для человека по указанной нами шкале от -1 до 7. Но крайние показатели -1 и 7 лучше всё же использовать как можно меньше.

Вторая часть методики содержала вопросы с 31 по 57, т.е. 27 вопросов, и в ней требовалось оценить каждый вопрос по такой же шкале от -1 до 7, с тем же условием изначального выбора наиболее и наименее значимых жизненных ценностей с оценкой 7 и -1 соответственно.

Вторая методика - шкала общей самооэффективности. Она включает 10 вопросов, которые позволили определить уровень достижений личности. А, как нам известно, именно ценности определяют направленность личности человека, его успешность и стремления. И, таким образом, мы определили успешность личности в достижении поставленных ею целей.

И третья методика – авторская анкета – состоит из основных ценностей, которые нужно было проранжировать в виде цифр от 1 до 8 от наиболее значимой и ведущей в жизни до наименее значимой на пути к достижению успеха. Где первая цифра означала наибольшую значимость ценности, её преобладание в жизни человека, а последняя цифра представляла наименьшую ценность. Таким образом, каждый испытуемый определил для себя и сопоставил важность каждой из 8 жизненных ценностей.

После проведения методик, мы перевели сырые баллы в столбальную систему для удобства в обработке и восприятию информации. А затем провели корреляционный анализ между основными ценностями и принадлежностью к поколению.

В результате психодиагностического обследования испытуемых по методикам: «Методика определения ценностей Шварца»; «Шкала общей самооэффективности» (р. Шварцер, м. Ерусалем) и авторская анкета были выявлены представления об успешности, а так же наиболее важные ценности представителей разных поколений.

Исходя из полученных и обработанных данных, определяем взаимосвязь между принадлежностью к определённому поколению и представлениями об успешности. Данные представлены на диаграмме 1 (Рис. 1).

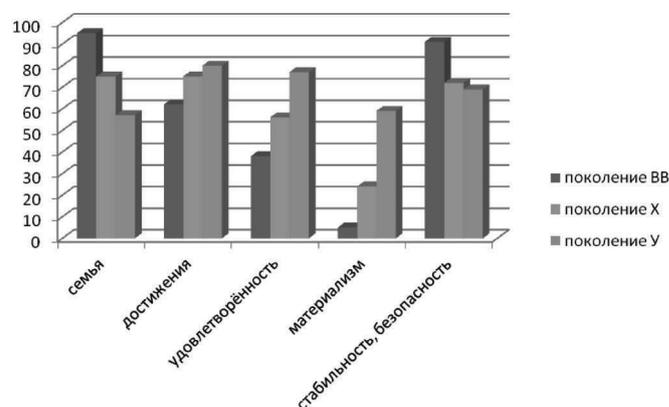

Рис. 1. Взаимосвязь между принадлежностью к определённому поколению и представлениями об успешности

Для определения наличия или отсутствия взаимосвязи между принадлежностью к определённому поколению и представлением об успехе, произведём расчет коэффициента корреляции Пирсона.

Обозначим ценность семьи, как А, стабильность – В, достижения – С, гедонизм – D, материализм - Е, и возраст - F.

1. Вычисляем сумму каждого значения интересующих нас показателей:

A = 3643
 B = 4066
 C = 4096
 D = 3229
 E = 1786
 F = 2368

2. Вычисляем среднее арифметическое по каждому показателю:

A = 67,5
 B = 75,3
 C = 75,9
 D = 59,8
 E = 33,1

F = 43,9

3. Вычисляем для каждого испытуемого отклонения от среднего арифметического (см. таблица 1).

Таблица 1

Отклонения от среднего арифметического

	A	D	C	B	E	F
1	59	50	4	-22	19	-19,1
2	-7	-21	-6	-16	19	-24,1
3	-15	22	12	-13	33	-23,1
4	-24	26	1	-13	33	-26,1
5	-13	41	15	-13	33	-24,1
6	-21	26	4	-22	33	-25,1
7	-15	17	1	-8	19	-28,1
8	42	31	8	-22	19	-25,1
9	-7	36	19	-8	19	-32,1
10	-15	41	8	-13	33	-35,1
11	-7	3	1	-22	33	-30,1
12	-13	17	8	-16	33	-19,1
13	-24	-7	1	-19	33	-21,1
14	16	36	8	-19	19	0,9
15	-13	3	-6	-5	5	-1,1
16	-10	-16	-6	12	-10	-6,1
17	-21	3	4	-2	5	-0,1
18	-21	12	-3	4	19	-1,1
19	-1	-2	-3	10	19	-1,1
20	-13	17	-6	4	33	1,9
21	-10	3	-3	7	-10	-0,1
22	-4	3	1	4	5	-9,1
23	-1	-2	4	12	5	-2,1
24	16	7	-10	4	19	-11,1
25	-4	-7	-13	10	5	-6,1
26	-13	-7	4	-8	-10	-4,1
27	-15	7	8	-8	5	-2,1
28	-21	-2	12	7	19	-1,1
29	8	7	12	7	19	-1,1
30	-13	17	8	4	33	-7,1
31	-10	-2	8	12	-10	-9,1
32	-13	3	1	10	5	-11,1
33	-18	-2	-6	10	5	0,9
34	16	-12	1	27	-10	21,9
35	16	-26	19	-10	-24	19,9
36	13	-12	-13	1	-10	23,9
37	10	-31	-10	10	-38	24,9
38	13	-16	-6	-8	5	22,9
39	10	-7	8	10	-53	22,9
40	8	-12	-6	10	5	21,9
41	16	-21	1	12	-10	10,9

	A	D	C	B	E	F
42	8	-21	-24	7	-38	9,9
43	-13	-16	-6	10	-53	13,9
44	13	-12	-6	18	-24	15,9
45	19	-21	1	10	-38	14,9
46	5	-12	-3	7	-10	14,9
47	2	-21	-3	15	-10	22,9
48	13	-16	1	1	5	22,9
49	8	-21	-13	-5	-67	14,9
50	13	-40	-3	4	-53	23,9
51	16	-16	-10	1	-24	23,9
52	2	-2	-6	10	-10	22,9
53	19	-7	-3	4	-38	18,9
54	13	-16	-6	1	-38	15,9

Подставляем полученные значения в формулу коэффициента корреляции Пирсона и получаем следующие значения:

- $r_{af} = 6657/\sqrt{262076462,07}$
 $r_{af} = 0,41$
- $r_{bf} = 7191/\sqrt{373933214,74}$
 $r_{bf} = 0,37$
- $r_{cf} = -3543/\sqrt{67741170,26}$
 $r_{cf} = -0,43$
- $r_{df} = -11336/\sqrt{131022932,36}$
 $r_{df} = -0,9$
- $r_{ef} = -19264/\sqrt{666551279,15}$
 $r_{ef} = -0,75$

Оценивая взаимосвязь между принадлежностью к определенному поколению и представлением об успехе в соответствии с таблицей значений величин коэффициента корреляции.

Таким образом, между возрастом и представлением об успехе, как о семейном благополучии присутствует слабая по силе взаимосвязь. Её слабость связана с тем, что для представителей всех поколений важны семейные ценности, но для более старших поколений они важнее, чем для более молодых.

Между принадлежностью к определённому поколению и представлением об успехе, как о стабильности и безопасности присутствует слабая по силе взаимосвязь. Это может быть обусловлено тем, что данные потребности являются базовыми для человека, поэтому присутствуют в большой степени у всех возрастных групп, но всё же наиболее сильно проявлены данные потребности у представителей более старшего поколения, пережившего ужасный послевоенный период восстановления страны, и знающего ценность стабильности и безопасности.

Между возрастом и представлением об успехе, как о

достижении желаемой цели присутствует слабая по силе отрицательная корреляция, которая обозначает, что чем к более младшему поколению принадлежит человек, тем более ему свойственно представлять успех, как достижение поставленной цели, и наоборот.

Так же, между возрастом и представлением об успехе, как о наслаждении жизнью присутствует очень сильная отрицательная корреляция. Это означает, что чем больше человек относится к более старшему поколению, тем ему менее свойственно считать успех, как способность получения удовольствия от жизни, и наоборот.

И последний показатель успеха – материальное благополучие. Между принадлежностью к поколению и представлением об успехе, как о материальном благополучии присутствует высокая отрицательная по силе корреляция. Это связано с тем, что для представителей более младшего поколения важно обеспечить своё материальное благополучие, обеспечить для себя беззаботную старость, а так же насладиться жизнью, то есть побывать в различных интересных местах, попробовать что-то новое. Всё это требует материальных затрат. А представители более старшего поколения нацелены на заботу о семье, стабильность, и для них уже не настолько важна материальная сторона жизни.

После проведения эмпирического исследования мы выяснили, что представителям самого старшего поколения 1943–1963-х гг. – «беби-бумерам», свойственно понимать под успехом семейное благополучие и стабильность. Представители 1963–1983-х гг. – «поколение X», понимают под успехом семейное благополучие и достижение жизненных целей. А представители поколения 1983–2000-х гг. – «поколение Y», считают, что успех – это материальное благополучие, удовлетворённость и наслаждение жизнью, а так же достижение целей.

Данные выводы вполне предсказуемы и обоснованы, потому что представители более младшего поколения амбициозны, полны сил для свершений и достижений, а так же стремятся узнать много нового и обеспечить для себя стабильное будущее, для чего требуется материальное благополучие. Для представителей поколения Y актуальным является осознание своих жизненных достижений. Они уже начинают готовиться пенсии, у них появляются внуки, и жизненный ракурс смещается на семейные ценности. Представители же самого старшего поколения в большинстве своём уже не работают, заботятся о внуках. Для них самым важным является благополучие семьи.

Таким образом, проведенное исследование позволило нам выявить различия в представлениях об успехе у представителей разных поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова. Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений – М.: Русские словари. - 1999.
2. Батурич Н.А. Психология успеха и неудачи: учеб. пособие. - Челябинск: ЮУрГУ. - 1999. - 99 с.
3. Дементий Л.И. Ответственность как ресурс личности – М.: ИнформЗнание. - 2005. -188 с.
4. Дергунов Т. Практическое пособие начинающего руководителя / -М: Манн, Иванов и Фербер. - 2015. - 205с.
5. Дружилов С.А. Психология профессионализма: Инженерно-психологический подход. – Харьков: Издательский дом «Гуманитарный центр». - 2011. – 296 с.
6. Лабунская В.А. Психология успешного поведения личности / В.А. Лабунская, О.И. Ефремова // Социальная психология личности в вопросах и ответах : учеб. пособие для вузов / под ред. В.А. Лабунской. – М.: Гардарики. - 1999. – 397 с.
7. Лабунская В.А. «Социальная психология личности в вопросах и ответах» М., 1999.
8. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М. - 1975.
9. Манухина С. Эмпирический анализ мотивации достижения как структурного образования. М. - 2002.
10. Постникова М.И. Межпоколенные отношения в контексте культурно исторической концепции / М.И. Постникова // Мир науки, культуры и образования. – 2010. – № 4 (23). – С. 125–128.
11. Постникова М.И. Поколение и проблематика / М.И. Постникова, И.А. Шевчук // Мир науки, культуры и образования. – 2007. – № 6. – С. 87–91.
12. Сочивко Н.В. Проблема изучения поколений в психологии / Н. В. Сочивко // Культур.-ист. психология. – 2011. – Т.11, № 2. – С. 100–107.
13. Толковый словарь русского языка: В 4т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М. - 2000.
14. Фрейдджер Р.,Фейдимен Д. «Личность. Теории, упражнения, эксперименты» - СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. – 608 с.
15. Хелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Издательство «Питер». - 1999. - 608 с.
16. Гюева Е.П. Феномен успеха в воззрениях классиков психоанализа и гештальтпсихологии [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6.; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15797> (дата обращения: 05.01.2020).

© Шукшина Людмила Викторовна (liudmila.shukshina@yandex.ru), Мизонова Ольга Викторовна (mizonovaov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТНЫХ И КОММУНИКАТИВНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ШКОЛЬНИКОВ ПОСРЕДСТВОМ НАСТОЛЬНЫХ ИГР

DEVELOPMENT OF PERSONAL AND COMMUNICATIVE CHARACTERISTICS OF SCHOOLCHILDREN THROUGH BOARD GAMES

*N. Shcherbakova
D. Umnyu*

Summary: The article is devoted to the actual problem of the development of personal and communicative characteristics of schoolchildren through board games. Analyzing various approaches to the study of personality and personal characteristics of a person, special attention is paid to the theory of R.B. Kettell. According to the definition of the author of this theory, personality traits are relatively constant, manifested at different times and in different situations, tendencies of a certain response, and the area in which these tendencies manifest themselves is very large. The features of the communicative side of communication in adolescent children are revealed.

The results of the study of the dynamics of indicators of communicative and personal characteristics before and after the impact of the correctional program using board games to assess its effectiveness are presented. The article describes the thematic planning of the program for the development of personal and communicative features in adolescent children.

Keywords: development, personality, personality traits, interpersonal communication, communication skills, board game, adolescence.

Щербакова Наталья Евгеньевна
к.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Пензенский
государственный университет»
stenyakova-n@mail.ru

Умный Дмитрий Дмитриевич
преподаватель, ГАПОУ ПО «Пензенский
социально-педагогический колледж»
umnyydd@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме развития личностных и коммуникативных особенностей школьников посредством настольных игр. Анализируя различные подходы к изучению личности и личностных особенностей человека, особое внимание отводится теории Р.Б. Кеттелла. По определению автора данной теории, черты личности - это относительно постоянные, проявляющиеся в разное время и в разных ситуациях, тенденции определенного реагирования, причем, область, в которой эти тенденции проявляются, очень велика. Выявлены особенности коммуникативной стороны общения у детей подросткового возраста.

Представлены результаты проведенного исследования динамики показателей коммуникативных и личностных особенностей до и после воздействия коррекционной программы с использованием настольных игр для оценки ее эффективности. Описано тематическое планирование программы развития личностных и коммуникативных особенностей у детей подросткового возраста.

Ключевые слова: развитие, личность, личностные особенности, межличностное общение, коммуникативные умения, настольная игра, подростковый возраст.

В последнее время большую популярность приобретают различные настольные игры. До XXI века настольные игры существовали, а их направленность носила общеразвивающий характер. Современные настольные игры - необычные, неординарные, увлекательные, развивают внимание, память, аналитическое мышление, фантазию, сообразительность, командное взаимодействие и другие важные качества. Настольные игры, представляя собой ненавязчивый способ решения различных психологических проблем, играют большую роль в развитии подростков.

Проблемы коммуникативного и межличностного взаимодействия, организации специальной речевой деятельности рассматривали такие отечественные ученые, как Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев, В.Н. Мясищев, С.Л. Рубинштейн [2; 4; 8; 10]. Исследования Г.М. Андреевой, В.Н. Панфёрова, Г.С. Трофимовой, Д.Б. Эльконина [1; 9; 12; 13]

и других доказывают необходимость целенаправленной работы по развитию личностных особенностей.

Анализ специальной литературы показал, что вопросы общей подготовки школьников к общению, развития индивидуальных коммуникативных качеств человека, коммуникативных навыков и компетенций достаточно широко представлены в психологической науке. Между тем использование игры как средства содействия процессу обучения и развития коммуникативных навыков, преодоления коммуникативных трудностей, повышения культуры речи в отечественных психологических исследованиях освещается недостаточно.

В связи с этим, целью нашего исследования было изучение динамики показателей коммуникативных и личностных особенностей до и после воздействия коррекционной программы с использованием настольных игр

для оценки ее эффективности.

Мы проанализировали различные подходы к изучению личности и личностных особенностей человека. Личностные особенности – внутренние и глубинные особенности людей. К личностным особенностям относят те внутренние особенности, которые кажутся более глубокими, глубинными, стабильными (долговременными) и влияющими на все другие особенности человека. Личностные особенности – это не только и не столько способности, темперамент, психологический характер и рисунок тела, сколько мотивы людей, их стремления и воля, их личностная устойчивость и личностная идентичность.

Особое значение в работе над личностными особенностями отводится теории Р.Б. Кеттелла. Главная организующая концепция личности Р.Б. Кеттелла заключается в описании различных типов черт, которые им были выявлены. По определению автора данной теории, черты личности – это относительно постоянные, проявляющиеся в разное время и в разных ситуациях, тенденции определенного реагирования, причем, область, в которой эти тенденции проявляются, очень велика [6]. Черты личности являются гипотетическими психическими структурами, которые обнаруживают себя в поведении и, в какой-то мере, предопределяют одинаковое поведение в разное время и разных местах.

Затем мы изучили основные особенности коммуникативной стороны общения и выяснили, что без умения правильно донести информацию до собеседника невозможен процесс общения и межличностного взаимодействия. Для этого необходимо не только научиться правильно выражать свои мысли с учетом личностных особенностей слушателя, его характеристик и потребностей, но и уметь слышать и слушать человека, пытающегося передать нам определенную информацию [5; 7].

И, безусловно, именно в подростковом возрасте, когда на первый план выходит межличностное взаимодействие и общение, подростку необходимо знать и уметь общаться, тем самым формируя понятие о себе в кругу своих знакомых и друзей.

Подростковый период является очень ответственным, потому что он зачастую определяет дальнейшую жизнь человека. Утверждение независимости, формирование личности, выработка планов на будущее – все это формируется в этом возрасте. Именно из-за важности данного возраста важно преодолеть негативизм подростка, и помочь ему с развитием коммуникативных навыков и умений, помочь ему сформировать некоторые важные коммуникативные особенности, иначе подросток может оказаться еще более отчужденным от сверстников и окружающих его взрослых.

Проведенный анализ литературных источников, касающихся различных аспектов развития личностных и коммуникативных особенностей позволил наметить подходы к осуществлению экспериментальной части нашего исследования.

Эмпирическая база исследования: МБОУ СОШ №18 г. Пензы. В исследовании приняли участие школьники 13-14 лет (учащиеся 7 классов). Общее количество выборки составило 48 человек.

Первый этап – проведение констатирующего эксперимента исследования. На данном этапе был использован следующий комплекс психодиагностических методик:

1. «Тест коммуникативных умений Михельсона» (адаптация Ю.З. Гильбуха) - позволяет определить уровень коммуникативной компетентности и качество сформированности основных коммуникативных умений.
2. Подростковый 14-факторный личностный опросник Кеттелла 14PFHSPQ (2) - позволяет выяснить особенности характера, склонностей и интересов личности.
3. Тест «Оценка самоконтроля в общении» (М. Снайдер) – направлен на оценку самоконтроля в общении.

На втором этапе была разработана и апробирована программа с использованием настольных игр, направленная на развитие коммуникативных особенностей подростков. Она включала в себя проведение формирующего эксперимента, который представляет собой программу, направленную на развитие коммуникативных особенностей и состоит из 10 занятий.

Основная часть занятий разработана с опорой на значимые проблемы детей данного возраста, каждая игра из данной программы позволяет проработать различные ситуации, с которыми подростки сталкиваются каждый день.

Третий этап – проведение контрольного эксперимента. Анализ полученных результатов исследования. Формулировка выводов, основанных на полученном материале после статистической обработки при помощи U-критерия Манна и Уитни и t-критерия Стьюдента.

На первом этапе исследования для оценки различий между контрольной и экспериментальной группой по исследуемым параметрам перед проведением формирующего эксперимента был применен метод статистической обработки данных U-критерий Манна-Уитни. Анализ полученных данных отражает следующие результаты, представленные в таблице 1.

Анализируя представленные в таблице 1 результаты,

Таблица 1.

Выявление различий по исследуемым шкалам между экспериментальной и контрольной группой до проведения формирующего эксперимента

Шкала	Средние значения в эксп. гр.	Средние значения в контр. гр.	UЭмп
Сфера реагирования на положительное высказывание партнера	41,67	44,31	221
Сфера реагирования на отрицательное высказывание партнера	34,03	36,65	262
Сфера помощи	51,74	52,08	276
Сфера беседы	42,92	44,58	224
Сфера проявления эмпатии	47,92	48,19	209
А «шизотимия-аффектотимия»	5,75	5,82	283
В Интеллект	5,54	5,71	264
С Степень эмоциональной устойчивости	5,27	5,31	289
Д « флегматичность – возбудимость»	4,79	4,62	265
Е «подчиненность-доминирование»	5,53	5,73	266
Ф « Осторожность – легкомыслие»	5,34	5,74	241
Г Степень принятия моральных норм	4,6	4,32	252
Н «застенчивость-авантюризм»	4	4,25	230
И « Реализм – сензитивность»	4,75	4,87	266
Ж «неврастения, фактор Гамлета»	4,89	4,81	288
О « Самоуверенность – склонность к чувству вины»	4,58	5,19	215
Q2 «степень групповой зависимости»	4,33	4,48	257
Q3 «степень самоконтроля»	4,32	4,48	253
Q4 «степень внутреннего напряжения»	4,62	4,79	263
Уровень самоконтроля	4,13	3,93	223
UKpp≤0.01		174	
UKpp≤0.05		207	

мы можем сделать вывод об отсутствии различий, так как эмпирические значения превышают пороговое значение при $p \leq 0,05$.

На втором этапе исследования была реализована программа по развитию личностных и коммуникативных навыков детей подросткового возраста. Апробация программы проводилась только со школьниками из экспериментальной группы.

Ниже представлено тематическое планирование программы развития личностных и коммуникативных особенностей у детей подросткового возраста «Затерянный мир».

1 занятие. Остров страха (2 часа). Цели: 1) установить правила взаимодействия; 2) сплочение участников тренинга; 3) раскрепощение во время занятий; 4) создание безопасной обстановки для выражения эмоций и чувств.

Содержание: 1. Приветствие. 2. Введение: «Все-некоторые-только я». 3. Основная часть: настольная игра «Остров страха». Данная игра более сюжетная и сценарная, чем остальные, и это необходимое условия для выполнения целей. 4. Рефлексия.

2 занятие «Диксит» («Dixit») (2 часа). Цель: развитие умения выражать свои мысли так, чтобы другим было понятно и интересно слушать.

Содержание: 1. Приветствие. 2. Введение. 3. Основная часть: настольная игра «Диксит» («Dixit»). Особая задача в данной игре суметь выразить свои мысли так, чтобы создать интересную ситуацию. Это значит, что для описания карты участник будет стараться загадать загадку для остальных игроков. Тем самым показав свой взгляд на данную карточку. В это время все остальные игроки могут потренировать свое умение понимать ход мыслей другого человека. 4. Рефлексия.

3 занятие «Диксит» («Dixit») (2 часа). Цель: развитие умения грамотно и понятно формулировать рассказ, соблюдая все структурные элементы: понятно, содержательно, информативно.

Содержание: 1. Приветствие. 2. Введение. 3. Основная часть: настольная игра «Диксит» («Dixit»). Если в прошлом занятии, игрокам требовалось дать название для карты, и отгадать как эту же карту назвал другой, то теперь задача будет сложнее. Каждый игрок получит на руки 7 карт, и придумает историю с помощью рисунков на этих картах. Целью игрока будет рассказать интересную историю. Истории рассказываются по кругу пока не расскажут все. После чего с помощью закрытого (анонимного) голосования выбирается самая интересная история. 4. Рефлексия.

4 занятие «Активити» (2 часа). Цель: развитие умения доносить до других свои мысли разными способами.

Содержание: 1. Приветствие. 2. Введение. 3. Основная часть: настольная игра «Активити». Основная задача игры – успеть за одну минуту объяснить участникам своей команды слово или словосочетание, указанное на карте с заданием. 4. Рефлексия.

5 занятие «Цитадели» (2 часа). Цель: развитие умения использовать различные стратегии коммуникации при взаимодействии с другими людьми.

Содержание: 1. Приветствие. 2. Введение. 3. Основная часть: настольная игра «Цитадели». Каждому человеку необходимо тренироваться использовать разные стратегии коммуникации. 4. Рефлексия.

6 занятие «Мафия» (2 часа). Цель: развитие умения использовать различные стратегии коммуникации при взаимодействии с другими людьми.

Содержание: 1. Приветствие. 2. Введение «Подарок». 3. Основная часть: настольная игра «Мафия». «Мафия» — это словесная ролевая игра, позволяющая развить навыки вербального и невербального общения. 4. Рефлексия.

7 занятие «Гномы-вредители» (2 часа). Цель: развитие умения использовать различные стратегии коммуникации при взаимодействии с другими людьми.

Содержание: 1. Приветствие. 2. Введение «Я никогда не...». 3. Основная часть: настольная игра «Гномы-вредители». Игра учит внимательному наблюдению за поведением игроков, анализировать ситуацию. Эта карточная игра состоит из карт туннелей, карт действий и карт золотых самородков. 4. Рефлексия.

8 занятие «Манчкин» (2 часа). Цель: развитие навыков

здоровой конкуренции.

Содержание: 1. Приветствие. 2. Введение «Комплимент». 3. Основная часть: настольная игра «Манчкин». Данная игра связана с умением играть за себя, помнить о своих собственных целях. Иными словами, важно не только сотрудничать, но и уметь правильно конкурировать. 4. Рефлексия.

9 занятие «Alias» (2 часа). Цель: развитие навыка объяснять свою позицию.

Содержание: 1. Приветствие. 2. Введение «Комплимент». 3. Основная часть: настольная игра настольная игра «Alias». В игре «Alias» нужно объяснить другими словами разгадываемое слово. 4. Рефлексия.

10 занятие «Я знаменитость» (2 часа). Цель: развитие умения правильно задавать уточняющие вопросы и следить за логикой собеседника.

Содержание: 1. Приветствие. 2. Введение «Я никогда не...». 3. Основная часть: настольная игра «Я знаменитость». Важно понимать своего собеседника, но не менее важным является умение правильно задавать уточняющие вопросы и следить за логикой собеседника, чтобы опять же лучше его понимать. 4. Рефлексия.

Для проверки эффективности разработанной программы психолого-развивающих занятий с помощью настольных игр была проведена вторичная диагностика (контрольный этап исследования). Полученные результаты наглядно представлены в таблице 2.

Средние значения и рассчитанные эмпирические значения критерия Стьюдента по коммуникативным навыкам в двух группах до и после проведения программы, позволяет подтвердить гипотезу о том, что коррекционная программа эффективна:

1. В экспериментальной группе в сфере реагирования на отрицательное высказывание партнера подростки стали более компетентными в общении ($t_{эмп}=3,4$ при $p \leq 0,01$).
2. В экспериментальной группе по фактору А «шизотимия-аффектотимия» подростки стали более общительными, добрыми и эмоциональными ($t_{эмп}=3,2$ при $p \leq 0,01$).
3. В экспериментальной группе в сфере реагирования на положительное высказывание партнера подростки стали более компетентными в общении ($t_{эмп}=2,5$ при $p \leq 0,05$).
4. В экспериментальной группе в сфере помощи подростки стали более компетентными в общении ($t_{эмп}=2,7$ при $p \leq 0,05$).
5. В экспериментальной группе по фактору Е «подчиненность-доминирование» подростки стали

Таблица 2.

Средние значения различных шкал у подростков контрольной и экспериментальной групп до и после программы

Шкалы	Экспериментальная группа		Контрольная группа		tэмп
	До формир. эксп.	После формир. эксп.	До формир. эксп.	После формир. эксп.	
Сфера реагирования на положительное высказывание партнера	41,67	47,40	45,31	45,83	2,5
Сфера реагирования на отрицательное высказывание партнера	34,03	44,62	39,65	40,36	3,4
Сфера помощи	51,74	59,37	52,08	56,94	2,7
Сфера беседы	42,92	47,50	34,58	37,25	1,9
Сфера проявления эмпатии	47,92	50,69	38,19	41,18	3,3
А «шизотимия-аффектоимия»	5,75	7,62	5,82	6,32	3,5
В Интеллект	5,54	6,76	5,71	6,3	2,3
С степень эмоциональной устойчивости	5,27	5,6	5,31	4,5	1,4
D «флегматичность – возбудимость»	4,79	5,9	4,62	4,9	1,9
E «подчиненность-доминирование»	5,53	5,7	5,73	5,9	2,6
F «Осторожность – легкомыслие»	5,34	5,5	5,74	5,55	1,7
G Степень принятия моральных норм	4,6	4,8	4,32	4,52	1,9
H «застенчивость-авантюризм»	4	6,4	4,25	4,3	3,4
I «Реализм – сензитивность»	4,75	6,87	4,87	5,1	3,2
J «неврастения, фактор Гамлета»	4,89	4,96	4,81	4,92	1,1
O «Самоуверенность – склонность к чувству вины»	4,58	5,2	5,19	5,19	1,9
Q2 «степень групповой зависимости»	4,33	5,64	4,48	4,55	3,2
Q3 «степень самоконтроля»	4,32	6,7	4,48	4,8	2,4
Q4 «степень внутреннего напряжения»	4,62	6,2	4,79	4,75	2,6
Уровень самоконтроля	4,13	5,2	3,93	4,1	3,4
tp≤0.01	3,11				
tp≤0.05	2,2				

более уверенными в себе, инициативными и проявляют лидерские качества (t эмп =2,3 при p≤0,05).

6. В экспериментальной группе по критерию уровень коммуникативного контроля подростки стали гибкими в общении, и теперь в большей степени учитывают окружающих людей при выборе своей модели поведения. (t эмп =3,4 при p≤0,01).
7. В экспериментальной группе в сфере проявления эмпатии подростки стали более компетентными в общении (t эмп=3,3 при p≤0,01).
8. В экспериментальной группе по фактору Q2 «степень групповой зависимости» подростки стали более самостоятельными и самодостаточными (t эмп=3,2 при p≤0,01).
9. В экспериментальной группе по фактору Q3 «степень самоконтроля» подростки стали характеризоваться более сильной волей, способностью к контролю поведения и большей настойчиво-

стью в преодолении препятствий (t эмп=2,4 при p≤0,01).

10. В экспериментальной группе по фактору Q4 «степень внутреннего напряжения» подростки стали внутренне более расслаблены и спокойны (t эмп=2,6 при p≤0,01).

В контрольной группе результаты диагностики остались практически неизменными и полученное эмпирическое значение критерия Стьюдента позволяет сделать вывод об отсутствии различий, так как эмпирическое значение не достигло порогового значения при p≤0,05.

Таким образом, выдвинутое нами предположение о том, что специально разработанная программа с использованием настольных игр является эффективной для развития личностных и коммуникативных особенностей у подростков.

В результате исследования были получены достоверные данные, свидетельствующие об эффективности развития личностных и коммуникативных особенностей при помощи настольных игр. Разработана программа по развитию личностных и коммуникатив-

ных особенностей «Затерянный мир». Результаты исследования имеют прикладное значение в деятельности школьных психологов и могут быть применены в процессе групповой психологической работы с подростками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М. Возрастная психология: учебное пособие. – М.: Академия, 2014. – 704 с.
2. Выготский Л.С. Вопросы детской (возрастной) психологии // Собр. соч.: В 6 т. – Т.4. – 2016. – 199 с.
3. Гозман Л.Я. Психология эмоциональных отношений. – М., 2016. – 225 с.
4. Леонтьев А.А. Деятельность. Сознание. Личность (сборник). / ред. А.В. Запорожец. - М.: Академия, 2004. – 175 с.
5. Лобыгин А.Н. Преодоление коммуникативных затруднений старших подростков на основе системы полифункциональных дидактических игр: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. - Ижевск, 2006.- 23с.
6. Многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла: Руководство. - Челябинск: Психологический центр ПсихРОН, 2005. – 62 с.
7. Мудрик А.В. Общение как фактор воспитания школьников. – М.: Педагогика, 1984. – 112 с.
8. Мясичев В.Н. Психология отношений. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 2005. – 356 с.
9. Парыгин Б.Д. Практикум по социально-психологическому тренингу – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Издательство Михайлова В. А., 2000. – 352 с.
10. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии – СПб.: Питер, 2002. – 720 с.
11. Стенякова Н.Е., Умный Д.Д. Настольные игры как средство развития коммуникативных и личностных особенностей школьников // Современное образование: научные подходы, опыт, проблемы, перспективы. Сборник статей по материалам XVI национальной заочной научно-практической конференции (с международным участием) «артемовские чтения» / под общ. ред. М.А. Родионова. Пенза, 2020. – С. 48 – 54.
12. Эльконин Д.Б. Психическое развитие в детских возрастах. - М.: ИПП, 2012. – 416 с.
13. Эльконин Д.Б. Психология игры. - М.: Издательский центр «Академия», 2002 – 243 с.

© Щербакова Наталья Евгеньевна (stenyakova-n@mail.ru), Умный Дмитрий Дмитриевич (umnyydd@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КИТАЙСКАЯ ВОЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ: ТРИ ПРИНЦИПА СУНЬ ЦЗЫ

CHINESE MILITARY PHILOSOPHY:
THREE PRINCIPLES BY SUN TZU

V. Kardashov

Summary: The article is devoted to the problem of philosophical understanding of China's military strategy from the point of military philosophy. The purpose of the article is to review the basic principles of Chinese military philosophy, formulated over 2.5 thousand years ago, but still relevant today. The objectives of the article are: content analysis of scientific literature on the research topic; in considering the basic principles of China's military philosophy and their implementation in relations with the outside world. The research methodology is based on a systematic approach and includes the methods of the general scientific group (analysis, synthesis, deduction, induction); as well as special methods: content analysis of scientific literature on the research topic; factual analysis; and the method of retrospective analysis. The article analyzes the principles of China's military philosophy, set forth in the treatise of the philosopher Sun Tzu. The scientific novelty of the research lies in the fact that the author of the article proposes China's strategy from the standpoint of understanding the basic principles of military philosophy. Based on the results of the study, the author of the article came to the following conclusions: 1) Chinese military philosophy, having ancient traditional roots, is implemented in the "soft power" strategy within the framework of China's public diplomacy; 2) according to the principles of military philosophy, China prefers not to enter into open military confrontation without the need for self-defense; 3) all the principles of China's military philosophy directly contradict the possibilities of China's entry into any strategic alliance with other states.

Keywords: military philosophy, China, Russia, civilizational paradigm, strategic partnership.

Кардашов Виктор Анатольевич

Аспирант, Московский государственный областной университет, г. Москва
p.technologies@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме философского понимания военной стратегии Китая с точки зрения военной философии. Цель статьи заключается в рассмотрении основных принципов китайской военной философии, сформулированных более 2,5 тысяч лет назад, но актуальных до сих пор. Задачи статьи заключаются в контент-анализе научной литературы по теме исследования; в рассмотрении основных принципов военной философии Китая и их реализации в отношениях с внешним миром. Методология исследования основана на системном подходе и включает в себя методы общенаучной группы (анализ, синтез, дедукция, индукция); а также специальные методы: контент-анализ научной литературы по теме исследования; фактографический анализ, а также метод ретроспективного анализа. В статье проанализированы принципы военной философии Китая, изложенные в трактате философа Сунь Цзы. Научная новизна исследования заключается в том, что автор статьи предлагает стратегию Китая с позиций понимания основных принципов военной философии. По итогам проведенного исследования автор статьи пришел к следующим выводам: 1) китайская военная философия, имея древние традиционные корни, реализуется в стратегии «мягкой силы» в рамках публичной дипломатии Китая; 2) согласно принципам военной философии, Китай предпочитает не вступать в открытую военную конфронтацию без необходимости самообороны; 3) все принципы военной философии Китая прямо противоречат возможностям вступления Китая в какой-либо стратегический союз с другими государствами.

Ключевые слова: военная философия, Китай, военная стратегия, философские принципы, философский трактат.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в последнее время, при интенсификации развития Китая, большинство аналитиков считают такую динамику показателем возможности осуществления Китаем плана по созданию военного союза с некоторыми странами Центральной Азии. Тем не менее, политологами и военными аналитиками не учитывается очень важный философский аспект – военная философия Китая имеет коренные отличия от западных стратегий и составляет основу китайского сотрудничества с любой из зарубежных стран.

Неверное понимание внешней стратегии Китая с позиций его философской доктрины может привести к неверному прогнозированию действий Китая на бли-

жайшую перспективу, поэтому изучение философской основы позиции Китая на международной арене становится особенно актуальным.

Историография исследуемой темы достаточно обширна и состоит из трудов как отечественных, так и зарубежных авторов. В частности, общие основы китайской философии рассматриваются в работах таких отечественных исследователей, как Г.С. Каретина [1], С.А. Себекин, А.В. Костров [2], С.Г. Лузянин [4], В.В. Хандархаева [6], Е.А. Тюгашев и Ю.В. Попков [3].

Среди работ зарубежных авторов можно выделить исследования Р.Дж. Аллена [7] и В.Р. Аллена [8], Х. Фейгера [10], которые посвящены философии Китая с точки зрения концепции «мягкой силы» (soft power) и теории познания в военной философии Китая в сопоставлении

с западной философией. Историографический обзор работ по военной философии Китая можно найти в исследовании Э. Оннис и Сяо Оуян [9]. Особый интерес с точки зрения исследуемой темы имеет, на наш взгляд, работа Ф. Фукуямы [5], в которой отражена специфика цивилизационной парадигмы и ее философского основания в Китае.

В последние годы в китайских научных кругах ведутся жаркие споры о традиционной стратегической культуре и ее влиянии на современное военное мышление.

В частности, в статье Э. Оннис и Сяо Оуян [9] делается попытка проанализировать и объяснить различия между китайскими и западными военными традициями с философской точки зрения. Авторы обобщают различия в китайских и западных военных традициях в следующих парадигмах: «справедливость» против «интересов», «человеческий фактор» против «оружейного фактора»; «стратагема» против «силы»; а также пытаются отследить их древние философские корни. По их мнению, китайская военная традиция фокусируется на «человеке», подчеркивая этические и моральные аспекты войны, ценит «человеческий фактор» больше, чем «фактор оружия», и «предпочитает победу, одержанную мудростью, победе, одержанной жестокой силой» [9, с.97]. С другой стороны, западная стратегическая культура демонстрирует приоритет «материального фактора», делая акцент на интересах, оружии и силе в военных расчетах. Как культурное наследие, специфика принципов военной философии Китая перекликается с традиционным конфуцианством [1, с.4] и по-прежнему оказывает влияние на современное стратегическое мышление и принятие решений китайской стороной в отношениях с внешним миром.

Три принципа военной философии Сунь Цзы и их реализация в отношениях с внешним миром

Сунь Цзы (или Сунь Цзы) был китайским генералом, военным стратегом и философом, жившим в период «Весны и Осени» в Древнем Китае (VI-V века до н. э.). Сунь-цзы традиционно считается автором книги «Искусство войны», широко известной работы в области военной стратегии, оказавшей влияние как на западную, так и на восточную философию. Помимо своего наследия как автора «Искусства войны», Сунь Цзы почитается в китайской и азиатской культуре как легендарная историческая личность. Имя Сунь Цзы (Сунь-Цзы), под которым он наиболее известен на Западе, в Китае является весьма почетным, что означает «Владыка Солнца».

«Искусство войны» – это древний китайский военный трактат, датируемый V веком до нашей эры. Приписываемый древнекитайскому военному стратегу Сунь

Цзы – «Владыке Сунь», текст состоит из 13 глав, каждая из которых посвящена одному из аспектов ведения войны. Данный текст считается историками завершённой работой по военной стратегии и тактике. Трактат был размещен в коллекции «Семь военных классиков Китая», после ее создания в 1080 году императором Сун Шэнь-цзуном, и долгое время оставался самым влиятельным стратегическим текстом в Восточной Азии. Он оказал влияние на восточное и западное военное мышление, бизнес-тактику, правовую стратегию и не только.

Разумеется, когда Сунь Цзы писал свой знаменательный военный трактат «Искусство войны», Китай еще не мог претендовать на какую-либо глобальную роль в мировой политике. Однако три принципа военной философии Сунь Цзы, которыми руководствуются современные китайские лидеры в выстраивании отношений с внешним миром, до сих пор актуальны. Более того, Китай никогда не провозглашал своей приверженности к какому-либо блоку государств [11, с.208], поэтому подход к отношениям с внешним миром нельзя считать исключением из принципов, применяемых в китайской военной философии.

Первый принцип военной философии Сунь Цзы звучит как «знай врага и узнай себя (知己知彼, 百战不殆)» [7, с.10]. Он отражается в интересе к зарубежной культуре, языку и наращиванию присутствия китайской культуры в рамках институтов Конфуция практически во всех странах мира. Такая «мягкая сила» уже приносит свои плоды, что выражается в росте доверия политического социума к Китаю как к стратегическому партнеру. Подтверждение данного тезиса можно найти в следующих фактах: опросы, проводимые агентством «Gallup», показали, что Китай как глобальный лидер вызывает гораздо больше доверия, чем прежде: средний рейтинг одобрения Китая как мирового лидера вырос до 34 %, что почти равно рейтингу США [11, с.244].

Зная философский принцип о «знай врага и узнай себя», которым руководствуется КНР, можно отметить, что в реализации своей стратегии китайские лидеры выстраивают прочный «пояс безопасности» не столько с военной, сколько с экономической позиции, что реализуется в глобальном проекте «Один пояс – один путь», целью которого является создание современной версии знаменитого «Шелкового пути». При этом никаких военных союзов на долгосрочной основе Китай не заключает ни с одной из стран внешнего мира.

Более того, история Китая показывает, что это государство никогда не заключало военного союза ни с одной из стран, потому что такой опыт противоречит другому принципу военной философии Сунь Цзы: «как вода не сохраняет постоянной формы, так и в войне нет по-

стоянных условий (故兵无常势, 水无常形)» [7, с.10]. Это означает, что ни одно государство мира не может рассчитывать на прочный и долговременный военный союз с Китаем. Он может сближаться со странами, лояльными к его внешней политике, только на время и под воздействием внешних угроз.

Второй принцип Сунь Цзы перекликается, на наш взгляд, с постулатами традиционного для Китая конфуцианства, в частности – с принципом Чжи (智), символизирующим здравый смысл, мудрость и умение просчитывать последствия своих действий, смотреть на них со стороны, в перспективе. Чжи в конфуцианстве ассоциируется с элементом Воды, что означает подвижность и постоянную адаптацию к меняющимся внешним условиям [1, с.4]. В военной философии принцип Чжи прослеживается как стремление к сохранению «свободы маневра» в отношениях с любыми возможными странами-сателлитами в ситуации войны. Интересно, что идеи конфуцианства прослеживаются в военной этике Китая, сочетаясь с принципами, сформулированными Сунь Цзы.

Анализ классических конфуцианских текстов показывает, что конфуцианство действительно содержит определенные принципы военной этики и сыграло значительную роль в войнах, которые повлияли на развитие Китая. С точки зрения китайской философии, конфуцианский текст «Великое обучение» утверждает, что конечной целью всех людей является достижение мирового порядка и мира. Судя по разным переводам, это может означать, что люди должны либо достичь мира во всем мире, либо умиротворить человечество [1, с.4]. В этом случае, чтобы правитель был правителем, у Сына Неба был моральный долг – умиротворение ради мира во всем мире, даже если война станет императивным средством достижения или поддерживать эту цель. Таким образом, даже если насилие и война не будут рассматриваться как основные средства установления мира, в случаях, когда сила требуется для поддержания стабильности или умиротворения угрозы, война будет допустимой.

Более того, Китай вообще не намерен воевать в «горячей» фазе войны, ни на чьей стороне. В философском отношении это выражается в третьем принципе Сунь Цзы: «высшее искусство войны - подчинить врага без боя (不战而屈人之兵, 善之善者也)» [7, с.11]. Данный тезис подтверждается всей практикой публичной дипломатии Китая, которая заключается в наращивании культурного, языкового, экономического присутствия во всем мире. Хотя Сунь Цзы обосновал принципы военной философии Китая за 2,5 тысячелетия до настоящего времени, его стратегии остаются актуальными сегодня для китайского политического социума.

Согласно военной философии Китая, описываемой в работе Ф. Фукуямы [9], противоположные системы всегда идут по пути поглощения: наиболее сильная система поглощает и ассимилирует более слабую. Необходимо отметить, что с этих позиций Китай всегда ассимилировал всех тех, кто пытался завоевывать его территории: яркий пример тому буквальное растворение монголов в китайской цивилизации после завоевания Китая в XIII веке. На современном этапе тезис о способности поглощения китайской цивилизацией любых инородных социумов легко доказуем фактами проявления «мягкой силы», которая стала неотъемлемой частью публичной дипломатии Китая после открытия его границ внешнему миру.

Выводы

По итогу проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Военная философия Китая в принципах Сунь Цзы может быть использована как основа для прогнозирования стратегии отношений Китая с внешним миром, поскольку в стратегии «мягкой силы» явно прослеживается связь с древней китайской традицией.
2. Все основные принципы китайской военной философии, подтверждают, что для Китая сохранение «свободы маневра» в войне значительно превышает все выгоды военного стратегического союза с каким-либо из государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каретина, Г.С. Конфуцианство в процессе модернизации Китая / Г.С. Каретина // Известия Восточного института. – 2019. – № 2. – С.3-9.
2. Себекин, С.А., Костров, А.В. Военная философия Китая и кибервойна: традиционная концептуальная основа для нетрадиционных операций / С.А. Себекин, А.В. Костров // Международные отношения. – 2019. – № 3. – С. 63 -80.
3. Тюгашев, Е.А., Попков, Ю.В. Теоретико-методологическое проблемное поле российского проекта цивилизационного развития / Е.А. Тюгашев, Ю.В. Попков // Проблемы цивилизационного развития. – 2020. – № 1. – С. 1-14.
4. Лузянин, С.Г., Никонов В.А. Россия - Китай: формирование обновленного мира / С.Г. Лузянин. – М.: Весь Мир. – 2018. – 358 с.
5. Фукуяма, Ф. Угасание государственного порядка / Пер. С англ. К. М. Королева / Ф. Фукуяма. – М.: Издательство АСТ. – 2017. – 704 с.
6. Хандархаева, В.В. Проблема взаимодействия противоположностей в философии Китая / В.В. Хандархаева // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. – 2015. – № 6. – С. 30-36.
7. Allen, R.J. Law and Philosophy in China and Elsewhere. Chapter in the book: Facts and Evidence. 2021. – P. 3-14.

8. Allen, B. War as a Problem of Knowledge: Theory of Knowledge in China's Military Philosophy. *Philosophy East and West*. 2016. Vol. 65(1). – P.1-17.
9. Erica Onnis, Xiao Ouyang. Introduction. The unbalanced relationship between the study of Western philosophy in China and that of Chinese philosophy in the west. *Rivista di Estetica*. 2019. – 503 p.
10. Feger, H. Three Chinese Philosophy – Philosophy in China. *Yearbook for Eastern and Western Philosophy*. 2016. Vol. 1. – P.12-22.
11. Kai Yang. *The Art of War: An Outline of Military Philosophy in China*. 2020. – 458 p.

© Кардашов Виктор Анатольевич (p.technologies@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный областной университет

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА МОДЕЛЬ ПСИХИКИ ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ И. КАНТА

Крюков Владимир Германович
Д.н.с.х.н., Western Kennedy University
infomodelpsi@mail.ru

A MODERN VIEW ON THE MODEL OF HUMAN PSYCHE IN THE WORKS OF I. KANT

V. Kryukov

Summary: This article provides an overview of the problems posed in the philosophical works of I. Kant, in particular, the analysis of «Critique of Pure Reason» by I. Kant, a modern philosophical view of Kant's ideas about the model of the human psyche, as well as his understanding and description of the work of the subconscious.

Keywords: criticism of pure reason, Kant, materialism, Pure Reason, Practical reason, Artificial Intelligence.

Аннотация: В данной статье проведён обзор поставленной проблематики в философских трудах И. Канта, в частности, анализ «Критики чистого разума» И. Канта, дан современный философский взгляд на идеи Канта о модели человеческой Психики, а также на понимание и описание им работы внутренних механизмов принятия решений.

Ключевые слова: критика чистого разума, Кант, материализм, Чистый Разум, Практический разум, Искусственный Интеллект.

Анализ «Критики чистого разума» Канта, свидетельствует о том, что Интеллект или Чистый разум как таковые понятия были описаны Кантом в его творчестве. Кант описал модель Психики человека, а его Чистый Разум есть ничто иное как Искусственный Интеллект в современном его понимании, что мы и попытаемся доказать в рамках данной статьи.

Разобраться в «Критике чистого разума» пытались многие философы. За рассуждениями о трансцендентальной метафизике и спорах о познании, априори, философы скрывали свое непонимание даже основного термина «Вещь в себе». Занимаясь философской эквилибристикой терминов и понятий, уважаемые философы не разглядели простую цель Канта - описать устройство и работу Психики человека.

Обзор поставленной проблематики в философских трудах Канта нельзя считать полным. Однако, проанализировав диссертации этого века и работы классиков, в частности, А.Шопенгауэра [6] или М. Хайдеггера [5], можно утверждать, что никто из рассмотренных авторов не смог сформулировать реальную цель работы Канта, несмотря на то, что Кант сумел свести воедино идеализм и материализм, объяснив работу Психики.

Внешний мир материален, а Психика идеальна. И как они взаимодействуют друг с другом, подробно рассказывал Кант.

Идея Канта заключается в том, что во внешнем мире действует материализм с объективными законами, а внутри - идеализм, который старается построить свою, субъективную картину мира для каждой особи. И эти две

реальности прекрасно соседствуют и не противоречат друг другу. Отсутствие необходимого авторитета в философии не позволяет мне утверждать эту мысль, однако считаю свои правом вынести её на обсуждение.

Начнём с известного многим понятия «Вещь в себе». Философы давали свое понимание, но мнения разделились. Что же понимал под этим сам Кант? Он не давал четкого и ясного определения этого понятия, но точно разделял внешние явления и их внутреннее отражение в Психике, которое как раз и является вещью в себе. То есть, в современной терминологии «Вещь в себе» есть ничто иное как внутренний образ внешнего объекта, который преобразуется в Психике посредством наших органов восприятия. Это ключевое определение Канта, которое объясняет его идею. Что прекрасно соотносится с действительной картиной реального мира.

Ниже мы проанализируем словесную конструкцию Канта и дадим подробные пояснения основной идеи Канта:

«Ощущение есть действие предмета на нашу способность представления, по мере того как мы получаем от него впечатления. Наглядное представление называется опытным, если оно посредством ощущения имеет дело с внешним предметом. Я называю те представления чистыми (в трансцендентальном рассудке), в которых не встречается ничего относящегося к ощущениям. Поэтому чистая форма наглядных представлений находится в душе априори, и в ней мы наглядно представляем себе содержание явлений в известных отношениях. Эта чистая форма чувственности называется чистым наглядным представлением» [3].

Философы видят в идее Канта о внутренних образах

повод для дискуссии об идеалистической направленности теории Канта, однако это слишком простое объяснение работы нашей Психики: именно того, что происходит у каждого в душе, и каждый имеет возможность это наблюдать. Но мало кто обращает внимание на элементарные и очевидные «вещи, которые находятся в себе». Кант сумел это не просто увидеть, но и осмыслить.

Кант прекрасно разбирался в естественных науках, а знания о Психике чаще всего отвергают представители точных наук, считая их случайными процессами, не поддающимися логическому изучению. И, в лучшем случае, применяют вероятностные модели, так как не способны разглядеть закономерности в работе Психики. Кант обнаружил эти закономерности, назвав их максимы.

Изучая работу Канта в рамках данной статьи, мы искали модель человеческой Психики и описание работы подсознания. И находим именно систему Разума, причём Кант был абсолютно уверен в ее детерминированности, а не вероятностной случайности, как полагают многие. Случайность - это до сих пор не понятая закономерность, которую автор данной статьи полностью разделяет и подтверждает открытия Канта, значительно опередившие свое время. Накопленные классиками психоанализа знания о Психике полностью соответствуют тому, что описывал Кант.

В рамках психологии придуманы механистические модели, однако не выстроена система. Однако всеобщее понимание того, что Психика - это некая система, присутствует, только вот как устроена эта система до конца не понятно. Даже сам Юнг на исходе жизни пытался в своей книге «Синхроничность» [7] построить некую систему, однако не получилось. В его работах, к сожалению, не встречается ни одного упоминания идей Канта.

Сейчас многие в качестве аналога сравнивают Психику с компьютером. Это стало модно, однако мы здесь видим обратную аналогию. Компьютер - очень упрощённая модель Психики. Его, скорее, сделали по образу и подобию нашего мышления. Архитектуру компьютера придумал фон Нейман, хотя теоретическое обоснование создал Тьюринг. Никакого опыта, то есть, познания а posteriori, на тот момент не было. Значит, это результат работы его чистого разума или, другими словами, плод его интеллекта, производное Психики. Да и программы пишутся исключительно Психикой программистов.

Была ли во времена Канта теория систем? Начиная читать «Чистый разум», сталкиваемся со следующим текстом: «В самом деле, средства, способствующие ясности, помогают пониманию отдельных частей, но нередко отдаляют понимание целого, мешая читателю быстро обозреть целое, и своими слишком яркими красками затемняют и скрадывают расчленение или

структуру системы, между тем как именно от структуры системы главным образом и зависят суждения о ее единстве и основательности». То есть, Кант собирается применить Системное Мышление к пониманию Разума. Ведь такая фраза отражает принцип Системного мышления, описанный в любом учебнике.

Кант выстраивал целостную систему Чистого Разума. Можно сказать, что он просто запечатлел на бумаге свои мысли и идеи относительно системы Психики, хотя вопрос пользы от этих знаний для остальных людей его мало интересовал.

Рассмотрим построение этой системы, которую стремился выстроить Кант. Забегая несколько вперёд, хочется заметить, что целостной системы у Канта не получилось, так как он озадачился традиционным для психологии вопросом целеполагания работы Психики. На вопросы, *что является критерием оценки в деятельности Психики, почему принимается то или иное решение, и почему при одинаковых внешних условиях принимаются разные решения*, Кант не нашёл внятного, точного ответа и дал повод философам на протяжении веков вольно трактовать и обсуждать его идеи.

А такой ответ есть. Только надо соединить Системотехнику и Психоанализ в единое множество знаний.

Кроме того, вопрос чувственности и эмоций был недостаточно прояснен Кантом, по причине ограниченности знаний в этой области психологии, даже, скорее всего, полного отсутствия практической работы с реальными пациентами. В его время знания о Психике были в зачаточном состоянии, хотя при этом Кант сделал гениальные догадки о строении и работе Психики, опередившие доказательную науку на пару столетий. И самое главное, Кант сумел понять структуру и принципы работы Разума.

Ещё одна проблема проистекает из нежелания Канта сделать свои идеи доступными для понимания широкого круга читателей. При изучении его работы складывается ощущение, что Кант сам до конца не понимал некоторые моменты и писал интуитивно, из души. Вопросы, непосредственно относящиеся к психологии, выглядят весьма путанными, потому что ответы он ощущал «на кончиках пальцев». Следующие поколения исследователей стали гораздо четче разобраться в чувственности и ощущениях.

Можно утверждать, что Кант просто записывал свой поток размышлений, не стремясь при редактировании текста упростить его понимание для читателя, а также предположить, что он писал в Будущее, что вполне возможно, учитывая неординарность его личности и нереализованное либидо. Ведь давно известно, что неиспользуемая сексуальная энергия может быть использована

для «Просветления духа», как в монашестве, например, однако, это утверждение нельзя доказать за истечением срока давности.

Понимание написанного Кантом начинает проясняться, когда мы применим к его работам современные знания психологии вкпе с системным мышлением. Сам Кант наталкивает нас на эту мысль в предисловии «Критики практического разума».

«Если читатели указанной книги знают более популярные термины, которые столь же соответствуют мысли, как соответствовали, по моему мнению, употребляемые мною термины, или надеются доказать ничтожность самих этих мыслей, а значит, и каждого обозначающего их термина, то в первом случае я буду им очень обязан: ведь я хочу только одного – быть понятым, а во втором они окажут услугу философии».

Приходится искать нынешнее соответствие понятным терминам. Разработаем приблизительную таблицу соответствия терминов Канта и современных понятий, что и приближает к пониманию тех мыслей и идей, которые сокрыты в текстах Канта:

- Чистый Разум – мышление или интеллект, составляющий исключительно внутреннюю работу Психики (это и есть априори)
- Практический Разум – рефлекторная или неосознанная работа Психики, выражающаяся в непосредственных реакциях организма на внешние воздействия. Основана на опыте. (апостериори). Чаще всего, реакции физиологические, происходят без участия сознания. Это основа когнитивной психологии.
- Вещь в себе – объединенный внутренний образ в Психике, отражающий внешний объект реального мира. Кстати, Кант не считал их тождественными, что в точности соответствует нашей действительности и современным взглядам.

Априори, в Кантовском смысле, - созданное мышлением из обработки внутренних образов, теоретическая обработка образов, явлений и событий. Апостериори - полученное в результате действий и опыта. (Визуальное мышление очень похоже на практический разум, возникающий апостериори). К этому понятию относятся рефлексы, паттерны, стандартные программы, то есть все, что не использует мышление.

- Воля – принятие решения. Свобода воли – принципы и анализ принятия решений.
- Суждения – анализ и основания для принятия конкретного решения.
- Нормы морали и этики – обработанный разумом человечества опыт, преобразованный в устойчивые закономерности разума, названные Кантом максимами.

Таким образом, переводя со сложного языка понятий Канта на доступный современникам язык, по-другому улавливаются мысли и размышления Канта. Обладая огромными знаниями в психоанализе, прочитав труды знаменитых классиков этой не менее сложной науки (Фрейд [4], Юнг[7], Адлер[1], Фромм, Маслоу, Берн, Райх, Лоуэн, Хорни), приходим к удивительному выводу, что Гений Канта опередил развитие психологии на полтора века вперед, а системы Искусственный интеллект более чем на два с половиной.

Современная когнитивная психология затрудняется понять методы познания Психики, а все искомые ответы подробно расписал Кант еще в восемнадцатом веке, несмотря на то, что в психологической литературе нет даже упоминания имени Канта и ссылки на него.

Модель психики Канта

Проанализируем, какую же систему психики хотел построить Кант:

«Я надеюсь построить такую систему чистого (спекулятивного) разума под названием «метафизика природы». «Что это вообще возможно и что такая система не будет весьма обширной и, следовательно, можно надеяться со временем кончить ее, можно заключить из того, что в ней будет трактоваться не о природе бесконечного множества вещей, но о рассудке, который обсуждает их, да и о нем в той мере, в какой он способен к познаниям априори».

В переводе на современный язык, система будет работать не с неограниченным количеством объектов внешнего мира, а со значимыми внутренними образами. Эти внутренние образы созданы Психикой и отражают качества внешних объектов.

По словам Канта, *«ощущение есть действие предмета на нашу способность представления, по мере того как мы получаем от него впечатления. Наглядное представление называется опытным, если оно посредством ощущения имеет дело с внешним предметом. Я называю те представления чистыми (в трансцендентальном рассудке), в которых не встречается ничего относящегося к ощущениям. Поэтому чистая форма наглядных представлений находится в душе априори, и в ней мы наглядно представляем себе содержание явлений в известных отношениях».*

В переводе на современный язык, ощущение – это реакция наших «сенсорных датчиков» на внешние физические воздействия; впечатления – это ассоциации, которые связаны с внешним объектом. Они свойственны только реальной субъективной Психике. Внутренний образ для ИИ не должен содержать ничего субъективно-

го, относящегося к конкретной Психике. То есть, он универсален или идеален по Канту. Внутренний образ создается самой Психикой в процессе познания внешнего объекта.

В реальном мире есть миллиард кошек, но образов кошки в Психике гораздо меньше, а для внутреннего анализа мы и вовсе используем один собирательный образ кошки. Это Кант и назвал «Вещь в себе». В реальном мире их не существует. Вещь в себе располагается только в Психике и служит исключительно для ее работы. Анализ, проведенный в данной статье, позволит этот термин наполнить правильным содержанием.

Познание Канта

Попытаемся разобрать мысль Канта о познании:

«Всякое познание следует за опытом и с ним начинается. Разум есть такая способность, которая дает нам принципы познания априори. Следовательно, чистый разум содержит в себе принципы познания безусловно априори. Органом чистого разума можно назвать сумму тех принципов, по которым могут быть приобретаемы и осуществляемы все чистые познания априори».

Основой и началом познания служит опыт. Но сами познания рождаются в Психике, в процессе обдумывания пережитого опыта. Не опыт сам по себе даёт познание, а его создает мышление или Чистый Разум. Опыт может сформировать автоматический рефлекс, как, например, реакция на удар током. Но это не познание, а паттерн или программа на выходе системы. Познание возникает, когда мы обдумали этот удар током и приняли для себя внутренний закон: не надо хвататься за оголенный провод. И Кант это безусловно закрепляет. Чистый разум содержит только продукты работы Психики (априори). И совокупность этого обработанного опыта и есть содержание Чистого Разума.

Для более четкого понимания объясним наш взгляд на модель Психики, которая актуальна в XXI веке. «Информационная модель Психики» объясняет все процессы, происходящие в нашем сознании и бессознательном. И так, из внешнего мира на человека оказывается физическое и химическое воздействие. В окружающем нас пространстве мы видим объекты. Это световые волны, исходящие от них. Аналогично и со звуковым волнами, которые «передают мысли». Организм воспринимает физические воздействия, аналогично сенсорным датчикам. А теперь посмотрим в оригинале XVIII века.

«Эта наука расчленяет все наше познание априори на составные части. Она обращает внимание на следующие вещи:

1. *понятия должны быть чистыми, а не опытными;*

2. *они не должны относиться ни к представлению, ни к чувственности, но только к мышлению и рассудку;*
3. *они суть основные понятия и должны быть отличаемы от выводных и сложных;*
4. *перечень их должен быть совершенно полный и обнимать целую деятельность чистого рассудка. Такая полнота науки не может быть достигнута посредством беглого обзора случайно сведенных вместе понятий; она возможна только тогда, когда мы овладеем идеей целого познания разума априори и на основании ее разделим входящие в него понятия, следовательно, когда мы соединим их в системе. Чистый рассудок не имеет никакого дела не только с чем-нибудь опытным, но и со всякой чувственностью».*

Можно считать, что это подробная инструкция для создания Искусственного Интеллекта. В нашей теоретической Системе ИИ есть библиотека Внутренних образов, в которой и собирается познание о внешних объектах. И у Канта четко сформулировано, не допуская иных трактовок, - познание есть работа мышления с чистыми понятиями без всяких субъективностей, наполняющих реальную Психику.

Представлю несколько цитат, которые теряются в потоке сложносочиненных предложений, коими изобилуют тексты Канта. Намеренно или случайно Кант затруднял свои тексты, мы не узнаем. Можно предположить, что так работала его гениальная Психика. Рассмотрим оригинал и дадим комментарии.

«Познание есть нечто целое, состоящее из анализированных и объединенных представлений». Познание - не опыт, а результат обработки опыта мышлением, производное Психики.

«Рассудок есть способность познания». Подтверждает предыдущий тезис.

«Мыслить предмет и познавать его – две вещи совершенно различные».

«Рассудок не может представлять, чувство – мыслить».

«Поэтому тщетны все попытки вывести из опыта чистые понятия рассудка и доказать их чисто опытное происхождение».

Разделение процесса познания и получения опыта - много раз повторенная идея Канта. Современные когнитивисты не видят этого различия и сводят эти понятия воедино, выставляя практический опыт во главе процесса познания. Однако, таким способом можно лишь автоматизировать только процесс, поддающийся формализации, а никак не Интеллект. Чтобы научить кого-то мыслить, нужно сначала понять, что это за процесс Мыш-

ления. Именно это и было главной целью работы Канта.

Пространство и время

Исходя из того, что материальная реальность отражается в нашей Психике в виде внутренних образов, Кант не мог обойти вопрос времени и пространства. Очевидно, что объекты реального мира существуют во времени и пространстве. Это ни у кого не вызывает возражений. Но сами эти категории определены и объяснены вроде бы весьма расплывчато. Проанализируем цитаты Канта: *«время есть нечто действительное, именно как действительная форма внутреннего представления»* и *«время есть не что иное, как форма внутреннего чувства, т. е. созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния»*.

Приведена одна и та же формулировка из разных переводов текста на русский язык, чтобы показать, что следствием трудности понимания исходного текста переводчиками является разная трактовка смысла.

«Пространство и время суть чистые формы его [чистого разума], а ощущение вообще есть его материя. Пространство и время мы можем познавать только а priori [внутри Психики], т. е. до всякого действительного восприятия, и потому они называются чистым созерцанием; ощущения же суть то в нашем познании, благодаря чему оно называется апостериорным познанием, т. е. эмпирическим созерцанием. Пространство и время безусловно необходимо принадлежат нашей чувственности, каковы бы ни были наши ощущения; ощущения же могут быть весьма различными».

Это самое главное определение Канта для понимания его системы Чистого Разума. Пространство и время – производное Психики. За это философы считают Канта идеалистом, хотя он абсолютный реалист.

В реальном мире есть только текущий момент, никакого прошлого или истории в природе уже нет. Прошлое есть только в нашей Психике в виде воспоминаний. В реальном мире есть только «Сейчас». Причинно-следственные связи есть, но нет прошедшего времени. Мы можем попасть «во вчера» только в работе своей Психики.

Мы не можем в реальности оказаться ни в прошлом, ни в будущем. Вернее, в будущем мы обязательно окажемся, но только тогда, когда оно станет «Сейчас». Только в своей Психике мы имеем воспоминания и смотрим в будущее. Только в Психике мы анализируем прошедшее с целью создания закономерностей и познания. Это Кант и называл априори.

Мы моделируем будущее с целью построения планов. Но практически никогда наши надежды не сбываются.

Объективный мир реальности изменяется в каждый следующий момент времени, поэтому мы не в состоянии точно предсказать, каким мир будет в будущем.

Мы можем намечать планы и осуществлять целенаправленную деятельность, но все равно получается чуть по-другому, не так как намечали. Это не только потому, что мы строим «плохие» планы, а потому что не можем смоделировать все реакции реального мира на наши действия. То есть, учесть весь объем данных от обратной связи при моделировании принципиально невозможно, так как невозможно рассчитать весь окружающий мир.

Наши познания о пространстве основаны на том, что мы видим вокруг себя. Когнитивисты называют это визуальным мышлением. Остальное представление о пространстве есть чьи-то мысли и гипотезы, то есть плод работы чьего-то мышления. Ни один человек не был на Марсе, не мог видеть ничего вживую. Но люди имеют теоретическое представление об этой планете, только все время спорят о том, чего не знают достоверно.

Проанализируем мнение Канта, относящиеся к понятию пространства.

«Пространство не есть эмпирическое понятие, выводимое из внешнего опыта». «Представление о пространстве не может быть поэтому заимствовано из отношений внешних явлений посредством опыта: сам этот внешний опыт становится возможным прежде всего благодаря представлению о пространстве».

Но споры о пространстве и времени будут вечными. Я же склоняюсь к пониманию Канта этих явлений.

Ранее мы намеренно не использовали в этой статье современный термин «Информация», поскольку во времена Канта его не существовало. И как только мы станем применять его к работе Канта, то все сразу станет на свои места. Пространство и время - лишь Информация в Психике.

Почему Кант разделил Психику на Чистый и Практический Разум

Современные исследователи рассуждают о сознании, об осознанности, спорят о познании и его методах. Хорошо известно, что наука - история заблуждений. Современные «мыслители» додумались до мышечной памяти, визуального мышления. А что управляет всем этим? Разве что костный мозг. В современной психологии много разных направлений. Некоторые копируют друг друга. Например, гештальт-терапия является, по сути, упрощённым психоанализом. НЛП и гипнотерапия – направления, различающиеся только методом приведения пациента в состояние, пригодное для внушения.

Однако целостного понимания работы Психики до настоящего времени нет. Знаний апостериори накоплено много, а чистого разума априори для обдумывания всего объёма информации о Психике не хватает.

Почему же Кант разделил Психику на две части?

«Аналитика чистого теоретического разума имела дело с познанием предметов, которые могут быть даны рассудку; следовательно, она должна была начинать с созерцания; стало быть (так как это созерцание всегда чувственно), с чувственности, только от них перейти к понятиям (предметов этого созерцания) и, лишь предпослав то и другое, могла завершиться основоположениями. Практический же разум имеет дело не с предметами с целью их познания, а со своей собственной способностью осуществлять эти предметы (сообразно с их познанием)». Исходя из его концепции времени, можно предположить, что Практический Разум работает в текущем моменте времени. То есть, это автоматическая, рефлекторная деятельность, как немедленная реакция на внешнее воздействие. А Чистый Разум - это мышление, анализ прошлого или моделирование будущего, но только не работа сейчас. Два взаимодополняющих компонента нашей Психики. Поэтому реальные объекты связаны с текущим моментом и принятием сиюминутного решения, а в работе чистого разума используются внутренние образы в виртуальном пространстве и времени, то есть моделируются возможные ситуации и потенциальные решения.

Когнитивная психология, которую проповедают IT специалисты, признает только опыт, как реакцию Психики на внешнее воздействие. То есть, это есть Практический разум. А Интеллект, как понимал его Кант, это Чистый разум. Ответив на вопрос, как связать воедино Чистый и Практический Разум, станет возможным создание системы ИИ.

Кант много внимания уделил рассмотрению работы Практического разума. А именно, в современной терминологии, он рассмотрел систему принятия решений, на которой мы далее остановимся.

Принятие решений

Во времена Канта еще не существовало терминов рефлекс, инстинкт, паттерн или программа, которые вошли в нашу научную лексику лишь в XX веке. То, что мы под этим понимаем, он назвал максима. А также Воля для Канта - это принятие решения.

«Воля как способность желания есть именно одна из многих физических причин в мире, а именно та, которая действует по понятиям; и все, что можно представить себе как возможное (или необходимое) через волю, назы-

вается практически возможным (или необходимым), в отличие от физической возможности или необходимости действия, где причина определяется к причинности не через понятие (в бездушной материи через механизм, а у животных через инстинкт)».

Ну, за понятия мы говорить не станем. И кто по понятиям, Кант или переводчик, непонятно.

Понимание рассуждений Канта о воле, свободе воли, морали и этики подтверждает, что до неосознанного или бессознательного Кант не добрался. Они были объяснены Фрейдом. А значит все написанное может восхищать лишь запутанностью понятий и теорем. Возможно, сам Кант разбирался в своём нагромождении умных мыслей, идей и блестящих выводов. Решения ИИ нужно искать в несколько иной плоскости. Далее мы обозначим эти задачи.

«Суть всякой нравственной ценности поступков состоит в том, что моральный закон непосредственно определяет волю. Если определение воли хотя и совершается сообразно с моральным законом, но только посредством чувства».

На принятие решения влияет обобщенный опыт (моральный закон). Но и внутреннее отношение к образу объекта также оказывает влияние. Каждый из нас знает, как много надо учесть при принятии правильного решения. Кант пытался разобраться и объяснить «Свободу воли» через нормы морали и понимание ценности последствий. Но в этом вопросе запутался не он один, а многие признанные мыслители. Только применив системное мышление можно разрешить эту запутанность Психики.

Вопросам морали и этики посвящено несколько исследований в психоанализе. Адлер [7] и Фромм задавались вопросом, как принимаются решения, и что служит реальным критерием выбора, и нашли очень разумные ответы.

Нам постоянно приходится отвечать на вопрос, почему я принимаю не те решения, которые нужны. Особенно это проявляется в женской сексуальности. Заглянув в подсознание, и проанализировав истинные причины, приходит понимание того, как принимаются решения в Психике.

Пользуясь вышеизложенными рассуждениями, системный аналитик, может выстроить Систему человеческого Интеллекта.

Основные составляющие:

1. Практический Разум - текущее решение. Чистый Разум - мышление, интеллект (анализ и модели-

рование).

2. Время в реальном мире - существует только сейчас. Поэтому система должна уметь принимать решение здесь и сейчас. То есть, научившись обрабатывать один такт, система будет обрабатывать всю последовательность, впрочем, как и любая другая автоматическая система. И не столь важно, реальное время или виртуальное. Как писал Кант, «характер - практически последовательный образ мышления по неизменным максимам».
3. Мышление – последовательность текущих решений. Последовательность, направленная в прошлое, да в обратном порядке это анализ. А последовательность решений, устремленная в будущее, есть моделирование и прогнозирование.
4. Опыт – стандартное правильное решение, полученное ранее «апостериори». Опыт бывает личный и общечеловеческий. И то, и другое формируется поиском закономерностей.
5. Внутреннее состояние системы определяет принятие того или иного решения. В каждом такте внутреннее состояние изменяется. (Но не по вероятностной модели Маркова).
6. Глобальная цель системы неизменна, а локальные цели постоянно меняются в зависимости от внутреннего состояния и внешних воздействий. Это приводит к иерархии целей.

Понимание целей человека

Создать систему без понимания целей невозможно. *«Все материальные практические принципы как таковые суть совершенно одного и того же рода и подпадают под общий принцип себялюбия или личного счастья».*

Это попытка Канта найти оценку или критерий для принятия решений. Над этим заставляли работать свои головы многие великие мыслители, однако философия не нашла внятного ответа, погрязнув в многочисленных вариантах и бесконечных спорах о целях бытия.

Можно согласиться с мыслью А. Адлера, что ценность человека определяется его способностью к выживанию, так как выживание и воспроизводство – единственные биологические задачи человека [1]. Все остальное – лишь их производное. Собственно для обеспечения выживания мы и накапливаем опыт. И уж совсем очевидно, что более опытный человек более ценен.

Кант по этому поводу писал так: *«Сознание приятности жизни у разумного существа, постоянно сопутствующее ему на протяжении всего его существования, есть счастье, а принцип сделать счастье высшим, определяющим основанием произвольного выбора есть принцип себялюбия».*

«Все материальные практические правила полагают определяющее основание воли в низшей способности желания, и если бы не было чисто формальных законов ее, которые в достаточной мере определяли бы волю, то нельзя было бы допустить и какую-либо высшую способность желания».

Желание – это цель, а воля – принятие решения.

Кант задавался этими вопросами, почему принимается решение, что оказывает влияние, но, несмотря на знание математики, оцифровать эту задачу даже не пытался. А найти решение в рамках субъективных оценок «лучше-хуже» в принципе невозможно.

Кант упоминал внутреннее состояние, но не связал это непосредственно с принятием решений. Связав эти два понятия, можно найти ключ к системе интеллекта.

«Каким образом можно было бы сравнивать величину двух определяющих оснований, совершенно различных по способу представления, чтобы предпочесть ту, которая больше всего воздействует на способность желания?»

Определение цели принятия решений

«Счастье – это такое состояние разумного существа в мире, когда все в его существовании происходит согласно его воле и желанию; следовательно, оно основывается на соответствии природы со всей его целью и с главным определяющим основанием его воли».

«Все душевные силы или способности могут быть сведены к трем, которых уже нельзя вывести из общего для них основания; это познавательная способность, чувство удовольствия и неудовольствия и способность желания».

Разбираться в логических построениях последней части трилогии достаточно сложно. Наиболее ценным в нагромождении разнообразных причин свободы воли нам показалось понимание термина максима.

Максима воли и есть причина принятия решения. Выстроить Систему принятия решений у Канта не получилось, что абсолютно закономерно для уровня знаний о Психике той далёкой эпохи, несмотря на это его тексты открывают глаза на понимание устройства Психики.

Заключение

В «Критике чистого разума» Кант строит модель Искусственного Интеллекта, но описывает её в рамках своей терминологии. Там содержится много гениальных откровений, однако, многие вопросы вскрываются лишь поверхностно. Кант пытается описать

практические принципы работы Психики. Исследует основания для принятия решений, пытаюсь определить что формирует волю. Нравственные или иные законы, опыт или инстинкт. Вопросы подняты и поставлены, но, несмотря на обилие расплывчатых и неоднозначных ответов, чёткой картины не вырисовывается. Следует отметить, что Кант наметил основную идею обработки опыта, однако, не сумел её ясно сформулировать. Нравственные и моральные зако-

ны – это «сжатый» опыт человечества.

В «Критике способности суждения» Кант ищет критерии для анализа работы Психики, в целом, и принятия решений, в частности. Он пытался применить математический способ мышления, однако необходимо сказать, что точные математические ответы не найдены. Для этого нужно применить системно-информационный подход к Психике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. СПб.: Питер, 2017
2. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994,- 367 с.
3. Кант И. Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2016,-736 с.
4. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я»/пер. с нем //ЯМ Когана. СПб.: Издательская группа «Азбука-классика». – 2010.
5. Хайдеггер М. К вопросу о назначении дела мышления // Личность. Культура. Общество. 2007. Вып. 4 (39). — С. 61-71.(перевод А. Н. Портнова)
6. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Издательство «АСТ» - 2020, 672 с
7. Юнг Карл Густав. Синхроничность : [Сборник: Пер. с англ.] М.: РЕФЛ-бук; Киев : Ваклер, 1997

© Крюков Владимир Германович (infomodelpsi@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УГЛУБЛЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ В СИСТЕМЕ «ЧЕЛОВЕК-ПРИРОДА» В ПЕРИОД ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И УРБАНИЗАЦИИ ЕВРОПЫ

DEEPENING ECOLOGICAL CONTRADICTIONS IN THE «MAN-NATURE» SYSTEM DURING THE INDUSTRIALIZATION AND URBANIZATION OF EUROPE

T. Maisner

Summary: The article examines the features of industrialization and urbanization of European society in the 17th-19th centuries, contributing to the growth of environmental contradictions in the «man-nature» system. The author pays attention to the problems of overpopulation of the territory of industrial cities, the concentration of industrial production in the urban area, the disposal of household and industrial waste, the deterioration of sanitary and hygienic conditions in the urban environment.

Keywords: industrialization, urbanization, market economy, liberal ideology, overpopulation, environmental problems, urban planning.

Майснер Татьяна Николаевна

*К.ф.н., доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск
designtatyana@yandex.ru*

Аннотация: В статье рассмотрены особенности индустриализации и урбанизации европейского общества XVII-XIX вв., способствующие нарастанию экологического противоречия в системе «человек-природа». Автор уделяет внимание проблемам перенаселения территории индустриальных городов, концентрации промышленных производств на городской территории, утилизации бытовых и производственных отходов, ухудшения санитарно-гигиенических условий в городской среде.

Ключевые слова: индустриализация, урбанизация, рыночная экономика, либеральная идеология, перенаселение, экологические проблемы, градостроительство.

Иntenсивное промышленное развитие, которое начинается в процессе утверждения капитализма в Европе и сопровождается активной урбанизацией, влечет за собой дальнейшее нарушение в экологическом равновесии системы «человек-природа». Это является следствием утверждения эксплуататорского отношения к природе, суть которого использование ее ресурсов и извлечение из них максимальной прибыли. Индустриализация и урбанизация европейских стран осуществлялась путем уничтожения природных зон под строительство фабрик, заводов и для расширения территории городов.

Анализируя менталитет человека индустриальной эпохи, Ф. Сен-Марк пишет, что французское общество XVII-XVIII вв. «высоко ценит природное пространство, производящее материальные богатства, которые в свою очередь ухудшают и разрушают его. Но оно мало ценит его в качестве источника нематериальных благ... Охранять природу почти не выгодно для ее владельца; разрушая ее он получает огромную прибыль» [1, с.35] Тем самым, исследователь подчеркивает, что в индустриальном обществе, которое начало развиваться в Европе, природа стала рассматриваться исключительно как источник материальных благ, другой ценностью она не обладает.

Очевидно, что формирование рыночной модели экономики как основы капиталистического способа производства оказало значительное влияние на развитие городов в Европе. Несмотря на то, что рыночные отношения появились в истории значительно раньше, ключевую роль в обществе они начали приобретать только с XVI-XVII вв. Именно в это время, как подчеркивают исследователи, «они постепенно набирали силу, укрепляли и расширяли сферу своего функционирования, отесняя не рыночные отношения. И когда они их вытеснили окончательно, они и утвердились в качестве господствующего типа экономических отношений. Это случилось в Западной Европе частично в эпохи Ренессанса, Реформации и Контрреформации и окончательно — в Новое время, т. е. в XVII в. С XX в. рыночная экономика осуществляет свою экспансию на весь мир, стремясь установить на всей планете своё монопольное господство» [2, с.198].

Развитие рыночных отношений существенно изменило мировоззрение и ценностные ориентиры общества Нового времени, которые стали вращаться преимущественно «вокруг таких понятий, как богатство, деньги, средства приобретения доходов...» [3, с.142].

Тем самым, начиная с эпохи Нового времени, в европейской культуре начинают утверждаться новые онто-

логические принципы, определяющие экономическую деятельность людей, ключевой целью которой становится получение прибыли. Более того, даже наука нередко воспринимается исключительно как коммерциализированная деятельность, ориентированная на финансовый успех. Ориентация на прикладные знания, направленные на достижение результата, предпринимательские качества личности, ее экономическая активность становятся выражением ментальности Нового времени.

Следует подчеркнуть, что утверждение антропоцентризма, в качестве духовной доминанты европейского общества в эпоху Нового времени, с его установкой на раскрепощение творческих способностей человека, привело к развитию индивидуализма, который получил обоснование в идеях Просвещения и стал основой идеологии либерализма. Развитие либерализма, апеллирующего исключительно к формализованным нормам права, сопровождается отказом от традиционной морали, которая собственно и выступает основой взаимодействия людей в обществе и отношения человека к природе. По мнению исследователей, «в этом отношении либерализм, кладущий в основу социальных отношений право, противостоит традиционной морали, основанной на приоритете обязанностей, а не прав» [4, с.72]. Таким образом, антропоцентризм, научный прагматизм и либерализация западного общества способствовали нигилистическому переосмыслению традиционных представлений о добре и зле, долге и справедливости и т.п. Новые духовные ориентиры опираются исключительно на утилитаризм с его установкой на удовлетворение, в первую очередь, материальных потребностей человека.

В либеральном капиталистическом обществе идет процесс фильтрации этических норм на основе экономических приоритетов, которые обосновываются с позиции социал-дарвинизма, согласно которой в обществе нет места морали, а действуют сугубо биологические законы.

Представляется, что утилитарное отношение человека к природе, формирующееся в условиях индустриализации и урбанизации Европы, является отчасти следствием распространения в массовом сознании «либеральной идеи свободы индивида, изолированного от сакральных источников такой свободы, будь то Бог, абсолютные ценности или общественная солидарность» [4, с.74].

На процесс разрушения традиционной морали в условиях распространения в западном обществе норм либеральной идеологии обращают внимание ученые, современники этих процессов. В XIX веке немецкий географ и антрополог Ф. Ратцель усомнился в способности «цивилизованного человечества» разумно подходить к освоению природных ресурсов, поскольку развитие науки и стремление людей к свободе не всегда сопровождается усвоением культурных ценностей и моральных

норм. По этому поводу он пишет: «хотя мы и называем себя носителями культуры, но это лишь бессознательное самодовольство» [5, с.697].

Таким образом, новые духовные, экономические и демографические тенденции определили развитие индустриального общества, которое кардинально отличалось от прежнего традиционного социума. В условиях индустриализации европейских стран активно идет процесс урбанизации, приобретающий невиданные ранее масштабы. На это обращают внимание ученые, подчеркивающие, что именно «в эпоху стремительно развивающейся индустриализации-урбанизации в Западной Европе и Северной Америке, а затем и в других регионах мира наблюдался беспрецедентный «демографический взрыв» и «урбанистический бум» [6, с.11].

Развитие науки и рыночной экономики, определившее становление индустриального общества в Европе, сформировали новое отношение к природе, в рамках которого она стала рассматриваться исключительно как ресурс для преобразовательной деятельности человека, направленной на расширение искусственной среды в ущерб естественной.

В этой связи исследователи отмечают, что «эпоха Нового времени ознаменовалась ростом достижений в области науки и техники, развитием мануфактурного производства, что оставило определенный негативный отпечаток на окружающей природной среде, ухудшив экологическую ситуацию» [7, с.100].

Развитие индустриального общества в Европе идет одновременно с процессом урбанизации, которая радикально меняет облик средневекового города. Рассматривая историческую динамику урбанизации Англии, историки обращают внимание на то, что «в начале XIII в. в Англии было 214 городов, к 1250 г. их стало 349, к 1300 г. – 480, а к 1400 г. – 575» [8, с.92]. Демографические показатели английских городов указывают на следующее: «к концу XV – началу XVI в. в городах проживало уже 20% населения при 4 млн. жителей страны, т. е. не менее 800 тыс. чел. Значит за 120 – 130 лет городское население в Англии выросло в 3,5 раза» [9, с.56].

Изменения в облике европейских городов XVI-XVII вв. связаны со следующими процессами: а) концентрацией большого количества людей; б) расширением сфер профессиональной деятельности; в) появлением промышленных предприятий; г) развитием банковской сферы, представляющей собой финансовый капитал, который активно участвует в индустриализации европейского общества; д) усложнением социальной структуры общества; ж) углублением социального неравенства.

На последнее указывает К. Маркс, подчеркивая, что

в условиях капиталистического способа производства особенностью жизни города является одновременное существование в нем бедности и богатства: «сопровождаящие рост богатства «улучшения» городов посредством сноса плохо застроенных кварталов, путем возведения дворцов для банков и универсальных магазинов и т. д., посредством расширения улиц для деловых отношений и для роскошных экипажей и т. д. быстро вытесняют бедноту во все худшие и худшие и все более переполненные трущобы» [10, с.672]. Следует заметить, что описание города XIX в. вполне соответствует и многим крупным городам современного мира.

Анализируя специфику города и его наступления на природу в контексте европейской индустриализации, отечественные исследователи отмечают, что его развитие «привело к качественным изменениям всех сфер общественной жизни и город как новая среда обитания начинает выполнять важнейшие функции в обществе» [11, с.102]. Речь идет о новых политических, экономических и культурных функциях.

В политическом плане город берет на себя управление всеми общественными процессами, происходящими на его территории. Поскольку индустриальные города имеют сложную социальную структуры, включающую различные социальные группы, конкурирующие и враждующие между собой, то это чревато конфликтами, которые требуют контроля и регулирования. Поэтому городские власти «стремятся к тому, чтобы регулировать отношения различных классов, этносов, межличностные отношения и связи» [11, с.102]. Тем самым, индустриальные города становятся центрами политической власти.

Экономическая функция города связана с концентрацией промышленных предприятий на его территории. По мнению исследователей, именно «В Новое время доминирование городов в экономической жизни общества приобретает универсальный характер. Это связано с бурным развитием буржуазного способа производства. Само слово «буржуа» (по-французски – bourgeois) означает «горожанин». Отсюда термин «буржуазия». Вся промышленность в полном смысле этого слова сосредотачивается в городах» [11, с.104].

Культурная функция города заключается в создании в нем особой среды, стимулирующей развитие различных сфер духовного производства — искусства, философии, науки, образования. Большинство культурных достижений человечества во многом связаны с развитием городов.

Очевидно, что в основе интенсивного экономического, политического и культурного развития городов лежит процесс индустриализации Европы, связанный с научно-техническим прогрессом и развитием промыш-

ленного производства, который привел к «качественным изменениям компонентов природной среды в черте города» [12, с.29].

Надо сказать, что процессы урбанизации, активно идущие в XIX веке в Европе породили целый комплекс экологических проблем, таких как загрязнение атмосферного воздуха, ухудшение санитарно-гигиенических условий, накопление бытовых отходов. По мнению специалистов, «в европейских городах основной экологической проблемой до середины XIX вв. являлось биологическое загрязнение хозяйственно-бытового происхождения» [12, с.30]. Так, в голландском городе Лейдене, основным источником загрязнения окружающей среды были частные домохозяйства, которые «сбрасывали бытовые отходы в каналы, превращая их в сточные канавы, особенно летом, когда те мелели» [12, с.30].

Серьезной угрозой эпидемиологической ситуации в крупных европейских городах было отсутствие эффективной системы канализации, которая бы позволяла очистить города от бытовых нечистот, сливание которых в городские водоемы являлось источником многих болезней. Так, по мнению специалистов, на юге Англии в XIX веке «причиной быстрого распространения эпидемии холеры являлось употребление воды из реки Темзы, куда сливались все городские стоки» [13, р. 244]. Неблагополучная экологическая ситуация начала складываться и в Париже, в XIX веке, что вызвало бурные общественные и политические дебаты по поводу экологических проблем, с которыми столкнулся город. Именно это привело к пониманию причин роста заболеваемости горожан и необходимости разработки мер по минимизации загрязнения городских водоемов.

В тоже время не все города Европы были озадачены решением экологических проблем, несущих в себе угрозы эпидемиологического характера. В XIX веке в Гамбург была вспышка холеры, которая практически уничтожила город. Анализируя эту ситуацию, историки отмечают, что именно «Высокая плотность населения торгового города; загрязнение питьевой воды, вызванное отсутствием системы фильтрации; анитисанитария, ... в конечном счете привели к утрате городом автономного статуса и заставили присоединиться к Кайзеровской Германии» [14, р. 143]. Кроме того, причиной такого состояния города стала также политика городских властей, направленная на поддержку интересов крупных промышленников и игнорирующая соблюдение гигиенических норм. Таким образом, можно заключить, что именно отсутствие санитарной и социальной политики способствовало краху Гамбурга.

В этой связи можно согласиться с позицией исследователей, которые утверждают, что «общество в XIX в. не волновалось о загрязнении природы, поскольку полага-

ло, что окружающая среда как таковая не находится под угрозой» [15, р. 175].

Надо сказать, что в XIX - начале XX вв. с проблемами экологического характера начинают сталкиваться не только индустриальные города Европы, но и провинциальные города России, главной экологической проблемой которых являются бытовые нечистоты, загрязняющие водоемы и городскую территорию. По своей сути, российская урбанизация сопровождается процессом биологического загрязнения окружающей среды, являющегося результатом накопления бытовых отходов и отсутствием решения проблемы их утилизации. Исследователи подчеркивают, что «дискомфорт от антисанитарной обстановки становился все заметнее с увеличением плотности городского населения поэтому с учетом специфики российской урбанизации, обострение данных проблем произошло на рубеже XIX–XX вв. в городах, где численность населения превышала 10 тыс. человек» [12, с.31].

Аналогичные экологические проблемы имеют место и в американских городах XIX – начала XX вв. Исследователи выделяют ряд факторов, оказавших негативное влияние на природную среду в черте города. Одним из таких факторов, по мнению С.П. Хэйза, стала внутренняя миграция населения из деревни в промышленные города. Этот процесс зачастую характеризовался переносом сельского образа жизни в городскую среду для которой некоторые социальные практики были абсолютно не приемлемы и создавали серьезные угрозы экологической безопасности города. В частности речь идет о том, что «плотная застройка, погребение умерших на территории домовладений, содержание в городах сельскохозяйственных животных в совокупности с примитивной системой утилизации бытовых отходов приводили к частым пожарам, распространению инфекций, регулярному загрязнению городских улиц» [16, р.71]. Это вело к значительному ухудшению не только санитарно-гигиенических условий жизни горожан, но и состояния природной среды как в самом городе, так и вокруг него.

Важнейшим фактором, повлиявшим на экологическое состояние городов в период индустриализации становится их перенаселенность. Причиной этого, по мнению специалистов является, «начавшаяся в конце XVIII в. промышленная революция привела к бурному росту промышленных городов. Быстрый рост городского населения и внутренняя миграция в XIX веке стали практически повсеместно массовым явлением в Европе» [17, с.247]. Именно в результате промышленной революции начался масштабный отток населения из сельской местности в города, в поисках работы на появившихся «новых механизированных предприятиях, начинавших во многом определять экономическое развитие нового индустриального общества» [18, с.308]. В условиях значительного

увеличения численности городского населения усугублялись проблемы экологического характера, связанных с ростом бытовых отходов, наличием антисанитарных условий проживания мигрантов и, соответственно, распространением инфекционных заболеваний.

Анализ демографических процессов в Великобритании во второй половине XIX века свидетельствует о положительной динамике роста населения в городах: «в середине столетия в стране проживало всего около 22 млн. человек, при этом 54% от этого числа составляло городское население. К 1861 г. доля городского населения возросла до 58%, а к 1871 году – до 65% [там же]. Наиболее густонаселенными городами были Лондон (3,5 млн.), Ливерпуль (395 тыс.), Глазго (375 тыс.), Манчестер (338 тыс.)» [19, с.101].

Наряду с этим, еще одним фактором, создавшим экологические проблемы города, стало бурное развитие промышленности, вызвавшее загрязнение атмосферного воздуха в новых индустриальных городах. С точки зрения С.П. Хэйза, это было преимущественно связано с использованием в промышленном производстве XIX в. в качестве топлива каменного угля, который обладает высоким выходом вредных летучих веществ, опасных как для человека, так и для окружающей среды.

Понимание серьезности экологических проблем, с которыми в XIX веке столкнулись многие крупные промышленные города, привело к появлению инновационных идей в сфере градостроительства, которые были представлены в трудах «англичанина Эбенизера Говарда (идея города-сада), француза Тони Гарнье (индустриальный город), швейцарца Ле Корбюзье и других авторов, которые создавали модели идеальных городов на основе принципа устойчивого сосуществование города с окружающей средой» [20, с.234].

Одна из первых попыток решения проблемы экологизации городской среды принадлежит английскому философу-утописту Э. Говарду, который в 1898 году опубликовал свою книгу «Города — сады будущего». Основной идеей этого произведения стало создание идеальной модели города, которая бы органично совмещала достижения цивилизации и наличие благоприятной природной среды. Создание идеального города было обусловлено пониманием того, что бесконтрольный рост промышленных городов ведет к уничтожению окружающей среды и создает массу проблем социального и экологического характера. Поэтому, ученый считает, что необходимо изменить градостроительную практику и создавать вблизи крупных индустриальных городов небольшие поселения (города-сады), на территории которых можно организовать как малые промышленные предприятия, так и производство сельскохозяйственной продукции, что позволит людям жить и

трудится на природе, а не концентрироваться в больших городах. По мнению специалистов говардский проект «город-сад» представлял собой «новый тип малого экогорода, где лондонская беднота зажила бы, приблизившись к природе» [21].

Аналогичную идею развивал и английский художник Джон Рескин, предлагающий возводить такие города, в которых не было бы «никаких зловонных и грязных предместий, а были бы внутри стен только чистые и оживленные улицы, а вне их – открытое поле за широкою каймою садов и огородов, и в нескольких минутах ходьбы от любой части города – трава, совершенно чистый воздух и вид дальнего горизонта» [22, с.108].

Надо сказать, что эти проекты не нашли массового отклика в конце XIX- начале XX вв., поскольку, как отмечают специалисты «не смогли компенсировать те социальные преимущества, которые несли жителю крупного промышленного города его развитая инфраструктура» [20, с.235].

Анализируя градостроительную практику крупных мировых центров в начале XX в., французский архитектор Т. Гарнье пришел к выводу, что крупные промышленные города исчерпали свои земельные ресурсы в черте города и остро нуждались в расширении за счет близлежащих территорий. Эта его идея стала основой новых принципов градостроительства, которые позволили перейти от функционирования целостного крупного города к созданию территориально автономных городских систем, включающих небольшие города, экономически связанные между собой. С целью улучшения жизни людей на окраинах города, он создал свой проект массовой застройки для бедных слоев населения, который включал небольшие типовые дома для нескольких семей, которые бы были окружены «зелеными» зонами. Кроме того, Т. Гарнье предложил «выстроить на плато в юго-восточной Франции город, разделённый на четыре функциональные зоны: жилую, промышленную, культурно-административную, сельскохозяйственную» [20, с.235]. Тем самым организация и использование городской территории опирается у архитектора на кластерный принцип.

Продолжателем градостроительной традиции Т. Гар-

нье можно считать известного французского архитектора Ле Корбюзье, который понимал город как территорию борьбы человека с природой, символ его победы над ней, который должен создавать человеку комфортные условия для работы и отдыха [23]. В начале XX века он предложил свой градостроительный проект, получивший название «Лучезарный город». Главной архитектурной идеей является расположение города посреди большого парка. Данный проект предполагает развитие «транспортной инфраструктуры города посредством создания новых способов передвижения, увеличение количества парков и зеленых зон, снижение загруженности центра города посредством застройки его окраин» [24, с. 490].

Надо отметить, что на практике попытки создания идеального города, гармонично сочетающего социальную и природную среду, так и не были реализованы. Таким образом, процессы индустриализации и урбанизации создали такие города, развитие которых связано с агрессивным воздействием на природу, поскольку только ее уничтожение освобождает территорию для расширения городского пространства.

Развитие капитализма в Европе XVII – XIX вв. сопровождалось интенсивной и стихийной урбанизацией, которая привела к возникновению многих социальных и экологических проблем. Появление последних было обусловлено следующими процессами: 1) перенаселением территории промышленных городов при сохранении прежних форм природопользования; 2) концентрацией «грязных» промышленных производств на городской территории; 3) отсутствием эффективных способов решения проблемы бытовых и производственных отходов.

Индустриальная цивилизация существенно изменила отношения человека и природы: если в условиях традиционного общества отношения с природой выстраивались отчасти на основе гармоничного взаимодействия социального и природного миров, что обеспечивало их устойчивое существование, то антропоцентрическое мировоззрение, научно-технические достижения, индустриализация и урбанизация значительно усилили антропогенную нагрузку на окружающую среду, что в дальнейшем привело к появлению глобального экологического противоречия в системе «человек-природа».

ЛИТЕРАТУРА

1. Сен-Марк Ф. Социализация природы. М.: Прогресс, 1977. 435 с.
2. Симуканова Г.С. Рыночные отношения как тип социальных отношений // Бюллетень науки и практики. 2016. № 6. С. 197-204.
3. Морозов В.А. Экономическая культура и ценности // Креативная экономика. 2017. Т. 11. № 1. С.135-148.
4. Матвеева Н.Ю. Основные противоречия идеологии либерализма // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Вып. 6. С.69-75.
5. Ратцель Ф. Земля и жизнь: Сравнительное землеведение / Пер. с нем. под ред. П.И. Кротова: в 2 т. Т. 2.СПб.: Альфарет, 2015. 758 с.

6. Галич З.Н. Урбанизация и мегаполизация как глобальный процесс // Экономические и социальные проблемы России. 2000. № 1. С.7-21.
7. Рябова Е.В. Эволюция отношений человека и природы: нравственное содержание // Гуманитарные науки и образование. 2014. № 4 (20). С.97-101.
8. Репина Л.П. Английский средневековый город // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т.1: Феномен средневекового урбанизма. М.: Наука, 1999. С. 92-105.
9. Праздников А.Г. Численность и сословная структура населения английского города XIV-XV веков // Вестник Пермского университета. 2004. Вып. 5. С. 56-61.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 30 тт. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. 908 с.
11. Халаева Л.А. Социально-философский анализ города как среды обитания // Философия и общество. 2011. №1. С. 99-109.
12. Агафонова А.Б. Экологические проблемы городской среды в XIX – начале XX веков // Вестник Череповецкого государственного университета 2014. № 7. С.28-32.
13. Barnes D.S. The great stink of Paris and the nineteenth-century struggle against filth and germs. Baltimore, 2006. 314 p.
14. Evans R.J. Death In Hamburg: Society And Politics In The Cholera Years, 1830–1910. Oxford: Clarendon Press, 1987. 676 p.
15. Diederiks H., Jeurgens C. Environmental Policy in 19th - Century Leyden // The Silent countdown: essays in European environmental history, edited by P. Brimblecombe, C. Pfister. N.Y., 1990. P. 167-181.
16. Hayes S. P. Explorations In Environmental History. Pittsburgh, 1998. P. 1-23.
17. Нагаева З.С., Межмидинов А.А. Градостроительные модели индустриальной эпохи // Международный научный журнал «Символ науки» 2015. №4. С. 240-247.
18. Ильин А.В. Британское движение «город-сад» и его влияние на европейское градостроительство первой четверти XX века // Преподаватель XXI века. 2014. № 1. С. 307-316.
19. Пикард Л. Викторианский Лондон. М.: Изд-во О. Морозовой, 2011. 513 с.
20. Костарев С.В. Урбанизация как фактор динамики культуры // Омский научный вестник. 2012. № 5 (112). С.233-236.
21. Тарасов Е.Н., Замятин П.В. Градостроительные утопии XX века: социально-политический аспект // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. [Электронный ресурс] <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19126> (дата обращения 21.11.2020).
22. Рёскин Дж. Лекции об искусстве. М.: БСГ-Пресс, 2006. 319 с.
23. Ле Корбюзье Ш. Архитектура XX века. М.: Прогресс, 1970. 303 с.
24. Яроцкая В.В. Обустройство городского пространства или как сделать город комфортным для жизни // Global & Regional Research. 2020. Т. 2. № 1. С. 489-495.

© Майснер Татьяна Николаевна (designtatyana@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова

СООТНОШЕНИЯ ФИЛОСОФСКИХ И НАУЧНЫХ ВИДОВ ЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПАРАДИГМАЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

Насиров Марат Нухбалаевич

К.ф.н., доцент, Нижегородская академия МВД России,

г. Нижний Новгород

marat.nn@bk.ru

THE RATIO OF PHILOSOPHICAL AND SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN THE CONTEXT OF PARADOSSALMENTE SOCIAL COGNITION

M. Nasirov

Summary: This article examines the genetic way of organizing disciplinary knowledge in social sciences, which is relevant for philosophy, which assumes minimal participation of philosophical ideas in scientific theories. Therefore, for the mediated type of organization of disciplinary knowledge in the social sciences, it is characteristic for one or another philosophical direction to develop a certain scientific theory of a particular subject, phenomenon, aspect or process of social reality. Also, a special theory of any philosophical direction, which is reflected in social cognition, usually rebuilds its basic theory. For example, the use of an indirect way of connecting philosophical and scientific knowledge in the social sciences is the phenomenological sociology of A. Schütz, which does not correlate with the transcendental phenomenology of E. Husserl. As the basis for the speculative level of sociological research, Schütz uses not the phenomenological, but the natural mindset, adapting philosophical ideas to the needs of scientific knowledge.

Keywords: paradigmatic method, genetic method, ways of thinking, disciplinary nature, paradigm, method, philosophical thought.

Аннотация: В данной статье рассматривается актуальный для философии генетический способ организации дисциплинарного знания в общественных науках, который предполагает минимальное участие философских идей в научных теориях. Поэтому для опосредованного типа организации дисциплинарного знания в общественных науках характерна разработка тем или иным философским направлением определенной научной теории того или иного предмета, феномена, аспекта или процесса социальной реальности. Также, специальная теория какого-либо философского направления, нашедшая свое отражение в социальном познании, обычно, перестраивает его базовую теорию. Например, применение опосредованного способа связи философского и научного знания в общественных науках выступает феноменологическая социология А. Шюца, которая не соотносится с трансцендентальной феноменологией Э. Гуссерля. В качестве основы умозрительного уровня социологического исследования Шюц использует не феноменологическую, а естественную установку сознания, адаптируя философские идеи к потребностям научного познания.

Ключевые слова: парадигмальный метод, генетический метод, способы мышления, дисциплинарный характер, парадигма, метод, философская мысль.

В настоящее время в логической литературе можно встретить упоминания о генетическом стиле мышления, генетических способах рассуждений, генетической дедукции, а также примеры о генетическом методе построения теорий в противоположность аксиоматическому методу. Однако, авторы ограничиваются лишь некоторыми примерами, которые, по их мнению, относятся к генетическому методу, а также перечисляют возможные отличительные признаки, но не формулируют сути генетического подхода столь же ясно и строго, как это было сделано, в отношении аксиоматического метода. Представление о генетических способах рассуждений и о том, что представляет собой генетический метод построения теорий, остается без ответа. Многие ученые приходят к единому мнению о том, что первой теорией, построенной генетическим методом, была геометрия Евклида, которая в истории науки занимает уникальное место, поскольку она на протяжении длительного времени являлась одним из почитаемых разделов математики и служила идеальной моделью при построении научных теорий [8, С. 3].

Как известно главной специфической чертой парадигмальности социального познания является ее ярко выраженный дисциплинарный характер. Поэтому социальное познание, может выстраиваться на принципе подражания, аналогии какой-либо философской идеи, установки, методологии и т.д. Идея дисциплинарного характера парадигмальности социального познания может вступить в прямое противоречие с утверждением о неприменимости трактовки научных парадигм, предложенной Томасом Куном к исследованию общества в целом. Причиной такого недоразумения может стать понятие дисциплинарной матрицы, введенное Куном для конкретизации термина «парадигма». Однако сам мыслитель пишет по этому поводу следующее: «...я предлагаю термин “дисциплинарная матрица”: “дисциплинарная” – потому, что она учитывает обычную принадлежность ученых исследователей к определенной дисциплине; “матрица” – потому, что она составлена из упорядоченных элементов различного рода, причем каждый из них нуждается в дальнейшей спецификации. Большинство предписаний из той группы предписаний,

которую я... называю парадигмой, частью парадигмы или как имеющую парадигмальный характер, являются компонентами дисциплинарной матрицы» [4, с. 229].

Например, Кун предлагает символический, метафизический и ценностный аспекты дисциплинарной матрицы. К первому аспекту американский мыслитель относит положения, выраженные в математическом или логическом виде, очевидные для ученых, принимающих ту или иную парадигму. Второй метафизический аспект дисциплинарной матрицы составляют содержательные высказывания категорического характера.

Поэтому такого рода высказывания претендуют на общеобязательность, требования, предъявляемые к результатам научного исследования, такие как точность, приоритет количественных показателей над качественными, минимальная погрешность вычислений и составляют ценностный или аксиологический аспект дисциплинарной матрицы. Все три аспекта предложенные Томасом Куном указывают на то, что под дисциплинарной матрицей мыслитель понимает теоретическую предпосылку возникновения определенного научного направления либо внутри какой-либо одной научной дисциплины, либо охватывающего несколько родственных дисциплин. Так или иначе дисциплинарная матрица не выходит за пределы той или иной конкретной области научного познания, в данном случае – естествознания.

Иначе обстоит дело с дисциплинарным характером парадигмальности в социальном познании. В данном случае дисциплинарность здесь объединяет два различных вида человеческого знания – философию и науку. Поэтому в задачу философского знания входит формирование теоретической базы исследования, тогда как научное знание разрабатывает способы применения основных теоретических выводов в эмпирических исследованиях. Подобная модель социального познания отстаивается во многих социальных науках и философских направлениях. Например, оценивая влияние экзистенциальной философии на развитие современной психологии и психиатрии, авторы известного историко-философского исследования «Западная философия от истоков до наших дней» Дж. Реале и Д. Антисери отмечают: «Рассматривая проблему современной эпистемологии, мы сможем увидеть, что за спиной ученого есть некий фонарь – свет метафизических парадигм. По большей части это относится к физике, биологии, а также о психологии. Явный образ человека определяет фрейдизм и бихевиоризм. Спор разных направлений в психологии – не спор по поводу частных доказательств или терапевтических техник, а столкновение разных образов человека. О большом влиянии экзистенциальной концепции человека на психологию и психиатрию свидетельствуют работы Л. Бинсвангера, М. Хефтера, Й. Зугта в Германии, Э. Минковского во Франции, Э. Штрауса,

Р. Мея в Америке, Д. Карньелло в Италии» [6, с. 419–420].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что философская мысль способна прямо воздействовать на современные социальные исследования. Но отношения между концепцией того или иного философского направления и эмпирической методологической конкретной общественной науки могут складываться различным образом. Здесь необходимо отметить абсолютистскую, генетическую и опосредованную формы отношений между философией и наукой в парадигмах социального познания. Согласно абсолютистскому подходу, философская мысль представляет собой ядро эмпирического, т. е. чисто социологического, социально-психологического, политологического или иного рода исследования. Данная точка зрения была выражена Т. Адорно и К. Поппером на Тюбингенском рабочем совещании немецкого социологического общества, состоявшемся в октябре 1961 г. Резюмируя позицию обоих мыслителей относительно проблемы взаимоотношений философии и социологии, И. Шишков подчеркивает: «Оба докладчика были согласны с тем, что социологии как таковой не существует. Оба они не могли принять прослеживающуюся в социологической мысли позитивистскую тенденцию отделения социологии от философии и “выброса последней за борт” социальных наук, что негативно повлияло как на социологии, так и на философии» [7, с. 267].

Подчинение эмпирического исследования определенной системе философских взглядов, с точки зрения сторонников абсолютистского подхода, вполне допустимо, поскольку не существует «чистых социальных фактов», не включенных в ту или иную теорию или идею. Поэтому Т.В. Адорно полагал, что социальное познание должно представить собой единство философского и научного исследования на базе критического мышления. В таком случае парадигмальность социальных наук по отношению к философии должна выражаться, с точки зрения Адорно и других представителей Франкфуртской школы, в реализации идеи «критической теории общества», способной принимать вид как разрушения, основанного на администрировании социального порядка, так и поддержания и защиты личностного начала в человеке.

Абсолютистский подход может принимать и прямо противоположный вид, поскольку доминирующая роль в социальном познании может быть отведена не философскому, а научному исследованию. В этом случае философскому знанию отводится роль теоретического или идеологического обоснования той или иной модели социального познания. Истоки такого отношения к философии со стороны эмпирических наук следует искать в позитивистской традиции, идущей от Огюста Конта. Согласно последней философское знание представляет собой «служанку» научного познания и потому в ее задачу

входит разработка методологических принципов конкретного эмпирического исследования, их обоснование и включение в общий контекст развития научной и духовной жизни современной эпохи. Инструментальное понимание философии выразил, в частности, Г. Башлар, предложивший разрабатывать специализированные формы таких философских направлений, как «прикладной рационализм», «электрический материализм» и т.д. Таким образом, при сциентистском варианте абсолютистского подхода к решению проблемы отношения философии и науки первая теряет свою универсальность и принимает вид философствования внутри научного исследования.

Генетическая форма взаимоотношений между философией и социологическими науками предполагает самое минимальное участие философских идей в научных теоретических концепциях. Это означает, что в задаче той или иной философской системы входит только постановка проблемы, выявление тематического поля или нахождение определенного методологического приема. Сторонники генетического подхода прекрасно понимают, что та или иная философская идея применяется в социальном познании, всегда имеет широкий контекст, включающий в себя онтологические, гносеологические, аксиологические и иные положения и выводы. По этой причине в задачу научного мышления входит вычленение этой идеи и ее перенесение на почву чисто научного исследования, тем самым философское мышление порождает определенную форму научного познания, но в дальнейшем не вмешивается в ход его течения.

Как отмечали французские мыслители Ж. Делез и Ф. Гваттари предметом науки являются не концепты, а функции, реализующиеся в виде пропозиций в рамках дискурсивных систем. То есть научное понятие определяется не концептами, которые способна и призвана творить только философия, а функциями и пропозициями. Сущность такой идеи весьма сложна и многообразна, о чем свидетельствует то, как она применяется в математике и биологии. Поэтому идея функции делает возможным для наук рефлексию и коммуникацию. При решении подобного рода задач наука совершенно не нуждается в философии утверждают мыслители Ж. Делез и Ф. Гваттари. Однако, когда некоторый объект геометрического пространства научно сконструирован с помощью функций, то начинаются изыскания его концепта, который не задан в функции. Более того, концепт способен взять себе в качестве составляющих функции какой угодно функции, не приобретая при этом никакой научной значимости, – единственно с целью обозначить различия, разноприродность концепций и функций. Первым таким различием является позиция науки и философии по отношению к хаосу [2 с. 135].

Также, традиционным примером генетического спо-

соба отношения философии и науки в социальном моделировании является конфликтологическое направление в социологии. Квалифицируя такой вид связи, сохраняющийся между марксистской философией и социологическими концепциями Л. Козера, Р. Дорендорфа, Д. Бекла несомненно прослеживается аналогичная зависимость между социологическим позитивизмом Э. Дюркгейма и американской структурной социологией П. Сорокина, Т. Парсонса и Р. Мертона [3, с. 452].

Главным отличием генетического способа связи между философией и наукой от абсолютистского способа служит не философская система в целом, а один из важнейших принципов или методов. В этой связи способом отношений между философией и наукой в рамках социального познания следует признать опосредованный способ, для которого характерна разработка тем или иным философским направлением специальной научной теории, нацеленной на исследование особого аспекта социальной реальности. При этом ученый, разделяющий ту или иную философскую концепцию, не должен в своем творчестве реализовывать всю систему в целом, но предложенная им теория должна соответствовать духу разделяемого им направления философствования. Поэтому центральное место между абсолютистским и генетическим способами занимает опосредованный способ связи философского знания и научного исследования. Наиболее яркими примерами данной формы отношений между философскими и общественными науками служат феноменологическое направление в социологии и экзистенциальное – в психологии.

Исследуя взаимосвязь феноменологической социологии с трансцендентальной феноменологией Эдмунда Гуссерля, В. Бабушкин в своей монографии «Феноменологическая философия науки» выделяет следующее. «Феноменологическая социология опирается не столько на феноменологию Эдмунда Гуссерля, сколько на работы его ученика Альфреда Шюца (1899–1959), который попытался внести в феноменологическую концепцию ряд коррективов, цель которых заключалась в том, чтобы сделать возможным применение феноменологического метода к социальным исследованиям. В отличие от Э. Гуссерля, А. Шюц с самого начала рассматривал повседневный жизненный мир в качестве социально интерсубъективного мира, «основной и первостепенной реальности человека». По этой причине обращаясь к описанию продуктов символической и материальной деятельности человека, мира его повседневной жизни, А. Шюц исходит не из трансцендентальной, а из конститутивной феноменологии естественной установки, между которыми, как он считает, существует известный «параллелизм» [1, с. 146–147].

Так, Альфред Шюц развивает одну из сторон феноменологической философии. Поэтому он определяет

место своей социологической концепции в структуре феноменологического учения в целом и указывает на ее прямое отношение к общественным наукам. Поэтому трансцендентальная феноменология, представляющая собой теоретическую философию Э. Гуссерля, в силу своего крайнего субъективизма, по мнению австрийского социолога, не способна стать непосредственным основанием социального познания. Для того, чтобы включиться в проблему общественных наук (социологии, антропологии, психологии и экономики), необходимо раскрыть последовательность актов сознания, с помощью которых происходит объективация смыслов социальных, культурных, экономических и иных общественных процессов. Подобного рода задачу способна решить только конститутивная феноменология естественной установки, выступающая в качестве опосредующего звена между феноменологической философией и научным социальным исследованием. Опосредованный способ связи между философией и наукой прослеживается и в психологической концепции Людвиг Бинсвангера. Проанализировав основные установки экзистенциальной философии Мартина

Хайдеггера, Бинсвангер разработал общее учение о человеке, которое назвал «экзистенциальным анализом». Предложенное Бинсвангером учение играет роль обоснования существенных коррективов, внесенных швейцарским психологом в психоаналитическую концепцию Зигмунда Фрейда. Людвиг Бинсвангер аналогичным образом, сумел решить проблему соотношения философии и науки, как и Альфред Шюц. Полагая невозможным напрямую использовать разделяемое им философское учение в своей терапевтической практике, он создает частную теорию, выступающую связующим звеном между чистым философствованием и собственно научным исследованием. По своему характеру эта теория значительно отличается от исходного образа. Так, помимо экзистенциализма М. Хайдеггера, Бинсвангер создавая свою антропологию, отталкивается от идей близких ему по духу мыслителей: В. Дильтей, Э. Шпрангер, М. Шекер. Данное обстоятельство существенно стало отличать опосредованный способ решения проблемы соотношения философии и науки от абсолютистского способа, в котором частные теории не обладают такой степенью самостоятельности [5, С. 37].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабушкин В.У. О двух моделях понимания // Загадка человеческого понимания / под ред. А.А. Яковлева. – М.: Политиздат, 1991.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С. Зенкина. – М.: Академический Проспект, 2009. – 261 с. – (Философские технологии).
3. Зборовский Г.Е. История социологии: учеб. – М.: Гардарики, 2004.
4. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И.З. Налетова. – М.: АСТ МОСКВА, 2009. – 317 с.
5. Насиров М.Н. Парадигмальный анализ теорий социального действия: дис. . . . канд. филос. наук. Краснодар, 2010. 165 с.
6. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. – Т. 4. От романтизма до наших дней. – СПб.: Петрополис, 1997.
7. Шалак В.И. О генетическом методе // Логические исследования. 2011. №17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-geneticheskom-metode> (дата обращения: 19.11.2020).
8. Шишков И.З. В поисках новой рациональности: философия критического разума. – М.: Едиториал УРСС, 2003.

© Насиров Марат Нухбалаевич (marat.nn@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДИНАМИКА В МИРОВОЙ ПЕРИФЕРИИ

INTELLIGENT DYNAMICS IN THE WORLD SEMI-PERIPHERY

N. Ravochkin

Summary: In this work, the author attempts to analyze the main vectors of intellectual dynamics in the world semi-periphery. The theoretical and methodological foundations were modern scientific works and methods of intellectual history. Using the example of Russia and other countries, the processes of intellectual dynamics are critically analyzed. The negative aspects that negatively affect the course of intellectual dynamics in the semi-periphery are noted. Identifying the reasons why intellectuals tend to transform their practices. The necessary explanations and clarifications are given. In conclusion, the author summarizes the work.

Keywords: intellectual dynamics, peace, development, society, intelligence, education, culture.

Равочкин Никита Николаевич

*Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия; Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева
nickravochkin@mail.ru*

Аннотация: В настоящей работе автор предпринимает попытку анализа основных векторов интеллектуальной динамики в мировой полупериферии. Теоретико-методологическими основаниями послужили современные научные работы и методы интеллектуальной истории. На примере России и других стран критически проанализированы процессы интеллектуальной динамики. Отмечены негативные стороны, отрицательно влияющие на ход интеллектуальной динамики в полупериферии. Выявление причины, в соответствии с которыми интеллектуалы склонны трансформировать свои практики. Даются необходимые пояснения и уточнения. В заключение автор подводит итоги работы.

Ключевые слова: интеллектуальная динамика, мир, развитие, общество, интеллект, образование, культура.

Современное понимание идей и способностей человека к их формированию, неизбежно сопрягается с осмыслением интеллектуальной динамики, базирующихся на соответствующей деятельности, под которой понимается «динамическая, иерархическая, смысловая система единства «внешнего и внутреннего»; взаимодействия субъекта с самим собой, другими людьми, окружающим миром и информацией» [6, с. 132]. В процессе интеллектуальной деятельности формируются концептуальные основания практических действий, реализуемых индивидами во всех без исключения сферах общественной жизни, связанные главным образом с трансформацией социальной действительности.

М.М. Мишина отмечает, что в процессе представленных взаимодействий мы можем наблюдать:

1. проявление интеллектуальной активности в процессе решения существующих научных и прочих связанных с интеллектуальными практиками проблем и затруднений;
2. адаптацию к новым условиям существования, при которых идеи как ведущие становятся интеллектуальными основаниями для разрешения складывающихся противоречий;
3. многочисленные объективации способностей интеллектуалов по преобразованию предметов своего творчества в продукты, позволяющий сформировать эффективные формы взаимодействия людей и социальных группы как элементов социальной интеракции;
4. связи интеллектуальной деятельности с выведением закономерностей и способов их примене-

ния в тех или иных практиках;

5. способности интеллектуалов по целевому генерированию и перспективному развитию идей, детерминирующих социальную динамику [6].

При этом соглашаемся с некоторыми разработками, которые можно встретить в специализированной (например – психологической) литературе. В соответствии с этими замечаниями, интеллектуальная деятельность связывается с преобразованиями как самой личности субъекта, связанных с усложнениями его структуры и развитием его когнитивного уровня, так и в обществе в целом, поскольку создаваемые ими социальные идеи дают возможность для проведения изменений [1]. Отсюда справедливо утверждение, что прагматику интеллектуальной динамики можно полагать в качестве трансформационных практик индивидуальной и коллективной способности к продуцированию и дистрибуции идей для их практической реализации.

На наш взгляд, одной из существенных проблем при обращении к современной интеллектуальной динамике является увеличение доли и роли нематериальных компонентов в процессе создания всевозможной продукции в экономической, политической, социальной, культурной, идеологической и прочих сферах общественной жизни. Таким образом, данная проблема интеллектуальной динамики предполагает развитие так называемого «интеллектуального капитала», под которым в самом общем виде можно понимать «коллективную умственную энергию», или «интеллектуальный материал, включающий в себя знания, опыт, информацию, ин-

теллектуальную собственность и участвующий в создании ценностей» [10, с. 12]. Разумеется, что понимаемый в таком ключе «интеллектуальный капитал» уже давно стал основанием для развития не только лишь экономической сферы общества, но и всего государства в целом. Именно в рамках государственного пространства функционируют сети интеллектуалов, заинтересованные не только в создании товаров и услуг, но и, например, в повышении культурного уровня населения и эффективном управлении страной посредством имплементации переносимых ментальных конструктов.

Отметим, что динамический аспект рассматриваемого капитала реализуется в трех направлениях:

- формирование ценностей как социально значимых форм и способов реализации потенциала субъектов интеллектуального производства;
- создание знаний, которые можно трактовать в качестве основания интеллектуального капитала;
- способности и возможности социальных систем приспосабливаться к изменениям в окружающей среде. К слову, под «изменениями» принято понимать и социальные (геополитические, международные, внутригосударственные трансформации различного характера), и естественные изменения, происходящие в природе [4].

Итак, современная интеллектуальная динамика коррелирует с потребностями эффективного использования создаваемых соответствующими сетями идей, поскольку сегодня процессы развития социальных систем зависят от интенсификации креативного творчества, без преувеличения ставшего перманентной необходимостью для формулирования ответов на многочисленные вызовы. В итоге описываемая проблематика дополняется поиском нетривиальных и адекватных ответов, связанных с использованием интеллектуальных ресурсов в реалиях возрастающих массивов знаний и информации [12]. Несомненно, что динамика, заложенная в процессе использования и применения идей и интеллектуальных ресурсов, становится основанием для социальной динамики. Поэтому прагматика разработки дополнительных критериев для национальных государств связана с возрастанием рисковости использования интеллектуальных оснований и высокой вероятностью отклонений от траекторий социальной эволюции вследствие невозможностей создания эффективных инструментов развития общества.

На основании предварительных рассуждений по поводу эффективности использования интеллектуальных ресурсов можно сопоставлять страны и целые регионы в аспекте их интеллектуальной перспективности и привлекательности. Одним из оснований дифференциации государств является мир-системный анализ И. Валлерстайна. В логике его положений можно утверждать, что

существующая диалектика, заложенная в распределении стран на «центр», «полупериферию» и «периферию», предполагает интеллектуальную привлекательность первого (макро)региона и незавидное положение последнего. Такое утверждение предполагает скрупулезную аналитику проблемы совокупности факторов, которые фундируют статус той или иной страны. Однако можно заметить, что меньшая эффективность использования интеллектуального потенциала и капитала в странах периферии в значительной степени предопределила их техническое, технологические, политическое, экономическое, социально-культурное отставание этих стран от государств первых двух (макро)регионов.

Поэтому имеет смысл изучить причины, на основании которых происходит отставание интеллектуальной и соответствующих ей иных форм динамики в странах полупериферии, образующих своего рода «буферную зону» и имеющих наиболее разнообразные сущностные черты, что позволяет их категорировать таковыми. Не вдаваясь в подробные характеристики полупериферии, отметим, что речь идет о государствах, принадлежащим к таким (макро)регионам, как Восточная Европа, Латинская Америка и частично Африка.

Конечно, на сегодняшний день имеется необозримое множество причин, по которым негативные тенденции интеллектуальной динамики в странах перечисленных регионов приобрели достаточно устойчивый характер. Одним из первых объяснений многочисленных подтверждающих незаинтересованность государств в интеллектуальном прогрессе становятся факты резких, порой революционных, изменений социального устройства стран. В частности, Ли Сяотоа указывает, что после распада СССР и с наступлением в России эпохи турбулентности интеллигенция была вынуждена существенным образом трансформировать привычный уклад жизни, а также переформатировать «систему ценностей и нормы поведения, чтобы идти в ногу со временем» [11, с. 122]. Российские интеллектуалы были вынуждены быстро адаптировать свое мышление к законам и механизмам рыночной экономики и информационным технологиям, что оказалось для большей их части затруднительной, а для некоторых и вовсе непосильной задачей.

Кроме того, существенными оказались даже не проблемы проведения экономических или социальных преобразований, но скорее слом мировоззренческих оснований бытия интеллектуалов: идеалы и убеждения, по которым они жили достаточно долгое время в течение советского периода, оказались в одночасье разрушенными, а система привычных ценностей – подорванной. Эффект от данного события оказался настолько неожиданным, что большая часть интеллектуалов до сих пор не может найти свое место в современном российском обществе, что коррелирует с актуальной для полупери-

ферии проблемой – «утечки мозгов», в рамках которой интеллектуалы устремляются жить в государствах ядра.

В результате многочисленных аналогичных российскому опыту подтверждений тому, что интеллектуалы в странах полупериферии перестали реализовывать себя в своей непосредственной деятельности, можно отметить две значимых тенденции. Конечно, одна из них описана выше – это масштабные миграции интеллектуалов в страны, где акторы заинтересованы в их потенциале и общей капитализации знаний, вследствие чего интеллектуалам предлагаются более привлекательные условия для жизнедеятельности. В частности, Т.В. Наумова подчеркивает, что «за последние более, чем 10 лет (1998 – 2008) свыше 200 тыс. ученых выехали за границу» [7, с. 106]. Характерно, что это только официальные данные, касающиеся отъезда одних лишь российских ученых. По нашему мнению, данная тенденция весьма показательна: страны «ядра» действительно все чаще оказываются конгруэнтными ожиданиям интеллектуалов.

Другая тенденция связывается нами с тем, что интеллектуалы оставляют свою непосредственную деятельность или же начинают активное сотрудничество с властью. Общеизвестно, что последний факт объясняется весьма тривиальной целью: получение доступа к средствам массовой информации и желанием высоких заработных плат. Важнейшим основанием негативной интеллектуальной динамики в странах полупериферии оказываются способы формирования их сетей, крайние формы которых можно наблюдать в мировой периферии. Ее суть можно понять через прорисовывание реальных отношений различных социальных групп к интеллектуальному творчеству при индивидуально определенной бюрократизации конкретных стран. Можно наблюдать так называемую «девальвацию высшего образования», поскольку в сравнении с университетами стран ядра в государствах полупериферии нарушаются такие базисные принципы, касающиеся их независимости и самостоятельности. Одновременно с этим в высшую степень возведены, например, лояльность и подотчетность бюрократическим кругам, которые определяют «полезность» высших учебных заведений для общества в целом.

Как здесь не вспомнить об одной из идеальных моделей высшего образования – «университете Гумбольдта», сущность которого сформировалась еще в недрах немецкой классической философии. Основной принцип такого университета – это создание и развитие горизонтальных связей и отношений. Ректор такого вуза должен быть видным ученым, что позитивным образом сказывалось на транслировании знаний, а студенты и преподаватели выступали своего рода субъектами гражданского общества. Напомним, что под «гражданским обществом» И. Кант понимал такую его разновидность, которая ос-

нована как раз на максимумах нравственности и разумности. Характерно, что такие основания делают несколько бессмысленными сами юридические законы, поскольку субъекты могли бы обходиться и без формального принуждения со стороны юридической нормативности. Как следствие, высшее учебное заведение строится на основании принципов разумности, нравственности и взаимного уважения, более того, таким принципам подчиняется и глава вуза.

Сегодня же на смену такому типу университета пришел так называемый «университет совершенства». Отныне между сотрудниками и обучающимися реализуются вертикальные отношения, при которых ученые интеллектуалы оказываются подножием, реже – более высокими уровнями пирамиды, во главе которой находится ректор-администратор. При этом в ряде вузов полупериферии образовательные процессы, а также воспроизводство новых идей переходит из области естественного свободного творчества в область определенного принуждения, подчиняясь технологиям академического менеджмента. Теперь эффективность оценивается уже не через призму решения познавательных или производственных задач и проблем, но на основании пиар-индикаторов и различных, часто сомнительных, «маркетинговых рейтингов», при помощи которых вузам удается войти в медиапространство и выстраивать свои стратегии с ориентацией на финансирование.

Согласно этой логике процессы креативного производства знаний переносятся из приемлемой для большинства интеллектуалов сферы непосредственного творчества в область коммерции и бизнеса. Сегодня вузы и иные образовательные учреждения действительно становятся бизнес-моделями, апробирование которых показывает итоговые результаты в связи с востребованностью их интеллектуального потенциала, оценки которого, на наш взгляд, не коррелируют с рейтингами, а также доступом к финансовым потокам.

Да, можно констатировать, что к настоящему времени произошла настоящая «бюрократизация интеллектуальной динамики». Так, уже Бабинцев и Римский на примере с Белгородским государственным университетом показывают, что данный вуз смог трансформироваться из провинциального института до национального исследовательского университета. При этом значимость такого преобразования обеспечивается благодаря ответственности не только навязываемым, но и собственным критериям. Произошло совпадение приоритетных формальных критериев и устремлений администрации в части научной и образовательной деятельности, что и позволило вузу изменить свой статус [2]. Конечно, примеры российской действительности наиболее понятны коллегам, но в то же время сегодня университеты Прибалтики и стран Восточной Европы также стали привле-

кательны не только для получения престижного диплома, но и рассматриваются многими стейкхолдерами как стратегические партнеры.

Одним из ярких проявлений бюрократизации интеллектуальной динамики становится отчетная форма работы, которая выражается в том, что вместо креативного творчества интеллектуалы заняты заполнением разнообразных бумаг. Дополнением к отрицательной модальности интеллектуальной динамики становится то, что административный персонал, обладающий полномочиями по формальному обеспечению работы интеллектуалов, получает более высокий статус в форме оценок их деятельности. Наибольшего внимания заслуживает тот факт, что именно администраторы начинают определять повседневную среду общения в учебных и научных заведениях: сведение к нулю формировавшейся годами питательной среды и подрыв настроений также напрямую сказывается на качестве создаваемого интеллектуалами продукта. Отсюда получают свое распространение популярные сегодня имитационные практики интеллектуального творчества, а интеллектуальная деятельность и соответствующая ей динамика становится фикцией и симулякром, поскольку результативность такой деятельности на практике, с большой долей вероятности, будет минимальной [13].

С.В. Митин делает акцент, что первые трансформации системы высшего образования, о которых мы писали выше, произошли в странах Восточной и Центральной Европы: коммерциализация вузов и необходимость их адаптации к актуальной социальной ситуации для самовывживания [5]. К 1989 году стало очевидным, что либерализация и адаптация высшего образования к экономическим условиям негативным образом сказываются на интеллектуальной динамике. Это привело разворачиванию нескольких этапов реформирования всей системы вузовского образования. Один из них укладывался именно в «либерализацию» при которой сформировалось множество частных вузов, ориентированных на производство экономически значимых и привлекательных интеллектуальных идей, а также высокой интеллектуальной динамики, второй – в необходимости аккредитации вузов, источником которой оказалось государство. Так, в Венгрии, количество вузов сократилось до 68, однако за счет аккредитации качество образования получило определенные государственные гарантии [5]. Таким образом, здесь уместно говорить о применении сбалансированного подхода, поддерживающего интеллектуальную динамику. Его суть заключается в единстве двух начал: одновременная ориентация на рыночные отношения и интересы экономики при государственном поддержании системы вузовского образования путем процедур аккредитации [3]. В результате, креативное творчество и интеллектуальная динамика становятся не просто эффективной на каком-то краткосрочном этапе, но и создают реальные перспективы.

Проводимая государством политика порой попросту не учитывает инвестиционный потенциал и требования образования [8], что вынуждает вузы самостоятельно заниматься продвижением коммерческих образовательных услуг. Происходит так называемое «вымывание» финансирования при процессах подготовки интеллектуалов. Как пишет Ю.Г. Швецов, «это касается как величины ассигнований, напрямую направляемых на образование по соответствующим статьям расходной части бюджетов, так и размеров оплаты труда лиц, занятых в преподавании в вузах и обучении в колледжах и школах. Государство, по существу, устраняется от поддержания материально-технической базы образовательного процесса» [14, с. 267]. Вследствие этого нетрудно заметить, что интеллектуальная динамика в странах полупериферии значительно затруднена экономическими факторами и тенденциями как базисных при формировании конкурентоспособного умственного потенциала государств, где, без преувеличения, высшее образование играет ведущую роль и имеет большую (в сравнении с другими) долю ответственности. В отличие от стран ядра, государствам полупериферии требуется провести куда больше структурных изменений в процессах реализации интеллектуальной динамики. Можно связать это с тем, что в странах ядра в течение достаточно продолжительного времени сформировалась сбалансированная система производства и практической реализации продуцируемых креативных идей, в которой экономические основания интеллектуальной динамики взаимно дополняются и ограничиваются требованиями государственной аккредитации, выражающей реальные государственные и национальные интересы.

Как пишет Ч. Сноу в своей работе «Две культуры и научная революция» [9], в результате описанных процессов формируются два противоборствующих лагеря интеллектуалы – художественная культура (поэты, художники, писатели) и ученые, к которым относятся представители естественных наук – физики, химики. При этом Сноу показывает, что эти группы интеллектуалов в современном мире противостоят друг другу. Речь идет не о существующих мировоззренческих противоречиях, но о том, что они критикуют друг друга по витальным (для своих приверженцев) основаниям. К примеру, представители художественной культуры критикуют ученых за бездуховность (в большей или меньшей степени), ученые же не согласны с оппонентами ввиду недостатка научности.

С нашей точки зрения, налицо противостояние между интеллигентами и интеллектуалами. Под первыми понимаются люди духовные и воспитанные (которых Ч. Сноу определил как представителей художественной культуры), интеллектуалы – это люди, обладающие богатым запасом знаний (ученые – в терминологии Ч. Сноу). Мыслитель утверждает, что: история общества представляет собой противостояние между двумя эти-

ми социальными группами в форме противостояния мировоззрений и взаимной критики оппонентов. Однако каждая из сторон оказывается крайне важной для полноценного развития общества как системы, что дает возможность полноценно формировать представления людей об окружающей действительности. Представители художественной культуры связываются с. Сноу с более традиционными формами культуры и менее динамичными способами трансформации общественных связей, ученые же наделяются свойствами эволюционизма и прогрессизма, а также неиссякаемым желанием искать выход из любой проблемы [9].

Не менее важным оказывается противостояние теоретиков и практиков. Под первыми понимаются ученые-интеллектуалы, которые изучают мир исключительно исходя из теоретических моделей, практики ориентированы на создание различной продукции. В системе образования возникает второе противоречие между этими двумя группами людей, что мешает зачастую добиваться полноценной реализации научной революции. Теоретики далеко не всегда понимают возможности применения полученных ими научных разработок в повседневной действительности, практики же практически не способны увидеть за отдельными предметами общих научных принципов.

По нашему мнению, преодоление поставленных противоречий и коллизий видится возможным за счет преодоления специализированности образовательно-

го процесса и формирования интеллектуалов широкого профиля в духе актуальной сегодня меж- и трансдисциплинарности. В итоге можно сказать, что описанное положение дел характеризуется для современных стран полупериферии, в которых различные факторы привели к трансформациям и настоящему слоому мировоззренческих оснований интеллектуалов. Это в значительной степени предопределило внутренний раскол между самими интеллектуалами и невозможности эффективной профессиональной деятельности интеллектуалов стран полупериферии, что затрудняет прорывы интеллектуальной динамики и отбрасывает их на вторые позиции в контексте общемирового развития. Описанные в данной статье бюрократические, экономические, формальные и мировоззренческие факторы приводят нас к выводу о существенно меньшей привлекательности интеллектуальной деятельности в странах полупериферии и предпочтительном положении аналогичных форм и видов деятельности в странах центра. Как следствие, интеллектуальная динамика в странах полупериферии замедляется, поскольку не используются ресурсы собственных интеллектуалов в форме интеллектуального капитала. Отсюда закономерным является то, что интеллектуалы полупериферии стремятся:

1. изменить свое привычное место жительства, где им было бы проще и экономически выгодно осуществлять свою деятельность;
2. через диалог с властью занять более высокое социальное положение;
3. прекратить всякую интеллектуальную деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапов В.С., Мишина М.М. Психология интеллектуальной деятельности личности: монография. М.: МГОУ, 2015. 431 с.
2. Бабинцев В.П., Римский В.П. Бюрократизация вуза как антиинтеллектуальный процесс // Наука Искусство Культура. 2014. № 4 (4). С. 5-17.
3. Демцура С.С., Дмитриева Е.Ю., Полуянова Л.А. Рынок образовательных услуг и современные тенденции развития образования в России // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 114-117.
4. Макаров П.Ю. Динамика интеллектуального капитала с позиций модели жизненного цикла // Евразийский союз ученых. 2015. No 4-2 (13). С. 71-73.
5. Митин С.В. Система высшего образования в странах Центральной и Восточной Европы // Вестник Мордовского университета. 2007. Т. 17. № 2. С. 227-230.
6. Мишина М.М. Динамика развития интеллектуальной деятельности личности сформированного специалиста // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2016. № 3 (28). С. 132-137.
7. Наумова Т.В. Научная интеллигенция в новой России. М.: Российская акад. наук, Ин-т философии, 2008. 147 с.
8. Романова И.Б., Байгулова А.А. Современные тенденции развития высшего профессионального образования // Креативная экономика. 2010. № 6 (42). С. 91-96.
9. Сноу Ч.П. Две культуры и научная революция // Сноу Ч.П. Портреты и размышления. М.: Прогресс, 1985. С. 195-226.
10. Стюарт Т.А. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций. М.: Поколение, 2007. 366 с.
11. Сяотоа Ли. Российская интеллигенция в начале XXI века // Мир русскоговорящих стран. 2019. №1 (1). С. 116-124.
12. Устинова Л.Н. Интеллектуальный капитал: понятие, сущность, свойства // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2013. № 8 (146). С. 44-49.
13. Шалюгина Т.А. Имитация в современном российском обществе: сущность, субъекты воздействия, социальное пространство проявления: Автореферат дисс. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. Ростов-на-Дону, 2012. 60 с.
14. Швецов Ю.Г. О бюрократизации и застое в образовательном и научном секторах непроизводственной сферы РФ // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 37. С. 265-273.1

© Равочкин Никита Николаевич (nickravochkin@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КРИЗИС СЦИЕНТИЗМА: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Скопа Виталий Александрович

Д.и.н., профессор, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул
sverhtitan@rambler.ru

SCIENTISM CRISIS: CAUSES AND CONSEQUENCES

V. Skopa

Summary: The article analyzes the ideological position, which is based on the idea of scientific knowledge as the highest cultural value and a determining factor in a person's orientation in the world. On the basis of fundamental works on the philosophy of scientific knowledge, the crisis of scientism is determined, the reasons for its occurrence and consequences are determined. On the basis of V.V. Kazyutinsky's research, the factors that contributed to the weakening of the scientific worldview orientation are identified, which he combined into three groups: epistemological, philosophical-anthropological and sociocultural. It has been determined that modern science forms a diversifying idea of scientific and technological progress, its role and significance in the conditions of a modern post-industrial society, and this pushes scientists to the opportunity to talk about the emergence of the next ideological crisis of civilization.

Keywords: scientism, scientific and technological revolution, paradigm, postmodernism, worldview.

Аннотация: В статье анализируется идейная позиция, в основе которой лежит представление о научном знании как о наивысшей культурной ценности и определяющем факторе ориентации человека в мире. На основе фундаментальных работ по философии научного познания определяется кризис сциентизма, определены причины его возникновения и последствия. На основе исследований Казютинского В.В. выделены факторы, способствовавшие ослаблению сциентистской мировоззренческой ориентации, которые он объединил в три группы: эпистемологические, философско-антропологические и социокультурные. Определено, что современная наука формирует диверсифицирующее представление о научно-техническом прогрессе, его роли и значимости в условиях современного постиндустриального общества, а это подталкивает ученых к возможности говорить о зарождении очередного мировоззренческого кризиса цивилизации.

Ключевые слова: сциентизм, научно-техническая революция, парадигма, постмодернизм, мировоззрение.

В современном обществе научное познание не рассматривается ни как феномен культуры, ни как нечто высшее. Технократические подходы действующих систем заставили изменить научные тенденции, а вместе с тем сформировать новое отношение к науке и ее результатам. Во многом это прослеживается как в гуманитарных областях знания, так и естественно-научных.

В исторической ретроспективе XIX столетие можно охарактеризовать как время сильнейшего академического оптимизма, когда идея Ф. Бэкона «Scientia potentia est» получила реализацию в жизнь, с технологическим прогрессом синтезировала вера на реализацию глобального счастья.

Превращение научных знаний в непосредственную производительную силу общества, невиданные ранее темпы научно-технического прогресса изменили облик современного мира в большей степени, нежели политические и экономические потрясения последних десятилетий [5, с. 20]. В данной ситуации нельзя не привести высказывание В.И. Вернадского о приоритетной роли научной мысли в преобразовании биосферы в ноосферное состояние и о невиданном ранее возрастании значения наук в общественной жизни всего человечества

[3]. Казалось бы, осуществилась идея сциентистов, и современной науке по силам осуществить ранее не разрешимую философией и религией задачу: сделать всех людей счастливыми. Тем не менее, реальность развеивает оптимистические иллюзии [2, с. 141].

Однако в конце XX столетия все большую силу начинает набирать интеллектуальное движение, представители которого утверждают, что человечество находится в эпохе формирования новой культурной матрицы, в которой наука не играет доминирующей роли и сама становится иной [1, с. 39]. По словам П. Фейерабенда, идеолога принципа эпистемологического анархизма, привилегированное положение науки в обществе способствовало формированию бездушного технократического общества и представляло собой настоящую угрозу демократии, так как вместо независимых исследований общество получило научный бизнес – результат сращивания научного авторитета с капиталом, паразитирующий на социуме [12, с. 143]. Таким образом, многовековая дискуссия об автономности науки и о свободе последней от ценностных норм приобретает новое звучание. На сегодняшний день, как никогда становится актуальным вопрос «о расставании с духом сциентизма?!». Так, В.В. Казютинский выделяет целый ряд факторов,

способствовавших ослаблению сциентистской мировоззренческой ориентации, которые он условно объединил в три группы: эпистемологические, философско-антропологические и социокультурные [10, с. 94].

Если говорить об эпистемологических факторах, то необходимо вспомнить традиционные критерии отличия науки от других сфер духовной культуры. Как известно, В.И. Вернадский, большой оптимист в отношении перспектив дальнейшего человечества на основе научно-технического прогресса, указывал, что «есть одно явление, что описывает академическую тенденцию и отличает академические итоги и научные заключения... от утверждений философии и религии, – это бесспорность академических выводов, утверждений, понятий, заключений». [3, с. 174] Автор подчеркивал всеобщность и бесспорность научной истины, чем наука «резко отличается от любого другого знания и духовного проявления человечества – не зависит ни от эпохи, ни от общественного и государственного строя» [3, с. 186]. Таким образом, высшим судьей, выносящим в науке приговор теоретическим конструкциям, является экспериментальное начало – многократная воспроизводимость результатов в различных условиях и различными исследователями. Данная тенденциозность не придает научному понятию целостности, а вместе с тем размывает академические устои и научные традиции.

Прошедшее столетие можно с полным основанием назвать периодом академических (научных) революций, повергнувших к перемене научной парадигмы и выработке новой науки, не соответствующей многим критериям академического знания, упомянутых выше [7, с. 340]. В данном случае можно утверждать не только об утрате наглядности, наблюдаемой в квантовой механике, где «действие метода определяет процесс познания» и, таким образом, размывается представление о реальности и рациональном мышлении, а «красота уравнений важнее, чем их согласие с экспериментом» [4, с. 188]. Помимо этого, многие современные научные концепции принципиально недоказуемы.

Что касается философско-антропологических и социокультурных факторов, то можно отметить следующее.

Во-первых, мы можем говорить о решительной критике позиций сциентизма. Так, М. Стенмарк отмечает, что сциентизм сформировал в современном западном обществе целый ряд представлений: существует только та реальность, к которой наука имеет доступ; наука – самая ценная часть человеческого знания или культуры; одна лишь наука способна объяснить и заменить мораль и религию [14, с. 62-64]. Тем не менее, объяснять возникновение религии и морали исключительно с точки зрения естественного отбора, редуцировать человеческую личность до «набора воды, кальция и органических

молекул» или сводить всю реальность исключительно к доступной для физических приборов материи выглядит слишком смело в свете выше сказанного [9, с. 220].

Во-вторых, современный постмодернизм решительно стремится ограничить ценность научной истины, утверждая, что наука не превосходит естественную проницаемость человеческой расы и требуя уравнивать науку в правах с другими сферами духовной культуры, в частности, мифологией [11, с. 47]. Если П. Сорокин отдавал приоритет научной истине перед всеми остальными; то для П. Фейерабенда «демократическая оценка выше «Истины» и мнения экспертов» [6, 8].

В-третьих, усиливается негативная оценка успехов научного познания (в первую очередь в ряде прикладных исследований) со стороны общества. Так, по результатам проведенных исследований, более 60,0% респондентов полагают, что наука во многом несет в себе опасность, а около 70% утверждают, что ученые пренебрегают этикой в процессе исследования [11, с. 92]. Исходя из этого можно констатировать, что многовековая дискуссия об автономности науки и о свободе последней от ценностных норм приобретает новое звучание.

Во многом современная наука формирует диверсифицирующее представление о научно-техническом прогрессе, его роли и значимости в условиях современного постиндустриального общества. А это во многом подталкивает ученых к возможности говорить о зарождении очередного мировоззренческого кризиса цивилизации. Глубинные основы кризисных явлений в мировой науке следует видеть в том, что наука стала использоваться для эксплуатации природы. Так, Г. Галилей сопоставлял эмпирическую основу с испанским сапогом, в который «нужно зажать природу, чтобы она открыла свои тайны»; И. Мичурин писал: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у неё – наша задача». Во многом данные установки привели к изменению или даже деформации понимания науки и ее ценности.

Многие катастрофические сценарии (применение оружия массового поражения; экологический кризис цивилизации; модификация природы человека) связаны с научными достижениями и это подталкивает к выдвиганию обвинений науки, которая «не смогла обеспечить духовный прогресс и не в состоянии представить какие-либо точные прогнозы на будущее» [7].

Исходя из этого можно отметить, что в социуме наука утрачивает одну из важнейших функций – прогностическую функцию знания; наступает разочарование в существовании объективных научных истин и бесспорности правильно сделанных научных выводов.

Не лишены основания претензии высказываются

в адрес целого ряда направлений исследований прикладного характера. Наибольшие опасения вызывают разработки в области ядерной энергетики, геной инженерии и других биотехнологических направлений [11, с. 108]. Современные технологии могут предоставить потенциальную возможность модифицировать личностные характеристики человека как в результате воздействия психотропных препаратов, так и в процессе преобразований генотипа. Последнее представляется вполне допустимым в свете достижений последних лет в области генетики человека, показавших, что многие черты характера и формы поведения, такие как агрессивность и застенчивость, повышенная сексуальность и супружеская верность, смелость и трусость, – генетически детерминированы. Подобные открытия порождают сразу две проблемы. Первая заключается в том, что различные формы асоциального и аморального поведения получают «индальгенцию» ценой признания, что «Homo sapiens» по своей сути ничем не отличается от других биологических видов. Вторая проблема состоит в соблазне решить целый ряд социальных проблем путем незначительных модификаций генома, не принимая при этом во внимание сложные взаимодействия между различными элементами единой системы [13, с. 221].

В целом потребность в стабильности, предсказуемости будущего закономерна, но синергетическое представление о глобальной эволюции, лежащее в основе постнеклассической науки, утверждает, что развитие мира – процесс непредсказуемый, так как из любого кризисного состояния есть несколько альтернативных путей. Стационарный мир И. Ньютона не признается более научной общественностью, но значительная часть населения продолжает чувствовать себя частью этого мира. В мире неравновесных открытых систем, бурном, динамичном и непредсказуемом, человек чувствует себя неуютно, так как подсознательно стремится к стабильности и уверенности в завтрашнем дне. «Не дай Вам Бог жить в эпоху перемен» – заявляли древнекитайские мудрецы [10, с. 198]. К сожалению, времена не выбирают – стремительно развивающаяся на наших глазах глобализация, сопровождаемая невиданными ранее в истории темпами научно-технического прогресса, представляет серьезный вызов традиционной культуре и мировоззрению. А на повестке дня встают вопросы о необходимости синтеза естественнонаучного и гуманитарного знания, а также других важнейших сфер духовной культуры, что будет во многом определять будущую перспективу научного познания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабанин А.Ф. Введение в общую теорию мироздания. М.: Едиториал УРСС, 2004. 188 с.
2. Берков В.Ф. Философия и методология науки. М.: Новое знание, 2004. 357 с.
3. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Рольф, 2002. 288 с.
4. Гейзенберг В. Философские проблемы атомной физики. М.: Едиториал УРСС, 2004. 314 с.
5. Гордеева И.В. Наука в эпоху постмодернизма: рациональные знания и лженаучные идеи // Материалы интернет-конференции 16-19 июня 2008 г. «Философия науки. Методология науки. История науки». Ижевск, 2008. С. 11-25.
6. Ефремов Ю.И. Вглубь Вселенной. Звезды, галактики и мироздание. М.: Едиториал УРСС, 2003. 255 с.
7. Казютинский В.В. Ценностные ориентации современного космизма и прогнозы будущего техногенной цивилизации // Философия, наука, цивилизация. М., 1999. С. 337-348.
8. Кара-Мурза С.Г. Идеология и мать ее наука. М.: Алгоритм, 2002. 151 с.
9. Кохановский В.П. Философия и методология науки. Ростов н/Д Феникс, 1999. 392 с.
10. Универсальный эволюционизм и глобальные проблемы /РАН. Ин-т философии; Отв. ред.: В.В. Казютинский, Е.А. Мамчур. М.: ИФ РАН, 2007. 253 с.
11. Философия естественных наук / Под ред. А.С. Лебедева. М.: Академический проект, 2006. 173 с.
12. Фейерабенд П. Наука в свободном обществе / пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ МОСКВА, 2010. 378 с.
13. Хорган Дж. Конец науки. М.: Амфора, 2002. 306 с.
14. Stenmark M. Scientism: Science, Ethics and Religion. Burlington: Ashgate Publishing Company, 2000. 152 p.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ МАТЕРИНСТВА И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЛЮБВИ КАК ОСЕВАЯ ДОМИНАНТА СУБЪЕКТИВНОГО МАТЕРИНСКОГО МИФА

Сорокина Екатерина Николаевна

К.п.н., Институт Психологии Творчества
grinrys@yandex.ru

AMBIVALENCE OF MOTHERHOOD AND THE CONCEPT OF LOVE AS A PIVOTAL FEATURE OF THE SUBJECTIVE MATERNAL MYTH

E. Sorokina

Summary: Analysing the characteristics and formation of the subjective and objective maternal myth, the article shows that ambivalence is an integral part of various aspects and stages of motherhood and its formation. One of the most important features of the maternal myth is obligation in the concept of love for children. The article examines the attitudes of the subjective maternal myth regarding this "basic maternal obligation", namely, how women imagine what it means that "a mother should love her children". It demonstrates that the ambivalence of motherhood (and hence the internal conflict) appears in all types of understanding of mother's love. To help mothers, it is suggested that practitioners use the coaching approach, and consider the ambivalence of motherhood as a tool and source of resources for motherhood of a particular mother.

Keywords: motherhood, mothering, image of mother, archetypal image of mother, "beautiful" mother, "terrible" mother, "bad" mother, "good" mother, "good enough" mother, maternal myth.

Аннотация: В ходе анализа характеристик субъективного и объективного материнского мифа и процесса его становления, в статье показывается наличие амбивалентности в различных его аспектах и этапах формирования материнства. В качестве одной из важнейших черт материнского мифа выделяется долженствование в представлении о любви к детям. В статье подробно рассматриваются установки субъективного материнского мифа относительно этого "основного материнского долженствования", то есть о том, как женщины представляют себе, что значит «мать должна любить детей». Показано, что амбивалентность материнства (а значит, и наличие внутреннего конфликта) присутствует в каждом из типов понимания материнской любви. Для помощи матерям предлагается практикам использовать коучинговый подход, а амбивалентность материнства рассматривать как инструмент и источник ресурсов для материнства конкретной женщины-матери.

Ключевые слова: материнство, материнствование, образ матери, архетипический образ матери, «прекрасная» мать, «ужасная» мать, «плохая» мать, «хорошая» мать, «достаточно хорошая» мать, материнский миф.

Мы полагаем, что образ матери, представленный в культуре различных народов, несет как общие архетипические черты, так и отпечаток культурных различий, связанных с той или иной культурой. Образ матери является, следовательно, архетипическим элементом и, одновременно, – социально-психологическим фундаментом становления личности. Иными словами, на положительном образе матери держится и культура в целом (как на общемировом ее уровне, так и на уровне культуры отдельных народов), и внутренняя система представлений о себе и мире, свойственная каждому отдельному человеку.

Особое значение образ матери (женщины-матери) имеет для самих женщин. Формирование внутреннего образа желаемого материнства начинается в детстве и продолжается всю жизнь, проходя определенные этапы онтогенеза материнской сферы (Г.Г. Филиппова [14]) – от собственного раннего телесного опыта взаимодействия с матерью – до позднего "постматеринского" опыта наблюдения за материнством других женщин (собственной дочери, невестки, других родственниц и т.д.). Генезис внутреннего образа желаемого материнства - процесс, в

котором складывается собственная система представлений о том, что есть мать - как воспитатель, как женщина, как часть семьи и т.д.; что есть "достаточно хорошая мать", "прекрасная" и "ужасная" мать, и как женщина-мать воспринимает себя саму в материнской роли. Данную структуру мы назвали "материнским мифом".

В аналитической психологии Юнга на положительном полюсе архетипа Матери ("прекрасная мать") находятся магический авторитет феминности, мудрость и душевный подъем, любой полезный инстинкт или импульс, доброта, эмпатия и поддержка. На негативном полюсе ("ужасная мать") – "все тайное, скрытое, темное; пропавшее; мир мертвых; все, что пожирает, соблазняет и отравляет; все, что вызывает ужас и является неизбежным, как сама судьба" [18]. Термины "прекрасная" и "ужасная" мать, используемые в психологической работе с женщинами-матерями, несмотря на экспрессивность формулировок, видятся нам емкими, отражающими архетипический элемент материнского образа, а именно – его полюсов (крайне отрицательного и крайне положительного).

Отметим, что такая двойственность архетипа Матери неизбежно выражается как в социальных установках и представлениях о материнстве, так и в противоречивых чувствах, проживаемых каждой женщиной-матерью сегодня. Амбивалентность материнского образа вызывает порой глубокий внутренний конфликт женщины-матери, ее стремление к идеализации и попытке вытеснить негативные переживания, связанные с материнством. Амбивалентность материнства выражается и в том, что каждая мать - одновременно "прекрасная" и "ужасная": так, давая ребенку жизнь, она дает ему одновременно и смерть как неизбежную часть жизни и итог жизненного пути. Кроме того, принятие женщиной-матерью решения о сохранении или прерывании беременности - еще одно воплощение амбивалентности материнства.

Амбивалентность материнства, вместе с другими элементами представления о матери, существующими в обществе (от древности до современности), формируют нарративную структуру, которую мы назвали "материнским мифом". В нём мы выделяем "объективную" и "субъективную части", где первая - "социальный элемент": социально обусловленное представление о материнстве и материнствовании, существующее в обществе в тот или иной культурно-исторический период; а вторая - "индивидуальный элемент": субъективное представление женщины-матери о материнстве и материнствовании, сформированное под влиянием "объективного мифа", архетипического образа матери, семейного материнского мифа и онтогенеза материнской сферы самой женщины.

Сейчас пространство объективного материнского мифа в "нашей части света" (термин А. Шадринной [16]) характеризуется следующими чертами:

- миф о жертвенном материнстве (сохраненный с советских времён) в сочетании с современным прозападным мифом о "хорошем старте" ребёнка, ответственность за который также несёт мать;
- миф о безусловной ценности ребёнка в сравнении с ценностью мужчины (что выливается в конкурентность ребёнка с мужчиной и вытеснение мужчины из поля семейных отношений, а также в нарушение сепарационного процесса с ребёнком);
- миф о материнской вине как один из наиболее значительных материнских мифов современности;
- другие мифы.

Субъективный материнский миф каждой конкретной женщины складывается под влиянием как социальных факторов и ожиданий (филогенетический аспект), так и под влиянием онтогенеза материнской сферы, интернализации образа собственной матери и качества прохождения сепарационного процесса с ней, семейного (и родового) мифа о материнстве, личного опыта женщины-матери, пройденного в игровой деятельности, нянчании, становлении материнского отношения в период

беременности и взаимодействии со своими детьми.

Нередко субъективный материнский миф оказывается источником внутреннего конфликта женщины-матери, влияя как на качество её проживания своего опыта материнства, так и на характер взаимодействия с ребёнком. И то, и другое требует осознания, пересмотра, сознательного уточнения и адаптации субъективного материнского мифа к имеющимся условиям, в которых разворачивается материнский опыт конкретной женщины-матери в данный момент.

Актуальное обсуждение по проблеме внутреннего представления женщины о своем материнстве и о внешних социальных факторах, которые влияют на этот процесс, представлено в работах, посвященных психологии материнства (Г. Филиппова [14], И. Малькова, Л. Жедунова [7], Н. Мицюк [8] и др.), и отражающих историческую динамику представлений о материнстве в обществе (Ф. Арес [1], О. Подольская, М. Ремизова [10], Н. Пушкарёва [11], А. Шадринна [16], Ю. Градскова [19], Н. Черняева [15], Е. Жидкова [20], Т. Гурко [3]).

Говоря о том, что женщина формирует свое представление о собственном материнстве не только на основании принятых социальных норм, ожиданий и директив общества (в совокупности с индивидуальным опытом игры, нянчания и т.д.), но и на основании семейных и родовых материнских мифов, мы имеем в виду передаваемые ей со стороны женщин рода ожидания от материнства, матери и ребёнка, представления о материнстве и матери, наполненные, как правило, историями, проекциями, опытом и несостоявшимися ожиданиями мамы, бабушки, прабабушки и других женщин семейной родовой системы.

Здесь мы обращаемся и к трансгенерационным законам и механизмам передачи элементов опыта и подходов материнского отношения внутри родовой системы, которые оказывают влияние на субъективное переживание женщиной своего материнства. Как указывают Л.Г. Жедунова и Н.Н. Посысоев, межпоколенная передача семейного опыта выражается в трансляции семейного мифа, включающего в себя совокупность представлений членов данной семьи о ней самой. Эта трансляция актуализируется в кризисные моменты (социальные перемены, приход нового человека в семью) [4, с. 88]. Как мы видим, актуальное время изобилует переменами на всех уровнях общества, что обостряет, на фоне появления в семье детей, "фильтры разрешений и запретов" [4, с. 88], которые проявляются косвенно в виде определённых (часто не осознаваемых) чувств и эмоций.

Более того, учитывая череду сильных травматических потрясений XX века, затронувших, так или иначе, большую часть семей "нашей части света" (две мировые

войны, революция, гражданская война, голод, коллективизация, раскулачивание, доносы, репрессии, распад семей, где от детей требовали отречься от родителей - "врагов народа", массовое переселение народов, и т.д.), семейный миф часто несёт в себе много тяжёлых чувств, переплетений, не соответствующих текущему моменту времени установок. Так, ссылаясь на исследования Д. Шехтера, Ф. Рупперт описывает: "Травмированные родители с симптомами посттравматического стрессового расстройства передают травматические переживания, в ходе постоянной интеракции, своим детям посредством речи и поступков" [12, с. 84]. К аналогичным выводам приходит К. Бриш, который отмечает, что для детей особенно важна категория непроработанной травмы у человека, к которому ребёнок испытывает привязанность, так как здесь была выявлена межпоколенческая связь с дезорганизованным поведением привязанности у ребёнка [2, с. 106]. Кроме указанных механизмов трансгенерационного опыта, А.А. Шутценбергер вслед за исследованиями И. Бузормени-Надь указывает на важность лояльности группе, которая "находит резонанс и присутствует в каждом из членов семьи, с одной стороны, в виде обязанностей, учитывая их положение и роль, и, с другой стороны, в виде чувств по отношению к долгам и заслугам, своему личному стилю и своей манере соответствовать всему этому" [17, с. 65].

Таким образом, мы видим, что на субъективное переживание, нарратив о материнстве женщины-матери накладывается большой пласт опыта, в первую очередь, женщин её рода, часто, в нашей реальности, переживших неотгорёванные утраты, травматичный опыт материнства (нелегальные аборты, убийство близких, в том числе детей, родителей, мужей; сексуальное, физическое, эмоциональное насилие; героическое запредельное напряжение сил для выживания своего и детей и т.д.). Во многих случаях семейная история утеряна. Те, кто могли бы рассказать об этих событиях, умерли, так и не передав потомкам свои истории жизни (из страха или из-за непереносимости чувств или из соображений безопасности), архивные документы уничтожались и так далее. В итоге тяжёлая семейная история остается в виде неясных тревог, страхов, директив, подавленных чувств, существующих в поле семейной системы и актуализирующихся в период, когда женщина становится матерью.

Не менее важным оказывается также онтогенез материнской сферы самой женщины-матери. Г.Г. Филиппова [14] выделяет 5 этапов этого процесса, опыт каждого из которых закладывает то или иное представление женщины о себе в роли матери. Первым этапом оказывается взаимодействие с собственной матерью, вторым - развитие материнской сферы в игровой деятельности, третий этап - нянчанье, четвёртый - дифференциация мотивационных основ материнской и половой сфер, пятый - взаимодействие с собственным ребёнком.

Как мы видим из практики консультирования женщин-матерей актуального времени в рамках проекта "Интуитивное Материнство", у многих остаются те или иные пробелы на разных этапах формирования материнства. У части женщин были отстраненные, нарциссичные, гиперопекающие или тревожные матери, взаимодействие с которыми часто закладывает травматический опыт собственного детства и желание "сделать все иначе" в опыте собственного материнства. Многие выросли, являясь единственным ребенком в семье, не имели не только полноценного опыта нянчанья, но впервые увидели младенца лишь в роддоме. В некоторых семьях игровая деятельность девочки-будущей матери рассматривалась как "лень", "бесмысленное занятие" и не поддерживалась, заменяясь развивающими занятиями, той или иной формой обучения либо хозяйственного труда. Как результат большинство женщин-матерей отмечают трудности в игре с ребенком, в эмоциональном взаимодействии с ним.

Дифференциация мотивационных основ материнской и половой сфер бывает осложнена для некоторых женщин опытом инцестуозных отношений, изнасилования, искаженных подходов к сексуальному воспитанию, раннему сексуальному опыту и т.д. Всё это часто приводит к внутреннему расщеплению идеализированного образа "прекрасной" матери, которой женщина хотела бы быть, и "ужасной" матери, которой она себя считает, "не дотягивая" до завышенной планки собственного идеального материнского мифа, что приводит к глубокому внутреннему конфликту, снижению самооценки себя в роли матери, которая нередко является ведущей, а порой - и единственной идентификацией женщины, формирует устойчивое чувство вины, собственной "бракованности", "сломанности", наращивая внутреннее напряжение, приводящее к неизбежным эмоциональным срывам, ещё более убеждающим женщину, что она "ужасная" мать.

Итак, мы видим, что каждая конкретная женщина является носителем некоторой совокупности представлений, установок, программ, ожиданий, травм, опытов, определяющих, составляющих её личный миф о материнстве, о том, что такое быть "хорошей" матерью, и что значит быть "плохой" матерью. Часто эти установки носят противоречивый характер и остаются в латентном состоянии до появления собственных детей, но вызывают глубокий внутренний конфликт, когда наступает беременность и женщина начинает идентифицировать себя с ролью матери.

Сегодня мы видим беспрецедентный интерес со стороны женщин к вопросам воспитания, практикам материнства, психологическому и педагогическому знанию. Активно происходит развитие психологии материнства (Г. Филиппова [14], М. Мягкова [9], А. Шадрин

на [16], Е. Коннова [6]), все более активно развиваются разного рода помогающие практики, курсы, тренинги для матерей. Некоторые женщины в нашем обществе оставляют трудовую деятельность и погружаются в воспитание детей, вкладывая в это все навыки менеджмента, освоенные в профессиональном обучении, получают дополнительное образование в области детской психологии, в области педагогики, логопедии и отказываются от посещения ребенком детских учреждений, считая своим долгом дать ребенку “хороший старт”.

При этом, анализируя материнские интернет-сообщества, которые сегодня во множестве представлены во всех социальных сетях, мы видим, что женщина-мать часто испытывает тяжелые чувства: вину, чувство собственной материнской несостоятельности, страх допустить ошибку и причинить ребёнку вред или даже нанести психологическую травму.

Современное материнское сообщество представлено женщинами разных поколений, что отличает его от материнских сообществ прошлого. Репродуктивные технологии, общее улучшение качества медицины, новые социальные возможности, рост продолжительности жизни делают возможным рождение ребёнка не только в юности и ранней молодости. И сегодня мы видим, что в одной и той же группе детского сада возраст мам разнится от 18 до 45 и более лет, фактически ставя в одну позицию женщин, которые могли бы быть дочерью и матерью. Это также создает определенные сложности, ведь у представителей разных поколенческих групп “миф о материнстве” складывался весьма по-разному, под влиянием разных социальных условий и установок, под влиянием разных практик материнства со стороны их собственных матерей.

Иногда в сознании одной женщины сосуществуют и накладываются очень разные и противоречивые представления, вызывая постоянную тревогу о том, что “я могу что-то сделать не так”. Уровень самооценки женщины в роли матери бывает очень колеблющимся, порой заставляя её стремиться к внешней активной самопрезентации себя как “прекрасной” матери, за которой кроется её глубокая неуверенность в себе и тайное, глубоко эмишское представление, что я “ужасная” мать. По нашим наблюдениям, достаточно часто подобный внутренний конфликт остается на бессознательном уровне и вытесняется женщиной, особенно, если она уже имеет устойчивую позитивную самоидентификацию в других областях: профессии, общественной, научной деятельности. В этом случае негативное представление о себе входит в противоречие с общим образом себя и переносится на ребенка (“Я прекрасная мать, если бы только мой ребёнок не был таким трудным, больным, неправильным”). Начинается борьба за “исправление ребёнка”, чтобы сохранить позитивный образ себя как “прекрасной” матери.

Мы намеренно вводим термин “прекрасная” и “ужасная” мать в противовес часто используемым “хорошая” и “плохая” мать, поскольку уровень доступности психологического знания для материнской среды сегодня очень высок и, более того, привлекателен. Это приводит к тому, что женщины, “начитавшись” специальной литературы, но не имея системной профессиональной подготовки, интерпретируют её достаточно своеобразно. Так, сегодня большое количество матерей прочли статьи об опасностях идеализации (“идеальное как неправильное, несуществующее”), о концепции “достаточно хорошей” матери, стараются избегать в своей семантике понятий “хороший” и “плохой”, ибо слышали, что это “неправильно”. Это, однако, не отменяет их внутреннего восприятия себя с позиций “хорошо-плохо”, но заставляет вытеснять это в область бессознательного. Поэтому мы опробовали в материнском сообществе проекта “Интуитивное Материнство” именно термины “прекрасная” и “ужасная” мать, что дало женщинам большее пространство для выражения своих истинных представлений и чувств, выводя, по сути, обсуждение материнства из сферы оценочной категоричности - в область образного восприятия, наиболее полно отражающего их внутренний миф о материнстве.

Мы наблюдаем в практической работе с женщинами-матерями актуального времени в рамках проекта “Интуитивное Материнство”, что бессознательное представление о материнстве, привычное отношение к материнству как к “святому долгу”, “жертве ради детей”, неременному “счастью материнства”, “долгу каждой женщины”, - выводит огромный массив “трудных чувств” женщины в область тени (“трудные чувства” – авторский термин). Женщина испытывает невыносимое давление, вину, ощущая раздражение, гнев, разочарование, бессилие, досаду, негодование, тоску, сожаление в своей повседневной практике материнства. Вытесненные чувства становятся триггерами для эмоциональных срывов, потери субъективного ощущения радости, счастья, удовлетворённости своим материнством и постепенно подводят женщину к эмоциональному выгоранию, разочарованию в себе, своём материнстве, а порой и в ребёнке, ставя под вопрос желание рожать ещё детей.

Размышляя о сути проявления “материнского мифа” в сознании каждой конкретной женщины, его субъективности и восприятию его как части собственной материнской самоидентификации, мы подошли к пониманию того, что он закладывается настолько рано (и преимущественно на бессознательном уровне), что зачастую не осознается женщиной как внешняя совокупность установок, но воспринимается как часть “само собой разумеющегося”, аксиоматичного. В этом плане материнский миф может быть достаточно ригидным, трудно поддающимся сознательному пересмотру.

Как показывает наш опыт работы с матерями, женщины нередко принимают достаточно легко новую идею о себе, о материнстве, но достаточно трудно интегрирует её на уровень эмоций, телесных реакций и ощущений. Так сознательно она может понимать, что должна заботиться не только о детях, но и о себе, что её состояние определяет качество выполнения ею материнских функций заботы, но каждый раз, оставляя ребёнка с кем-то и уделяя время себе, например, для принятия ванны, она может испытывать чувство дискомфорта, вины, ей трудно расслабиться и “эмоционально перезагрузиться”. Вместо этого она тревожно прислушивается к тому, как там ребёнок, не расстроен ли он её кратковременным отсутствием.

Описывая построение семейного мифа, Е.А. Клименко и С.В. Молчанов отмечают, что его можно рассматривать как некоторую систему утверждений, содержащих следующие черты: долженствование (предписание), сверхобобщение и избирательность восприятия [5, с. 212]. На наш взгляд, теми же чертами обладает и субъективный материнский миф.

Как показывает наш опыт консультирования женщин-матерей актуального времени, большая часть из них проявляет избирательность восприятия, которая выражается в двойственности подхода к своему опыту и опыту других матерей, поведению своих детей и поведению других детей (например, капризное поведение чужого ребёнка воспринимается как усталость, с эмпатией, а своего ребёнка - как “ужасное поведение”, “он меня опозорил”, “только мой ребёнок так себя ведёт”). При обсуждении материнских амбивалентных чувств к ребёнку (любовь, радость - раздражение, злость), эмоциональных срывов, большинство женщин выражают позицию понимания причин, готовы сочувствовать другим женщинам, проживающим трудные чувства и выражающим их, но, в случае субъективного опыта, воспринимают их как проявление собственной материнской “профнепригодности”.

Рассматривая сферу долженствований относительно материнства, мы видим и можем сказать, что они строятся вокруг системы понятий “любовь”, “забота”, “счастье” (при этом все три, как правило, оказываются тесно связаны в сознании женщины), и, с одной стороны, являются отражением позитивного архетипа Матери, с другой - несут уникальные черты, представляющие совокупность социальных, семейных, личных установок, повлиявших на формирование субъективного материнского мифа женщины.

Рассмотрим наиболее частые долженствования, которые мы смогли выделить на основании консультационной работы с женщинами-матерями в рамках проекта “Интуитивное материнство” (репрезентативная выборка

участниц - замужние русскоговорящие женщины-матери в возрасте 24-48 лет, образованы, относятся к среднему классу, занимают активную позицию в плане саморазвития, проживают в разных странах мира).

Основной доминантой субъективного материнского мифа, совершенно закономерно, является представление о том, что мать должна любить своих детей. Все женщины нашей выборки включены в воспитание, развитие, заботу о своих детях. Некоторые посвятили себя материнству полностью, некоторые совмещают материнство и трудовую деятельность. Различия субъективного материнского мифа начинаются на уровне представления о том, что означает понятие “должна любить детей” (общее место того, “что есть мать”, основная архетипическая доминанта материнства).

Мы также должны отметить, что приведённое нами ниже описание типов долженствований носит скорее эмпирический (внутренний, переживаемый самой матерью) характер и проявляется, показывается женщиной-матерью только после выстраивания глубоких доверительных отношений с помогающим практиком. Если предложить таким матерям стандартные тесты материнского отношения, большинство из них, хорошо образованные в области психологии материнства, легко дают “хорошие”, “правильные” ответы, однако в личных беседах готовы поделиться глубинными переживаниями; многие отмечают рассогласование логики и чувств (“я знаю, что материнство предполагает разные эмоции, но когда я раздражаюсь на детей, я чувствую, что я недостаточно люблю их” и подобные).

На основании проведенного исследования мы можем выделить такие установки субъективного материнского мифа относительно “основного материнского долженствования” (“мать должна любить своих детей”):

1. Любовь = позитивные эмоции. Достаточно большое количество матерей представляет себе любовь только как эмоционально-позитивный спектр чувств. При этом для некоторых из них это требование является обязательным только по отношению к самой себе (“я не должна испытывать и, тем более, проявлять негативные чувства к ребёнку, иначе я “плохо” его люблю”). Многие также ощущают, что, если ребёнок испытывает к матери негативные чувства, значит она так “плохо любит” его, что он не чувствует достаточно её любви.
2. Любовь = героическое напряжение сил и жертва. Носители подобной конфигурации субъективного материнского мифа отмечают, что им трудно расслабиться, просто играть с ребёнком, получать удовольствие от проведённого совместно времени. Они ощущают необходимость как будто бы постоянно показывать, как много они делают для семьи, для детей, как вовлечены в материнство.

Часто они оставляют собственные потребности неудовлетворёнными, постоянно создавая ситуации стресса и преодоления (записать ребёнка на множество кружков, чтобы едва успевать на них; запланировать на день столько дел, чтобы было ощущение “некогда вздохнуть”; если ребёнок быстро сделал уроки, они сядут с ним “позаниматься дополнительно” и так далее).

3. Любовь = близость, которая часто трактуется как полное психоэмоциональное слияние, отсутствие границ, физическое участие и присутствие матери во всех делах ребёнка. Носительницы подобного субъективного материнского мифа выбирают практики материнства, подразумевающие длительное грудное вскармливание, совместный сон с ребёнком, семейные формы обучения. Как правило это является отражением незавершенно-сепарационного процесса самой матери, который также затормаживает и искажает сепарационный процесс ребёнка.
4. Любовь = спасать, обеспечивать безопасность (от отца – “он всё делает не так, груб, портит ребёнка”, от требований воспитателей и учителей – “он устаёт, они его не понимают, они слишком строги к нему”, от других детей – “вдруг его обидят”, негативных эмоций – “главное, чтобы не плакал, у него чувствительная нервная система”, жизненных трудностей – “я готова всё сделать, чтобы у него всё получалось”, от опасностей внешнего мира – “я буду следить за его соцсетями” и т.д.).
5. Любовь = деятельность. Носительница данного субъективного мифа материнства проявляет постоянную бурную активность: проверяет уроки, организовывает досуг, общение с другими детьми, разного рода развивающие и развлекающие активности, кормит, учит, лечит, “проговаривает чувства”. Ей трудно дать ребёнку пространство для проявления себя и самостоятельной деятельности. Она чувствует себя “ужасной” матерью, когда занята своими делами и “ничего не делает” с ребёнком или для ребёнка.
6. Любовь = “дети на первом месте”. Детоцентризм в такой семье нарушает законы иерархии, женщина часто ставит мужа на второе место в своей системе приоритетов, сама женщина зачастую оказывается на последнем месте по значимости своих интересов и потребностей. Это, как правило, приводит к инверсии ролей в семье, к нарушениям в системе привязанности, к постоянному напряжению и неудовлетворённости самой женщины-матери.
7. Любовь = требовательность, строгость. Такой тип материнского мифа сегодня встречается реже: как нам кажется, в силу того, что многие сегодняшние мамы сами были выращены именно в подобной модели, и теперь стараются сделать всё “от про-

тивного”. Вместе с тем, в некоторых семьях сохраняется подход, где любовь представляется системой требований, упреков, той или иной формой действий, призванных “искоренить” в ребёнке слабости, недостатки. Подобный тип отношения к материнской любви, как правило, соседствует с высоким уровнем тревожности и страхов за будущее ребёнка, которое рисуется скорее в негативных тонах (“вдруг станет таким же разгильдяем, как сын дальних знакомых”, “сейчас не начнёшь ругать с ничего не поймёт и будет неудачником в жизни”, “истерит в два года – вот и будет такой же истеричкой всю жизнь, замуж никто не возьмёт”).

8. Любовь = забота о “хорошем старте”. В этом случае все ставки и усилия направляются на раннее развитие, на усиленное образование ребёнка, зачастую без учёта его индивидуальных способностей и интересов, возрастных этапов развития. Порой слишком ранняя “гонка за результатом” приводит к потере мотивации ребёнком, что воспринимается мамой как неблагодарность, провал своей миссии материнства. Часто начинается длительная борьба за результаты, где мама несёт ответственность за все достижения, образовательные дела и успехи ребенка, а он “сдается под её натиском”. Часто в подобных парах также нарушаются сепарационные процессы между матерью и ребёнком, мамины потребности остаются хронически неудовлетворёнными, растёт эмоциональное выгорание матери, её уровень тревожности, а с ним – контроля.
9. Любовь = материальное обеспечение, “я должна дать ему всё самое лучшее”. Подобное отношение к любви как к материальным благам заставляет “ни в чём не отказывать” ребёнку и, рано или поздно, приводит к тому, что родители раздражаются бесконечности требований со стороны детей. Как правило, за подобным типом стоит эмоциональная зависимость матери и ожидание эмоциональной отдачи от ребёнка, что он будет “ценить”, “радоваться”, “будет благодарен”. Однако фактически ребёнок, воспитываемый под влиянием подобного материнского мифа, редко формирует эмпатию, ищет границы, имеет сниженную мотивацию, ибо всё дается без усилия и, в этом случае, не представляет особой ценности.
10. Любовь = свобода. При этом за понятием “свобода” часто стоит непонимание возрастных возможностей ребёнка ею распорядиться, непонимание баланса свободы и ответственности, свободы и необходимости. Часто природа ребёнка идеализируется, абсолютизируется, ей придаются некоторые сакральные смыслы, что, в итоге, приводит к тому, что ребёнок ощущает нехватку опоры, ищет отсутствующие границы, часто через негативное или опасное поведение, что формирует у ребёнка

стремление постоянно контролировать физическое местоположение, эмоциональное состояние матери. Данный тип отношения к любви также часто вызывает нарушения сепарационного процесса. Ребёнок, не напивавшийся близостью с матерью (которую она считает антиподом свободы, а, значит, - любви) не готов сепарироваться от неё. Подобное положение дел также рано или поздно приводит женщину к глубокому разочарованию и перегрузке от материнства.

Как видим, амбивалентность материнства (его “прекрасные” и “ужасные” стороны) представлена в каждом из типов понимания материнской любви, выделенных нами по итогам практического исследования. Так, например, “любовь как материальное обеспечение”, ориентированная на то, чтобы дать ребенку лучшее, имеет негативный (“ужасный”) аспект в виде эмоциональной зависимости матери, ожидания эмоциональной отдачи от ребёнка, что на практике может приводить к нарушениям сепарационного процесса матери и ребёнка. Подобные полярные, амбивалентные аспекты мы можем выделить и в других типах понимания материнской любви. По нашему мнению, материнская любовь – составляющая материнского мифа, в которой амбивалентность материнства (от “прекрасной” до “ужасной” его стороны) представлена особенно ярко.

Любовь как установка субъективного материнского мифа, отражённая, как мы видим, во множестве конкретных представлений о любви, может быть рассмотрена с точки зрения трансгенерационного подхода. Полагаем, что каждое из приведенных выше представлений о любви содержит в себе архаичный родовой компонент; построено на родовых ожиданиях от материнства как способа выживания рода и адаптации к внешним (социально-историческим) условиям. Перед помогающим практиком стоит задача не разрушения этого субъективного мифа, а приведения его в соответствие с актуальными социально-историческими реалиями, в которых живёт современная женщина-мать. Это невозможно сделать директивно, “раз и навсегда”; невозможно также сделать за женщину, “исправить” ошибки прошлого. Речь идет о том, чтобы научить женщину видеть описанные выше “архаичные”, “ретроспективные” установки ее собственного материнства во всей совокупности их достоинств и недостатков; оценивать их актуальность и

действенность с точки зрения обстоятельств и вызовов её нынешней жизни, а также – осознанно применять, в зависимости от контекста ситуации. При этом важно, чтобы женщина не попадала в эмоциональную зависимость, что, среди прочего негативно повлияет на сепарационный процесс матери и ребёнка [13, с. 124].

Мы полагаем, что описанный выше помогающий подход (научить женщину осознавать собственный материнский миф и оценивать его актуальность в текущих условиях, а также применять связанные с ним установки, разряжать ассоциированные с ним эмоциональные заряды в зависимости от характера нынешней жизненной ситуации и ситуации воспитания ребёнка), – не терапевтический, а коучинговый. Речь идет об активном подходе женщины-матери не только к воспитанию ребёнка и получению новых психолого-педагогических знаний, но и к использованию того “мифологического багажа”, которым она уже обладает. Мы предлагаем, осознавая его сильные и слабые стороны, дифференцировать подход к стилю воспитательного воздействия, исходя из конкретной ситуации.

Таким образом, амбивалентность материнства, его “прекрасные” и “ужасные” черты можно рассматривать как инструмент расширения палитры материнских возможностей. Типы любви, выделенные нами выше, также имеют амбивалентные стороны, каждую из которых мать, “носительница” того или иного типа любви, может осознавать и пользоваться ею как ресурсом, в зависимости от характера актуальной (социальной, педагогической, психологической) ситуации. Мы подчёркиваем, что среди перечисленных выше типов любви нет “девиантных”, “негативных”, как нет и чистых: разные типы любви могут сосуществовать (в разных комбинациях и в разной степени проявленности) в случае с одной женщиной-матерью.

Таким образом, амбивалентность материнства и представления о материнской любви (как осевая доминанта материнского мифа) рассматривается нами как источник ресурсов для материнства конкретной женщины-матери; это, учитывая заряженность полярных сторон материнского мифа (“прекрасная” и “ужасная” мать), даёт сильный психоэмоциональный заряд для решения конкретных задач в материнской повседневности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / Пер. с фр. Я. Старцева, В. Бабинцев. – Екатеринбург: Издательство Уральского Университета, 1999. - 416 с.
2. Бриш К.Х. Терапия нарушений привязанности: от теории к практике / Пер. с нем. - М.: Когито-Центр, 2014. - 316 с.
3. Гурко Т.А. Родительство: социологические аспекты. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. – 164 с.

4. Жедунова Л.Г., Посысов Н.Н. Роль семейного мифа в восприятии и интерпретации субъективно значимых событий // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2013. – №4(26). – С. 86-90
5. Клименко Е.А., Молчанов С.В. Связь семейных мифов и иррациональных установок личности // От Истоков К Современности / Сборник материалов юбилейной конференции: в 5 томах. - 2015. - С. 212-214
6. Коннова Е.Л. Современные исследования в области психологии материнства // Учёные записки российского государственного социального университета. - 2013. - №2(114) - с.165-168
7. Малькова И.И., Жедунова Л.Г. Трансляция опыта как фактор формирования материнского отношения // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – №3. – Том II (Психолого-педагогические науки). - С. 223-227.
8. Мицюк Н.А. Проблема материнства в современных зарубежных исторических исследованиях // Вестник ТГУ. Серия «История». – 2015. – №2. – С. 124-134
9. Мягкова М.А. Анализ основных теоретических подходов к изучению феномена материнства в зарубежной психологии // Наука и современность. – 2011. – №8-2. - С. 69-77
10. Подольская О.Б., Ремизова М.Н. Проблемы Материнства в современном социуме // Наука в центральной России. – 2013. - №5S. - С.47-53
11. Пушкарева Н.Л. Мать и материнство на Руси X-XVII вв. // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. – М.: РАН, 1996. - С. 211-341
12. Рупперт Ф. Травма, связь и семейные расстановки. Понять и исцелить душевные раны. - М.: Институт консультирования и системных решений, 2014. - 264 с.
13. Сорокина Е.Н. Эмоциональная зависимость в материнстве и её влияние на сепарационный процесс с ребёнком // European Journal of Humanities and Social Sciences. - 2020. - №6. - С. 123-128
14. Филиппова Г.Г. Психология материнства: учебное пособие для среднего профессионального образования / Г.Г. Филиппова. - 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. - 212 с.
15. Черняева Н. Производство матерей в Советской России: учебники по уходу за детьми в эпоху индустриализации // Гендерные исследования. – 2004. – №12. – С.120-138
16. Шадрина А. Дорогие дети: сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке. - М.: Новое литературное обозрение, 2017. - 392 с.
17. Шутценбергер А.А. Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы. - М.: Психотерапия, 2020. - 254 с.
18. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов / Пер. с англ. - К.: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. – 384 с.
19. Gradszkova Yulia. Soviet People with Female Bodies: Performing Beauty & Maternity in Soviet Russia in the Mid 1930-1960s // Södertörn University College, Centre for Baltic and East European Studies. Doctoral thesis, monograph, 2007
20. Zhidkova Elena. Family, Divorce, and Comrade's Courts: Soviet Family and Public Organizations During the Thaw // And they lived happily ever after. Norms and every day practices of family and partnership in Russia and Central Europe/ Budapest; New York: Central European University Press, 2012.

© Сорокина Екатерина Николаевна (grinrys@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«ФИКХ МУСУЛЬМАНСКИХ МЕНЬШИНСТВ» И СТЕПЕНЬ ПРИМЕНИМОСТИ КОНЦЕПТА «МУСУЛЬМАНСКИЕ МЕНЬШИНСТВА» В ОТНОШЕНИИ МУСУЛЬМАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Тагиров Руслан Гуфурович

Соискатель, Казанский (Приволжский)

Федеральный университет

ruslanhajj@gmail.com

**«FIQH OF MUSLIM MINORITIES» AND
THE DEGREE OF APPLICABILITY OF THE
CONCEPT OF «MUSLIM MINORITIES»
IN RELATION TO MUSLIMS
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

R. Tagirov

Summary: The article deals with the preconditions for the emergence of one of the modern directions of fiqh (Islamic law) - fiqh of Muslim minorities, its main characteristic features and the content of this concept. The focus is on the strategic challenges facing the fiqh of minorities and the role of the European Council for Fatwa and Research in the development of this direction. The article also analyzes the main criteria for judging the degree of applicability of the concept of «Muslim minorities» in relation to Muslims of Russia. In addition, the article touches on the role of this trend in the formation of Muslim identity, primarily in Europe, and if we analyze the situation in the community Muslims of Russia - the potential role of the fiqh of minorities in the formation of Russian Muslim identity. In turn, this allows us to name promising areas of research on the phenomenon of fiqh of minorities in the future.

Keywords: muslim minorities, fiqh of Muslim minorities, Muslim community, religious identity, European Council for Fatwa and Research, issuing fatwas, Bolgar Islamic Academy.

Аннотация: В статье рассматриваются предпосылки возникновения одного из современных направлений фикха (исламского права) – фикха мусульманских меньшинств, его основные характерные черты и содержание данной концепции. Основное внимание уделяется стратегическим задачам, стоящим перед фикхом меньшинств, и роли Европейского совета по фетвам и исследованиям в развитии данного направления. Также анализируются основные критерии, позволяющие судить о степени применимости концепта «мусульманские меньшинства» в отношении российских мусульман. Кроме того, в статье затрагивается вопрос о роли данного направления в формировании мусульманской идентичности, прежде всего в Европе, а при анализе ситуации в сообществе российских мусульман – потенциальную роль фикха меньшинств в формировании российской мусульманской идентичности. В свою очередь, это позволяет назвать ряд перспективных направлений исследований феномена фикха меньшинств в будущем.

Ключевые слова: мусульманские меньшинства, фикх мусульманских меньшинств, мусульманское сообщество, религиозная идентичность, Европейский совет по фетвам, фетвотворчество, Болгарская исламская академия.

Введение

Исследования концепции «фикха мусульманских меньшинств», на наш взгляд, актуальны не только с теоретической точки зрения – возникновение терминов, их значение, обоснованность с точки зрения знатоков исламского фикха и так далее. Не менее важна и практическая сторона: поскольку фикх мусульманских меньшинств имеет свои особенности, это скорее «фикх исключений» чем «фикх правил», и поэтому отнесение той или иной группы (сообщества) мусульман к категории религиозных меньшинств влечёт за собой обоснованность применения методологии, складывающейся в данном направлении фикха.

1. Возникновение и характерные черты концепции «фикх мусульманских меньшинств»

По мнению одного из российских исследователей

фикха мусульманских меньшинств Руслана Курбанова, одним из первых термин «фикх мусульманских меньшинств» использовал в 1994 г. Таха Джабир аль-Альвани (1935-2016) и его называют одним из тех, кто стоял у истоков возникновения данной концепции в 90-х годах XX века [1]. Однако следует отметить, что идея необходимости выработки особого подхода для мусульман, живущих в немусульманском окружении, возникла несколько раньше. Так, шейх Юсуф аль-Карадави (р. 1926), участвуя в программе «аш-Шари'а у аль-хайат» на канале «аль-Джазира» говорит: «Я помню, как около двадцати пяти лет назад, когда вышла моя книга "Немусульмане в мусульманском обществе", со мной встретился один из братьев, интересующийся проблемами ислама и мусульман. Он сказал мне: "Мы хотим другую книгу. Да, и эта книга важна, но мы хотим книгу, которую считаем ещё более важной", и когда я спросил его: "И что же это [за книга]?", он ответил: "Книга "Мусульмане в немусуль-

манском обществе". Это тот вид книг, в котором мы нуждаемся". И действительно, в наше время возникло множество новых вопросов и проблем как внутри мусульманского сообщества, так и вне его. И если мы внутри мусульманского сообщества испытываем трудности с этими новыми проблемами и грандиозными изменениями, то что же можно сказать о тех [мусульманах], кто живёт вне мусульманского сообщества?» [2].

Поскольку передача состоялась 14 сентября 1996 г., то можно сказать что идея о необходимости выработки особого подхода в фикхе для мусульманских меньшинств возникла несколько раньше, чем она была озвучена аль-'Альвани. В пользу данного утверждения свидетельствует тот факт, что д-р Юсуф аль-Карадави посвятил данной концепции одну из своих работ, которая так и называется – «Фи фикх аль-акаллийат» («О фикхе меньшинств»), изданную в 1968 г. Таким образом, обоснование концепции и её название появляются уже в конце 60-х годов XX века.

Что касается трактовки самого понятия «фикх меньшинств», то аль-'Альвани – исходя из понимания термина «меньшинство» как «группа или слои населения, относящиеся к расе, языку или религии, отличной от расы, языка или религии большинства в государстве» [3, 2], даёт следующее определение: «Фикх меньшинств – это разновидность фикха, учитывающая связь шариатской нормы с обстоятельствами определённой группы и местности, в которой она проживает. Таким образом, это фикх ограниченной группы, находящейся в особой ситуации, подходящий только ей и не подходящий другой» [3, 3].

По мнению аль-Карадави, «фикх меньшинств» представляет собой «фикх живущих на чужбине» или «мусульман в немусульманском сообществе» [4, 13], при этом с точки зрения территории проживания он разделяет всех мусульман на две основные категории – проживающих в мусульманских странах, и проживающих вдали от мусульманских сообществ или за пределами исламского мира. Эта вторая категория (которую он относит к меньшинству), подразделяется на две подкатегории: коренные жители страны, принявшие ислам уже давно, но являющиеся относительным меньшинством по сравнению со своими согражданами-немусульманами; и приехавшие из мусульманских стран в немусульманские на работу или учёбу, либо эмигрировавшие туда на других законных основаниях, кто-то из них получил гражданство, а вместе с ним гражданские, избирательные и иные права [4, 16-17].

Анализируя вышеприведённые определения фикха мусульманских меньшинств, хочется отметить ряд принципиальных для нашего исследования моментов:

- это фикх мусульман в немусульманском сообществе;
- это фикх ограниченной группы, находящейся в особой ситуации, подходящий только ей и не под-

ходящий другой;

- к «мусульманским меньшинствам» относятся мусульмане, проживающие в меньшинстве в немусульманских странах, как коренные жители, так и эмигрировавшие либо временно проживающие там на каком-либо законном основании.

Следует отметить, что в исламском мире с использованием термина «мусульманские меньшинства» согласны далеко не все. Так, в частности, в постановлении № 151 (9/XVI) Международной академии исламского фикха (г. Джидда, учреждена под эгидой ОИК в 1981 г.) говорится: «Следует избегать использования в отношении исламского присутствия за пределами исламского мира названий "меньшинства" или "диаспоры", поскольку эти названия являются юридическими терминами, не учитывающими истинной сути присутствия ислама [в этих регионах], для которого характерны всеобщность, самобытность, стабильность и мирное сосуществование с другими сообществами. Наиболее подходящими для этого названиями могут быть такие как "мусульмане на Западе" или "мусульмане за пределами исламского мира"» [5, 711]. Также одним из противников концепции фикха меньшинств был и известный исламский учёный д-р Мухаммад Са'ид Рамадан аль-Бути (1929-2013), в одной из своих пятничных проповедей назвавший фикх меньшинств «лживой выдумкой» [6], и «эти фетвы, внешне выглядящие исламскими, на самом деле служат целям Запада и направлены на раздробление исламской уммы» [7].

Что касается стратегических задач, стоящих перед фикхом мусульманских меньшинств, то о них можно судить по основным проблемам, послужившим толчком к возникновению и развитию данного направления. Первой из таких проблем является широкий спектр нерешённых вопросов частной, общественной и политической жизни в новых для мусульман условиях [4, 26-28], вторая заключается в отсутствии у мусульманских меньшинств единой инстанции, которая, будучи хорошо знакома с жизнью в этих странах, отвечала бы на многочисленные вопросы [2]. В качестве третьей называются методологические проблемы, не позволяющие в полной мере использовать классический фикх для решения возникающих вопросов [3, 10-11]. Можно предположить, что эти основные проблемы включают в себя значительное количество второстепенных вопросов различного характера, решением которых и занимается фикх меньшинств.

- Таким образом, возвращаясь к вопросу о стратегических задачах фикха меньшинств, можно сформулировать их следующим образом:
- Создание единой инстанции, которая занималась бы исследованием проблем мусульманских меньшинств и вынесением для них богословских заключений – фетв (арабск. *аль-фатва*).
- Выработка особой методологии фикха мусульманских меньшинств.

— Решение широкого спектра вопросов частной, общественной и политической жизни в новых для мусульман условиях.

Поскольку концепция фикха меньшинств начала складываться несколько десятилетий назад, то определённые шаги в решении этих задач на сегодня уже сделаны и одним из важнейших можно назвать создание Европейского совета по фетвам и исследованиям (учреждён в 1997 г., штаб-квартира в г. Дублин, Ирландия), первым председателем был избран Юсуф аль-Карадави. В качестве целей Совета озвучиваются такие как: сближение между исламскими учёными на европейском пространстве и выработка общих решений; издание коллективных фетв, удовлетворяющих потребности мусульман в Европе; проведение и публикация шариатских исследований по проблемам религиозной жизни на европейском пространстве; наставление мусульман Европы через распространение основополагающих исламских понятий и издание фетв. Также на сайте Совета перечисляются средства достижения поставленных целей, источники и критерии вынесения фетв, вкратце оговаривается методология, на которую опирается Совет при вынесении своих фетв и постановлений [8].

Анализируя концепцию «фикх мусульманских меньшинств» и стоящие перед ним (фикхом меньшинств) стратегические задачи, а также принимая во внимание цели, озвученные Европейским советом по фетвам и исследованиям, можно сказать, что данная организация по праву может считаться одной из высших инстанций, созданных и функционирующих в интересах мусульманских меньшинств, по крайней мере в Европе. Соответственно, позиция Совета и его методология могут считаться отражением методологии фикха мусульманских меньшинств в целом, а его фетвы, как минимум, служить прецедентом для решения аналогичных проблем для меньшинств в других регионах в схожих ситуациях.

Создание Европейского совета по фетвам и исследованиям, на наш взгляд, было обусловлено необходимостью выработать методологию вынесения фетв в контексте глубокого понимания жизни в Европе, понимания проблем европейцев, их логики в повседневной жизни, а также с учётом географических и культурных особенностей и традиций. Таким образом, перед современными знатоками фикха встала задача аналогичная той, с которой столкнулись исламские учёные и богословы на самом раннем этапе становления фикха. То есть: подобно тому, как принятие во внимание обычаев и традиций жизни на Аравийском полуострове и жизни в Ираке сыграло свою роль в формировании фикха Хиджаза (*школы ахль-хадис*) и иракской школы (*школы ахль-ра'й*), современным знатокам фикха нужно было выносить новые фетвы, учитывающие обстоятельства жизни в Европе. В качестве основания для этого может служить то,

что обычаи и традиции (не противоречащие прямым и категоричным доказательствам), должны учитываться при выведении шариатских норм. Например, в фикхе существует такой основополагающий принцип как «*Традиция устанавливается в качестве нормы*» [9, с. 28], из которого в свою очередь вытекает целый ряд других, и в частности «*Не следует отвергать изменение предписаний с изменением времён*» [9, с. 28].

2. Степень обоснованности применения концепта «мусульманские меньшинства» в отношении российских мусульман

Прежде чем приступить к вопросу о том, насколько возможно применение концепта «мусульманские меньшинства» в отношении мусульман Российской Федерации, отметим, что говоря о мусульманских сообществах мы обобщаем и абстрагируем, поскольку само понятие «мусульманское сообщество» довольно условно и точно установить границы такого сообщества зачастую оказывается сложно.

Итак, что касается применения данного концепта в отношении всех мусульман в Российской Федерации, следует отметить, то на наш взгляд это будет не совсем корректным в силу ряда причин:

1. Ислам на территорию нашей страны пришёл во времена сподвижников пророка Мухаммада, примерно в 642 г., а в г. Дербент (Дагестан) находится старейшая в Российской Федерации и сохранившаяся до наших дней соборная мечеть, дата постройки 733-734 гг. [10, 65-66].
2. Официальное принятие ислама Волжской Болгарией в 922 г., при этом Ибн Фадлан в своих путевых записках говорит о том, что ислам на этих территориях уже практиковался и, по-видимому, пришёл с купцами и проповедниками [10, 550-553; 11, 12-18; 12, 129-130].
3. Золотая Орда, куда входили обширные территории современной Российской Федерации, приняла ислам на государственном уровне уже в начале 20-х годов XIV века при хане Узбеке [11, 19-20; 12, 130-133].
4. Ислам в качестве государственной религии сохранился на территории нашей страны и после распада Золотой Орды – Большая Орда, Астраханское, Казанское, Крымское ханства, Ногайская Орда [11, 20-21; 12, 125-127 и 130-133].
5. Ислам сохранил своё присутствие на этих территориях с момента своего распространения, и, таким образом, в некоторых регионах нашей страны имеет более чем тысячелетнюю историю [11, 22-35 и 35-43].
6. Арабское письмо, получившее распространение на территории нашей страны с приходом ислама [10, 560-561], использовалось вплоть до 30-х го-

дов XX века, да и поныне оно используется в Российской Федерации в сфере исламского духовного образования.

7. В регионах традиционного распространения ислама в нашей стране мусульман нельзя назвать меньшинством, поскольку где-то мусульмане составляют значительную или даже большую часть населения (например Башкортостан, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Крым, Татарстан или Чечня).
8. Народы, традиционно считающиеся последователями ислама, являются коренными для нашей страны и имеют свои давние связанные с исламом культуру, традиции и обычаи, среди них имели распространение, а где-то и сохраняются суфийские духовные практики [12, 126, 311-312].
9. Мусульмане нашей страны традиционно являются последователями ханафитского или шафитского мазхаба, со своими образовательными центрами и традициями образования, духовными управлениями [10, 29] или инстанциями, куда обращались за фетвами, существовал у мусульман на территории нашей страны и свой институт кадиев (шариатских судей) [10, 65-66 и 561-562; 11, 17-21, 59-63 и 122-124; 12, 126-130]. Такая ситуация сохраняется в целом и поныне.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что ислам на территории Российской Федерации имеет древнюю историю и сохраняет влияние и поныне, и отнести всех мусульман к некоей слабой малочисленной общности в иноверческом окружении будет не совсем корректно. В пользу данного суждения может свидетельствовать то, что в местах исторического компактного проживания мусульмане представляют собой уже сложившуюся общность со своими религиозными институтами. Кроме того, ислам в Российской Федерации имеет свои характерные особенности, что стало следствием проживания мусульман в многонациональном и многоконфессиональном окружении, и вполне возможно, что это формирует особую идентичность ислама на Евразийском пространстве. Также следует отметить, что правильнее будет проводить аналогии не со странами Западной Европы или Северной Америки, а приводить в пример Индию или Китай, поскольку в каждой из этих стран проживает до 100 миллионов мусульман, и вместе с этим они представляют собой относительное «меньшинство», хоть и многомиллионное.

Принимая во внимание точку зрения аль-Карадави – проживание в стране с преобладающим немусульманским населением и не относящейся к исламскому миру (пусть и в абстрактном его понимании), а также учитывая рассмотренные выше причины, по которым не совсем корректно относить всех мусульман России к религиозным меньшинствам, можно сказать, что концепт

«мусульманские меньшинства» может соотноситься с некоторыми сообществами мусульман в нашей стране:

- а) новообращённых мусульман;
- б) группами, проживающими в меньшинстве вне территорий исторического распространения ислама.

Здесь мы вполне можем допустить влияние различных методологий, в том числе и фикха мусульманских меньшинств, это обусловлено тем, что первые исторически не соотносят себя ни с какой религиозной традицией в исламе, а вторые, если окажутся оторванными от своих исторических корней или национальных сообществ, также могут принять ту или иную трактовку фикха и обращаться в те инстанции, которые им будут доступны или считаются ими более авторитетными. В отношении именно этих сообществ понятие «мусульманские меньшинства» может быть использовано, тем более что одним из факторов, способствующих обращению к фикху мусульманских меньшинств данными категориями, может служить общность проблематики, а также наличие в фикхе меньшинств решений, которые могут дать ответ на возникающие в этой среде вопросы религиозной жизни.

Заключение

Фикх мусульманских меньшинств, с учётом рассмотренных определений, это совокупность фетв, которую следует рассматривать в динамике изменения обстоятельств и времени, и соответственно, нормы применимые к одной ситуации, могут кардинальным образом отличаться от их применения в другой. Значительную роль в фикхе меньшинств в этой связи играет такой фактор как обычаи и традиции.

С учётом многовековой истории ислама на территории Российской Федерации, следует отметить, что значительная часть мусульман представляет собой уже сложившуюся историческую общность со своими традициями и религиозными институтами. К категории «мусульманских меньшинств» может быть отнесена только ограниченная часть мусульманского сообщества – так называемые новообращённые мусульмане и группы, проживающие в меньшинстве вне территорий исторического распространения ислама.

По аналогии с тем, как фикх меньшинств (по крайней мере в рамках деятельности Европейского совета по фетвам) учитывает особенности жизни мусульман в Европе, можно допустить возникновение со временем такого явления как особые походы в вынесении фетв для российских мусульман. Не исключено, что когда-то этот фактор сыграет свою роль в формировании некой евразийской мусульманской идентичности. Одним из свидетельств в пользу подобных предположений являются попытки создания на базе Болгарской исламской академии площадки для обсуждения и решения насущ-

ных проблем религиозной жизни мусульманского общества России. Одним из вызывающих живой интерес направлений в деятельности проводимого в Академии ежегодного форума развитие фетвотворческих институтов в России и анализ аспектов их деятельности.

Следует отметить, что к перцептивным направлени-

ям исследования феномена фикха мусульманских меньшинств можно отнести анализ его методологии, факторы, способствующие её распространению. Кроме того, при изучении всего объёма вынесенных постановлений и фетв Европейского совета как одной из важнейших инстанций фикха меньшинств судить о процессах развития и изменения в его методологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курбанов Р.В. Фикх мусульманских меньшинств. Мусульманское законодательство в современном немусульманском мире / Издательский дом «Медина» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL <http://www.idmedina.ru/books/theology/?4888> (дата обращения 14.02.21).
2. Йусуф аль-Карадави, программа «аш-Шари'а уа аль-хайат», серия «Фикх аль-акаллиййат» / Aljazeera Media Network [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL <https://www.aljazeera.net/programs/religionandlife/2004/6/4/%D9%81%D9%82%D9%87-%D8%A7%D9%84%D8%A3%D9%82%D9%84%D9%8A%D8%A7%D8%AA> (дата обращения 14.02.21).
3. Таха Джабир аль-'Альвани, статья «Фикх аль-акаллиййат: назрат та'сисийа» / «Акадимийат Таха аль-'Альвани ли-д-дирасат аль-куранийя» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL <https://alwani.org/?p=2288> (дата обращения 15.02.21).
4. Йусуф аль-Карадави. Фи фикхи аль-акаллиййат аль-муслима. Каир: Дар аш-шурук, 1968. – 207 с.
5. Маджаллят маджма' аль-фикх аль-ислями ад-даули. ад-Даурату ас-садисата 'ашар. № 16/ 4. 2007 г. 729 с.
6. Хутбату-ль-имам аш-шахид аль-Буты. Йусру-д-дин ва укзубат фикхи-ль-акаллиййат / Просветительский сайт «Насим аш-шам» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL <https://naseemalsham.com/speeches/view/20010406> (дата обращения 17.02.21).
7. Аль-Буты. «Фатава ислямиийа фи мазхариха уа хадима ли-ль-гарб фи хаккыкатиха». Просветительский сайт «Насим аш-шам» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL https://www.naseemalsham.com/persons/muhammad_said_ramadan_al_bouti/subjects/view/58415 (дата обращения 17.02.21).
8. Ман нахну (Кто мы?) / Официальный сайт European Council for Fatwa and Research [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL <https://www.e-cfr.org/%D9%85%D9%86-%D9%86%D8%AD%D9%86/> (дата обращения 17.02.21).
9. аль-Маджалля (Маджаллят аль-ахкам аль-'адлиййа). Бейрут: аль-Матба'а аль-адабиййа, 1403 г.х. – 260 с.
10. «История татар с древнейших времён» в 7 т., том II: «Волжская Булгария и Великая Степь». – Казань: Изд. РухИЛ, 2006. – 960 с.
11. Мухаметшин Р.М. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. – Казань: Татар. Кн. изд-во, 2005. – 246 с.
12. Хайрутдинов Р.Р. Ислам на европейском Востоке: Энциклопедический словарь / Р.Р. Хайрутдинов и другие; под ред. Р.А. Набиева – Казань: Магариф, 2004. - 383 с. – с. 129-130;

© Тагиров Руслан Гуфурович (ruslanhajji@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Our authors

Asfandiyarova A. – Postgraduate, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla

Evsiouk A. – Candidate of psychological Sciences, Senior Research Officer, Military University of the Ministry of defense of the Russian Federation

Fidarova F. – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Kamianets A. – Doctor of Cultural Studies, Professor, Russian State Social University (Moscow)

Kardashov V. – Postgraduate student, Moscow State Regional University, Moscow

Kostrigin A. – Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer, Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art) (Moscow)

Kovaleva I. – Post-graduate student, Russian State Social University (Moscow)

Kovaleva I. – Post-graduate student, Russian State Social University (Moscow)

Kozlova L. – Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art) (Moscow)

Kryukov V. – PhD of psychology, Western Kennedy University

Lebedeva P. – Postgraduate student of Saint-Petersburg State University

Maisner T. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk

Matskevich D. – Russian State University for the Humanities, Moscow

Melnikov V. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Buryat State University, Ulan-Ude

Mizonova O. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Ogarev Mordovia State University”

Myasnikova Z. – PhD Student, Pacific State University

Nasirov M. – PhD, Associate Professor, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal affairs of Russia, Nizhny Novgorod

Ning Wenjing – Professor, Heihe University, Heihe City (China)

Ragulina M. – PhD in Psychology, Pacific National University, Khabarovsk

Ravochkin N. – Kuzbass state agricultural academy; Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev

Shcherbakova N. – candidate of pedagogical sciences, associate professor, Penza State University

Shukshina L. – Doctor of Philosophy, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Altai State Pedagogical University, Barnaul

Sorokina E. – Candidate of Pedagogical Sciences, Institute of Creative Psychology

Tagirov R. – Postgraduate, Kazan (Volga region) Federal University

Timofeeva I. – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Komsomolsk-on-Amur State University

Umnyy D. – teacher, Penza socio-pedagogical college

Vasilyeva O. – Senior lecturer, State University of Management, Moscow

Zhang Wei – lecturer, Heihe University, Heihe City (China)

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).